

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Ордена Трудового Красного Знамени

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«НАУКА»

МОСКВА

1974

SIBIRIA

Iugoria

RUSSIA

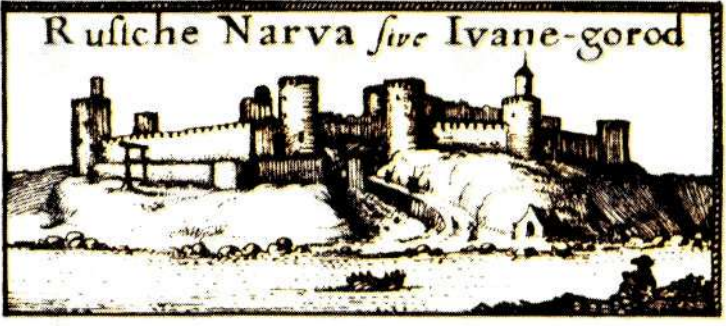
Obb. reca seu Ne.

Kithaika lacus

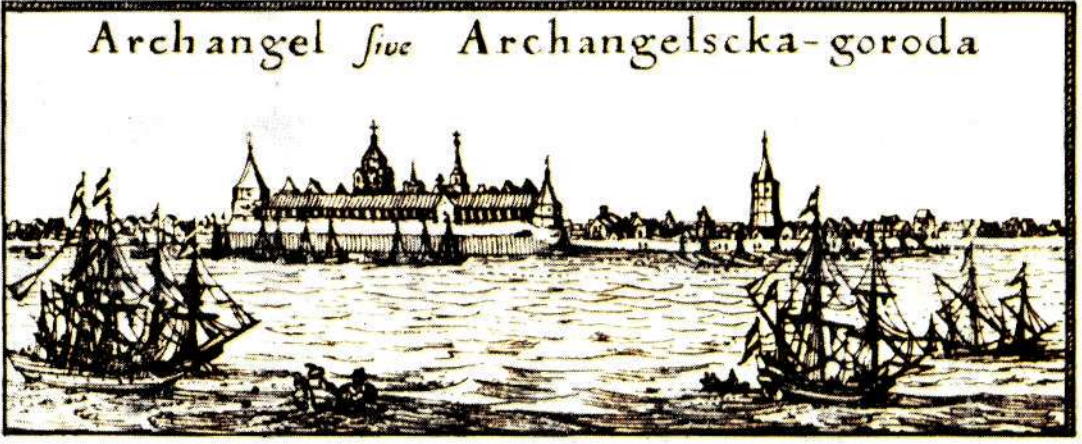
Toboll metropolis Siberiae

Irtysh flu. Pega

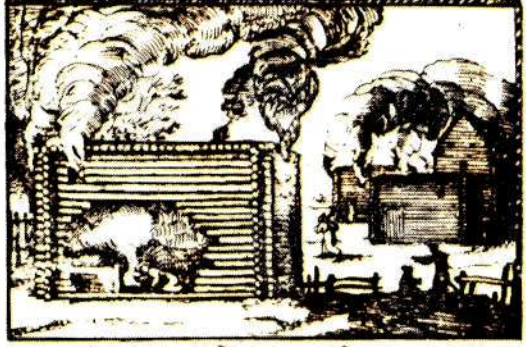
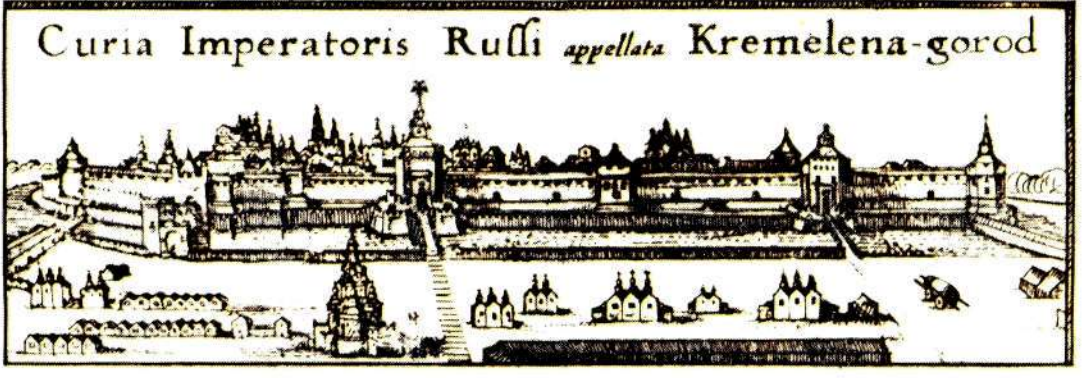
Russche Narva sive Ivane-gorod

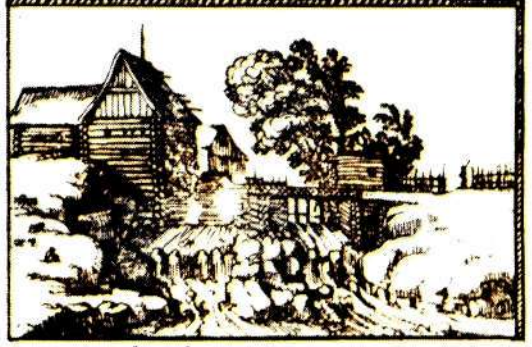
Archangel sive Archangelscka-goroda

Curia Imperatoris Russi appellata Kremelena-gorod

Hypocausta Russorum

Molendina Russorum

PARS

Turck

Melmebuch Cuhinacho

loria.

naturia

Tura flu.

Tumen

Tofda flu.

tka

AN

Wolga flu.

Samara

Sar atoff

Tereusack

Bufan

Kintock

68

59

50

Б.А.РЫБАКОВ

РУССКИЕ
КАРТЫ
МОСКОВИИ

Книга восстанавливает историю древнерусского картографирования. Автор приходит к выводу, что карта Антония Дженкинсона 1562 г. восходит к русскому чертежу 1497 г., карта Гесселя Герритса 1613 г. (составленная по автографии царевича Федора Годунова) — к чертежу территории Московии (1523 г.), а карта Гийома Делиля 1706 г. — к схеме Московии 20-х годов XVI в., составленной в кругах феодальной оппозиции великому князю Василию III. Новая точка зрения на источники западных карт позволяет считать началом русской картографии не большой чертеж (июля XVI в.), а карты Московского государства, составленные в эпоху Ивана III и Василия III и широко использованные западноевропейскими картографами.

Книга является ценнейшим исследованием по русской картографии конца XV — начала XVI в. и представляет интерес для читателей, изучающих историю России — от исследователей до учащихся вузов и средних школ.

Оформление художника

Н. А. СЕДЕЛЬНИКОВА

СОДЕРЖАНИЕ

7

РУССКИЕ КАРТЫ МОСКОВИИ
конца XV—начала XVI века

21

ЧЕРТЕЖ МОСКОВСКИХ ЗЕМЕЛЬ
1497 года
(карта А. Дженкинсона 1562 года)

57

ПЕРВООСНОВА ЧЕРТЕЖА
ЦАРЕВИЧА ФЕДОРА

70

ДМИТРИЙ ГЕРАСИМОВ
И СИГИЗМУНД ГЕРБЕРШТЕЙН

85

КАРТА КНЯЖЕСТВ 1526 года

РУССКИЕ КАРТЫ МОСКОВИИ

конца XV —
начала XVI века

эпоху Ренессанса, когда великие географические открытия следовали одно за другим, картография стала важной отраслью науки, а составители карт — всемирно известными учеными. Географические проблемы обсуждались во дворцах и портовых тавернах, в монастырях и кабинетах ученых. Важнейшей практической задачей было отыскание наиболее удобного пути в Индию. С этой точки зрения путешествие Колумба оказалось неудачным — новый неведомый материк заслонил собой прямой западный морской путь к берегам Азии. Открытие Васко да Гама было монополизировано португальцами; «лузитанцы» топили корабли иных государств.

Мысль географов, уже освоившихся с шарообразной формой Земли, обратилась к поиску северо-восточных путей в Индию и Китай. Здесь на дороге к заманчивым азиатским землям лежала «Московия», совокупность нескольких десятков русских княжеств, оказавшихся в короткий срок под властью Москвы.

Московия была очень плохо известна Западной Европе: карта Мартина Вальдземюллера 1516 г. с ее смесью неверно понятых купеческих маршрутов с устаревшими данными Клавдия Птолемея явно говорила о беспомощности североевропейской картографии. Даже в соседней с Россией Польше ученые очень смутно представляли себе глубины русских земель: ректор Краковского университета Матвей Меховский¹ полагал (1518 г.), например, что Волга впадает в Черное море.

Интерес к России и ее географическим контурам был велик. Генуэзец Паолетто Чентурионе едет в Москву для того, чтобы разведать расчисленный им путь из Москвы в Индию через Каспийское море и Амударью, которая, по его представлениям, впадает в Каспий. Австриец Сигизмунд Герберштейн разыскивает в Москве карты Московии и знакомится с людьми, причастными к картографии. Как увидим ниже,

¹ М. Меховский. Траттат о двух Сарматиях. М.—Л., 1936, стр. 61.

Герберштейн обогатился в Москве подробными и точными сведениями о Московии и сопредельных землях.

Немецкий гуманист Ульрих фон Гуттен переписывается с Герберштейном по поводу истоков русских рек. В Вильнюсе художник Антоний Вид составляет свою знаменитую карту по материалам русского боярина И. В. Ляцкого, а Себастиан Мюнстер включает схему этой карты в свою «Космографию».

Ватикан пышно встречает в 1525 г. русского посла Дмитрия Герасимова, и гуманист Павел Джовьо (Иовий) записывает в Риме рассказы русского писателя и дипломата «Эразмиуса», где самым увлекательным местом является описание Ледовитого океана и возможного Северного морского пути: «... достаточно хорошо известно, что Двина, увлекая бесчисленные реки, несется в стремительном течении к Северу и что море там имеет такое огромное протяжение, что по весьма вероятному предположению, держась правого берега, оттуда можно добраться на кораблях до страны Китая ...»²

Рассказы Д. Герасимова, который в молодых годах сам плывал на корабле по океану, должны были быть изданы в сопровождении «печатного чертежа», но, к величайшему сожалению, сочинение Джовьо вышло без карты.

Какую-то карту Московии русский посол в 1525 г. показывал местным ученым в Аугсбурге; наиболее вероятно, что это был тот же Герасимов, действительно проезжавший через Аугсбург. Венецианец Баттиста Аньеze нарисовал в 1525 г. карту Московии со ссылкой на имя «посла Димитрия», но она менее подробна, чем текст Дмитрия Герасимова-Джовьо. Русская карта Московии 1525 г. осталась загадкой.

Анализ европейской картографии XVI в. показывает, что она основывалась на тех или иных русских материалах и каждая новая карта была связана или с именем путешественника, побывавшего в России (С. Герберштейн, А. Дженкинсон), или прямо с русским источником, как карта А. Вида 1542 г. или известная карта Гесселя Герритса 1613 г., составленная «по автографу, вычерченному под наблюдением Федора, сына царя Бориса».

Мировая географическая наука многим обязана русским изысканиям в отношении самой Московии, Поволжья, Беломорья, далекого югорского северо-востока и Сибири, завершившимся к концу XVI в. созданием грандиозной стратегической карты России и сопредельных стран — «Большим Чертежом».

Поэтому постановка проблемы собственно русской картографии эпохи великих географических открытий представляет особый интерес для исторической и географической науки.

Работы историков географии и картографии за последние два десятка лет привели к выводу о том, что к концу XV — началу XVI в. в новосозданном Московском государстве быстро накапливался обильный и многообразный географический материал³. Во-первых, в 1490-е годы были предприняты грандиозные работы по переписи сел и городов всего Московского государства от Белого моря до степной окраины и от Чудского озера до Суры. Созданные в результате этих работ писцовые книги свидетельствуют о стремлении московского правительства составить точное представление о всем новом государстве. Во-вторых, по данным описи царского архива 1572—1575 гг. и архива Посольского приказа 1614 г., нам известно, что почти все западное побережье Московии от Ледовитого океана в районе современного Мурманска до

² Павел Иовий Новомоский. Книга о московском посольстве. СПб. 1908, стр. 262.

³ Д. М. Лебедев. Очерки по истории географии в России XV—XVI вв. М., 1956.

Ф. А. Шибанов. «Большой Чертеж» — первая оригинальная карта Московского государства. «Труды II съезда Русского географического общества», т. III. М., 1949.

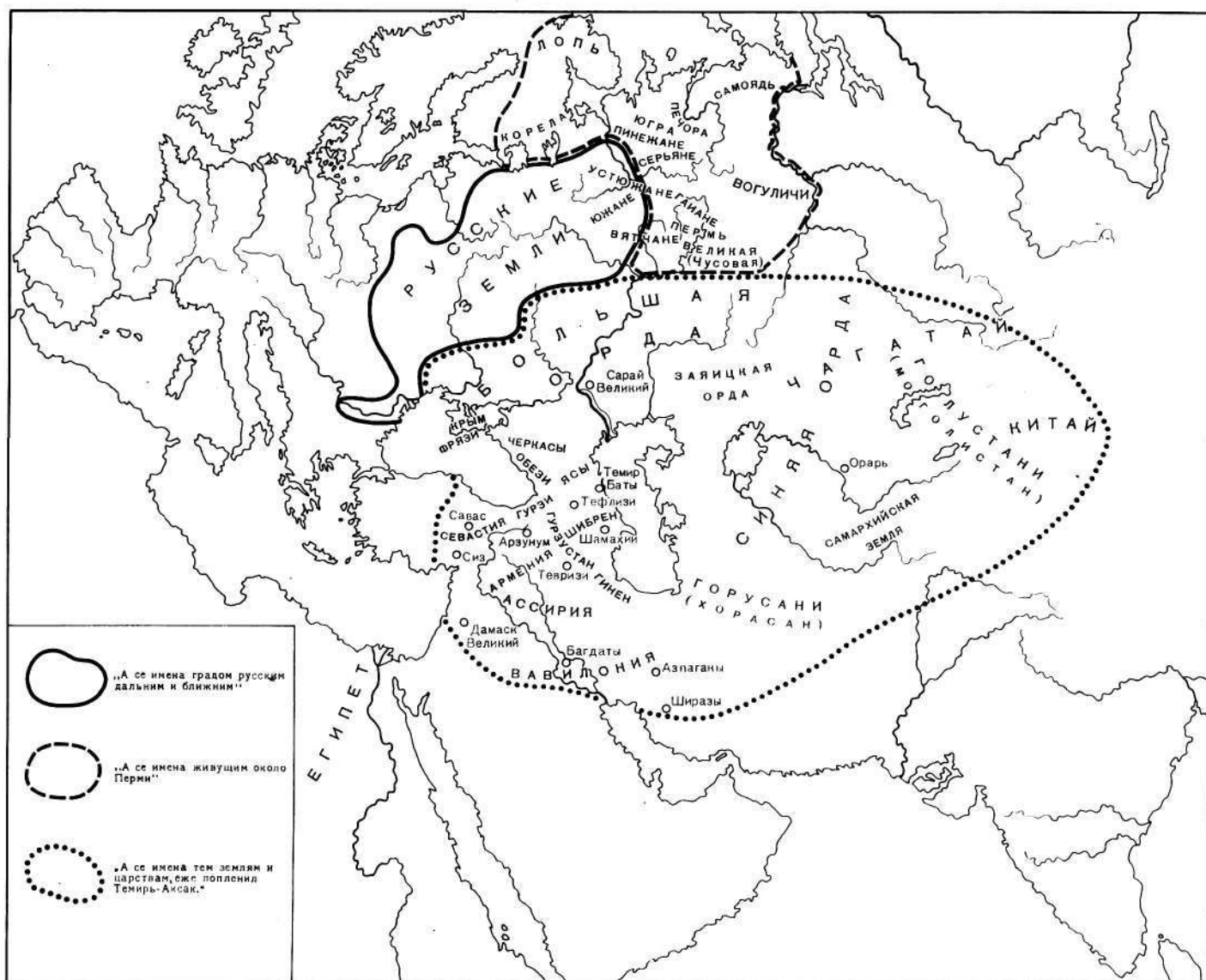
К. Н. Сербица. Источники «Книги Большому Чертежу». «Исторические записки», 1947, т. 23.

К. А. Салищев. Основы картоведения. М., 1962.

Б. П. Иванова. Русская картография до XVII в. «Материалы Харьковского отделения Всесоюзного географического общества», 1964; «Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке, XVII, XVIII вв.», М., 1964.

L. Bagrow. At the Source of the Cartography of Russia. «Imago Mundi», vol. XVI. Amsterdam, 1962.

L. Bagrow. History of Cartography. Cambridge, 1964.

Путивля и Чернигова на юге было представлено рядом локальных чертежей; многие из них ко времени составления описей уже поистрепались и потребовали особых помет: «ветх добре», «ветх, распался». По поводу некоторых чертежей автор описи 1614 г. горестно пишет: «Чертежи же розных государств ветхи добре, распались, розобрать имянно и написать не мочно»⁴. К тому, что сказано об этих чертежах в литературе по истории географии, следует добавить, что некоторые чертежи могут быть датированы началом XVI в.

Таков, например, чертеж Себежский и Туменский, хранившийся в том же ящике, где были «книги и списки и грамоты при великом князе Иване Васильевиче всея Руси з Жигимантом королем», т. е. до 1505 г.

Еще точнее датируется Смоленский чертеж, находившийся в том ящике, где лежали «книги старые» времен королей Казимира и Александра (до 1506 г.), «да книги, писанные после докончання: литовские посольства Жигимонта короля с великим князем Васильем; да книги — приезд литовских послов к великому князю Василью в розмирицу при Максимьянове после»⁵.

1

**СХЕМА
ЛЕТОПИСНЫХ
ГЕОГРАФИЧЕСКИХ
СВЕДЕНИЙ
1390-х ГОДОВ**

⁴ «Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г.». М., 1960, стр. 136.

⁵ Там же, стр. 19.

РУССКИЕ
КАРТЫ
МОСКОВИИ

6
Там же, стр. 136.

7
Е. Е. Замысловский. Герберштейн и его историко-географические известия о России. СПб., 1884. Д. М. Лебедев. Очерки по истории географии в России XV—XVII вв. М., 1956.

8
ПСРЛ, т. VI, стр. 200—201; «Очерки русской культуры XIII—XV вв.», ч. 2. М., 1970, стр. 185—186 (Б. А. Рыбаков. Глава «Просвещение»).

9
Первым опытом систематизации была работа Ф. Адельунга «Иностранные карты России». СПб., 1840. Прекрасный свод западноевропейских карт XVI—XVII вв. вал В. В. Кордт в нескольких выпусках «Материалов для истории русской картографии» (вып. I, Киев, 1899; вторая серия, вып. I, часть I. Киев, 1906; вып. II, Киев, 1910). Последний выпуск вышел под названием: «Материалы до истории картографии Украины», Киев, 1931. Важнейшие карты переизданы в 1964 г. в «Атласе географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке XVII—XVIII вв.» Подробный обзор литературы и источников по русской картографии XVII—XVIII вв. сделал Л. А. Гольденберг в статье «Картографические материалы как исторический источник и их классификация (XVII—XVIII вв.)», («Проблемы источниковедения», сб. VII. М., 1959). Рассмотрение карт XVI в. не входило в задачу автора.

10
L. Bagrow. At the Source of the Cartography of Russia. «Imago Mundi», vol. XVI, 1962.

11
К более подробному разбору путей на карте 1516 г. мы вернемся позднее.

12
K. Buczek. Ein Beitrag zu Entstehungsgeschichte der «Kostographie» von Sebastian Münster. «Imago Mundi», vol. I, 1935, p. 40; см. также: Е. Е. Замысловский. Описание Литвы, Самогитии, России и Московии Себастиана Мюнстера XVI в. ЖМНП, № 211, 1880.

Дата материалов, сопутствующих чертежу, определяется тем, что послы короля Сигизмунда I были в Москве одновременно с императорским послом только в октябре-ноябре 1517 г., когда предметом обсуждения оказался Смоленск, взятый русскими за три года до этого. «Максимьянов посол» — Сигизмунд Герберштейн, — будучи главной фигурой в этих переговорах, должен был видеть «чертеж Смоленской и рубеж Смоленским волостем». Второе рассмотрение смоленского вопроса совместно с императорскими послами происходило в октябре 1526 г., но это было уже спустя семь лет после смерти Максимилиана (1519 г.). Таким образом, наиболее вероятная дата Смоленского чертежа — 1514—1517 гг.

Создание Московского государства сопровождалось длительными войнами со Швецией, Польшей и Ливонским орденом. Многочисленные дипломатические переговоры и проведение точных границ вызвали к жизни десятки чертежей.

Если мы исключим карты времен Ливонской войны и возьмем только те чертежи, которые к началу XVII в. стали ветхи или «ветхи добре», то получим почти сплошную пограничную полосу от «Корелские и Лопские земли к Мурманскому морю с каинскими немцы» до «Корелского и Ореховского рубежа» и далее до пограничья «свейских и лифляндских немец с Литовскою землею и с государевою со Псковскою землею». Далее в этот перечень следует включить упомянутый выше Смоленский чертеж. Завершается на юге эта полоса порубежных карт ветхим чертежом северских городов, составленным, надо полагать, после событий 1503 г. ⁶

Третьим разделом русских географических материалов конца XV—начала XVI в. являются описания путешествий (Афанасия Никитина, Григория Истома, Дмитрия Герасимова и др.) и специальные дорожники, подробно рассмотренные Е. Е. Замысловским и Д. М. Лебедевым ⁷. Добавить к этим материалам можно лишь летописный дорожник от Москвы до Новгорода «О поезде великого князя [Ивана III] в Великий Новгород» в 1476 г. ⁸

Главным источником для выявления и изучения русских карт XVI—XVII вв. являются западноевропейские карты и атласы XVI—XVIII вв. Хотя за последнее время в различных архивах отыскано много подлинных русских карт (преимущественно XVII в.), все же для изучения раннего этапа русской картографии иностранные карты Московии представляют несомненный интерес ⁹.

Итоги разысканий в области русской картографии XVI в. подведены Л. С. Багровым в 1962 г. в его статье «У истоков русской картографии» ¹⁰. Выводы автора сводятся к следующему.

1. Следы дорожников, описывающих ряд путей, ведущих из Москвы в разные части Московии, Л. С. Багров усматривает уже на карте Мартина Вальдземюллера 1516 г. («Carta Marina»). Путаница, существующая у Вальдземюллера, еще более увеличена Багровым, который расшифровывает «Geriof», как Ярославль, а «Ieroslaf», как Малоярославец (стр. 35). «Geriof» должно расшифровываться, как Юрьев, находящийся действительно между Владимиром и Плесом ¹¹. Об источниках сведений Вальдземюллера о московских путях Багров ничего не говорит, трицать только информацию Н. Поппеля.

2. Вторым этапом картографии Московии Багров считает карту, опубликованную Себастианом Мюнстером в 1528 г., возможно, по эскизу Матвея Меховского. Польский исследователь К. Вучек, на которого ссылается Багров, считал, что Матвей сам никогда не был в России и составил свой трактат (1517 г.) по рассказам польских воинов, послов и купцов ¹². Карта Меховского—Мюнстера очень неточна.

3. По поводу нашумевшей карты 1525 г., изготовленной в Венеции Баттистой Аньезе и связанной с именем Дмитрия Герасимова, Л. С. Багров держится скептичес-

кой точки зрения: «Герасимов не принимал участия в составлении этой карты; она была составлена позднее по записям рассказов Герасимова, которые сделал Павел Иовий. Возможно, что Иовий нарисовал ее сам»¹³.

Можно согласиться с автором, что «исследование карты Аньезе вызывает сомнения в том, была ли она составлена или даже подтверждена Герасимовым»¹⁴. К тому же источнику (предполагаемая карта Иовия) Багров возводит и карту Дж. Гастальди 1548 г.

4. Первой картой Московии, в составлении которой принимал участие русский человек, Багров считает карту Антония Вида, составленную с помощью боярина Ивана Васильевича Ляцкого в 1542 г. с латинскими и русскими надписями. Карта издана в 1555 г.¹⁵

5. Следующим этапом Багров считает известную карту С. Герберштейна, изданную только в 1546 г., через двадцать лет после второго путешествия в Россию. «Герберштейн не мог получить в России ни официальных карт, ни карт, нарисованных частными лицами. Ляцкий обеспечил его через Вида, а может быть, через Мюнстера материалами, которые он собрал и которые обработал после того, как покинул Россию»¹⁶.

6. Первой общей картой России, составленной в России, Багров считает «Большой Чертеж»¹⁷, дата появления которого обычно определяется как конец XVI в.

Итак, в итоге рассмотрения «истоков русской картографии» у Л. С. Багрова выделяется по существу только одна карта, составленная по материалам русского эмигранта (с 1534 г.) И. В. Ляцкого, — карта Антония Вида 1542—1555 гг., отысканная и опубликованная Г. Миховым в 1884 г.¹⁸

Учитывая недостаточную степень разработанности некоторых вопросов, дальнейшее наше исследование должно быть направлено, во-первых, на выяснение уровня географических знаний Руси накануне возникновения картографии, во-вторых, на поиски тех своеобразных форм европейской картографии, которые повлияли на специфику первых русских карт (их «перевернутость», ориентировку по югу, а не по северу, как у нас теперь), и, наконец, в-третьих, исследовательскому пересмотру должны быть подвергнуты все те европейские карты XVI и XVII вв., в которых по тем или иным признакам можно подозревать использование более ранних русских источников.

Обзор тех географических сведений, которыми располагали русские ученые люди ко времени великих географических открытий, обычно ограничивают указанными выше ссылками на «хождения», писцовое дело и чертежи дорог и земель.

Необходимо пополнить этот обзор двумя группами географических обобщений, возникшими в самом конце XIV столетия и многократно повторявшимися в летописях XV и XVI вв. Одна группа синтезирует все города, населенные древнерусской народностью (включая сюда и будущих украинцев и белоруссов), а другая знакомит с соседями Руси: финно-угорскими народами северо-востока, балканскими землями на юго-западе и обширным царством Тамерлана на юго-востоке.

В конце XIV в., когда русские земли были еще фактически раздроблены на сотни полусамостоятельных княжеств и уделов, но уже шел неудержимо процесс объединения, когда прогрессивная мысль передовых русских людей, преодолев удельную косность, уже открыто стремилась к единству Руси, — в это время появляются первые географические сводки, охватывающие все «дальние и ближние» русские земли

¹³ L. Bagrow. At the Sources..., стр. 40.

¹⁴ Основные аргументы Багрова против участия Дмитрия Герасимова в составлении карты Баттисты Аньезе таковы: карта существенно расходится с текстом Павла Иовия; на карте очень неточно нанесены северные земли, которые Герасимов хорошо знал по своим путешествиям; карта начерчена Б. Аньезе уже после отъезда Герасимова из Италии.

¹⁵ Багров ошибся в чтении даты, написанной русскими цифрами, считая, что дата указана от сотворения мира. На самом деле дата выглядит так Ч·Д·Ф·М·В·= = 1542.

¹⁶ L. Bagrow. At the Sources..., стр. 48.

¹⁷ Там же, стр. 43

¹⁸ H. Michow. Die Ältesten Karten von Russland. Hamburg, 1884.

H. Michow. A Wied, ein Danziger Kartograph des 16 Jahrhunderts. Hamburg, 1905. В. В. Корот. Материалы до Истории..., табл. 39—41. «Атлас географических открытий...», № 20.

независимо от современных политических границ, воскрешая былые пределы древнерусской народности. Как и в исторической науке, где на рубеже XIV—XV вв. проявился интерес к общерусской истории на широком фоне истории сопредельных стран (полихрон, хронографы), так и в области географических знаний мы видим, во-первых, стремление к охвату всей Руси от Карпат до Заволжья и, во-вторых, желание дать сведения о широком круге стран, опоясывающих эти русские земли.

Особый интерес представляют вкрапленные в летопись статьи географического содержания. Они встречаются под 1392, 1395, 1396 гг.¹⁹ и в виде отдельного списка, помещенного в Воскресенской, Новгородской I, Ермолинской и других летописях без определенной даты. Одни географические обзоры кратки и связаны с конкретными историческими событиями²⁰, другие же обзоры очень однотипны и производят впечатление выписок из какого-то подробного географического словаря, бывшего под рукой у летописца или у сводчика летописи: идет речь о войнах Тимура — и историк берет из этого словаря список его завоеваний; скончался епископ Стефан Пермский — и из словаря выписывается перечень племен и народов Перми Великой. Едва ли можно думать, что у летописца под рукой была карта. Все эти статьи из предполагаемого географического словаря выделяются среди летописного текста своим стилистическим единством, все они начинаются совершенно одинаково: «А се имена тем землям и царством, еже попленил Темир-Аксак», «А се имена живущим около Перми землям и странам и местом иноязычным», «А се имена градом всем Русским дальним и ближним»²¹.

Рассмотрим первый список. Здесь мы найдем: Джагатайский улус, Хоросан, Китай, Синюю Орду, Шираз, Исфагань, Орнач, Шемаху, Савас, Арзерум, Тебриз, Тифлис, Грузию («Гурузстани»), Абхазию, Багдад, Дербент («Темирьбаты, реще Железнаа Врата»), Ассирию, Вавилонию, Севастию, Армению, Дамаск, Сарай Великий.

Основная часть списка соответствует завоеваниям Тимура 1372—1392 гг., в конце списка добавлены Дамаск (1400 г.) и Сарай (1395 г.). Отсутствуют завоевания Тимура в Индии (Дели, 1398 г.). Чувствуется, что составитель списка первоначально перечислил современные ему названия в иранской и тюркской передаче (ср. «Гурузстани» и «Темирьбаты»), затем пополнил список библейской и христианской топонимикой, дублирующей иногда названия первой половины списка («Вавилония» при наличии Багдада, «Севастия» при наличии «Саваса»), и уже в самом конце к списку были добавлены некоторые завоевания 1395—1401 гг.

Создается впечатление, что основной список был составлен в 1394—1395 гг. до получения сведений о втором разгроме Тохтамыша на север от Железных Ворот (1395 г.) и до похода Тимура на Русь.

Второй список, посвященный народам северо-востока, был составлен, очевидно, при жизни Стефана Пермского, тщательно изучавшего этот край, а может быть, и без его участия. Здесь перечисляются местные финно-угорские народы сначала по рекам («Двиняне, Устюжане, Виляжане, Вычежане, Пенежане, Южане, Серьяне, Гайяне, Вятчане»), а затем под теми названиями, под которыми почти все они были записаны еще в XII в. в «Повести временных лет» («Лопь, Корела, Югра, Печера, Вогуличи, Самоять, Пертасы, Пермь Великая, глаголемаея Чюсовая») ²².

Далее идет обзор гидрографии Пермской земли: «Река же преваа, именем Вым, впаде в Вычегду; другаа река Вычегда, обходящи всю землю Пермскую, потече в северную страну и впаде в Двину ниже Устьяга 40 верст; река же третья Вятка потече в другую страну Перми и впаде в Каму реку. Сиа же река Кама, обходящи всю землю Пермскую; по сей реце мнози языци сядят, и потече на юг в землю Татарскую и впаде в Волгу реку ниже Казани 60 верст» ²³.

¹⁹ ПСРЛ, т. XI, стр. 153, 159, 165.

²⁰ «Царство Греческое... Распространижеся тогда и власть Греческаго скипетра даже до Визы и по морю Черному выше, Осилерийской же стране и прочее, еще же и Ахайскими сь Селунскими». Помещено под 1392 г., но должно соответствовать положению позже 1402 г. после разгрома Баязета Тимуром, когда император Манчид вернул многие из тех земель, которые были ранее завоеваны турками (Никоновская летопись. ПСРЛ, т. XI, стр. 153).

²¹ ПСРЛ, т. VII, стр. 240; т. XI, стр. 158—165.

²² ПСРЛ, т. XI, стр. 153, 159, 165.

²³ Там же, стр. 165.

КАРТА МОСКОВИИ
АНТОНИЯ ВИДА —
И. В. ЛЯЦКОГО
1542—1555 ГГ.

3
 КАРТА МОСКОВИИ
 АНТОНИА ВИДА —
 И. В. ЛЯЦКОГО
 1542—1555 Г.
 С ИЗМЕНЕННОЙ
 ОРИЕНТИРОВКОЙ
 И ПЕРЕВОДОМ
 ЧАСТИ НАДПИСЕЙ

Наличие двух списков народов Пермской земли может свидетельствовать о том, что и здесь, как и в списке завоеваний Тимура, к реальным названиям XIV в. рука начитанного книжника приписала сведения, почерпнутые в библиотеке. Там книжник вспомнил о Вавилоне, о царе Навуходоносоре, о 40 мучениках Севастийских, а здесь книжник выписал из Нестора часть перечня «иных языков, иже дань дают Руси».

Список пермских народов по рекам очень логичен и действительно дает нам только население Пермской земли в тех пределах, как они очерчены, с перечнем самих рек (Вым, Вычегда, Вятка). Список же, почерпнутый у Нестора, значительно шире понятия Пермской земли — сюда попали и Лопь (лопари), и Корела, и зауральские Богуличи, и Самоядь, и загадочные «Пертасы» (их у Нестора нет), в которых, вероятно, следует видеть Буртасов.

Очевидно, при составлении предполагаемого географического справочника за основу принимались факты, современные составителю (конец XIV в.), но к ним добавлялись и литературные сведения, взятые из самых различных источников. В этом видно стремление связать географию с историей, стремление, объединяющее перечень владений Тимура с перечнем Пермских земель.

1. В начале поименованы города
крайнего юго-запада (на Дунае, на
Днестре, на Пруте, на Черном море).	4. «А се грады Волынские. . .»
2. «А се Польские [Подольские] грады. . .»	5. «А се грады Литовские. . .»
3. «А се грады Киевские. . .»	6. «А се грады Резаньские. . .»
	7. «А се грады Смоленские. . .»
	8. «А се грады Залесские. . .» ²⁴

Попутно упоминается 51 река.

Перечисленные восемь групп городов имеют много общих черт, но имеют и отличия. Общим является наличие во всех них крупных и мелких городов (есть даже такие, которые ни в каких других источниках не встречаются), архаизм городов (Волын, Пересечен, Словенск, Вятчск, Тмутаракань и др.), полное отсутствие монастырей-городов.

Общим является также беспорядочное описание городов: в списке рядом стоят города, отстоящие друг от друга на многие сотни километров; переход от одного района к другому бывает совершенно неожиданным. Очевидно, географический порядок не был особенно важен для составителей; мы должны отбросить предположение о том, что эти списки могли быть дорожниками, так как города здесь не следуют друг за другом в порядке каких бы то ни было путей.

Различие заключается в том, что в одних группах подробно указаны каменные крепости (Залесские города, Литовские города), а в других, несмотря на несомненное наличие древних каменных укреплений, они не упомянуты (Волынские города). Некоторые города дважды упомянуты в разных группах (Козельск, Оболенск). Различна система описания внутри каждой группы: так, города Дунайские и Киевские описаны в основном по рекам; в группах Волынских, Залесских и Литовских городов реки иногда упоминаются, а при описании Подольских городов совсем не упомянуты ни одна река.

Для выявления уровня развития географических знаний русских людей конца XIV в. исключительную ценность представляет помещенный во многих летописях XV—XVI вв. список русских городов, носящий заголовок: «А се имена градом всем Русским далним и ближним»

Датировка отдельных групп также имеет расхождение. Так, список Залесских городов был составлен после 1387 г. (в этом году поставлен каменный город в Порхове), а Смоленский список, несомненно, ранее 1386 г., так как город Мстиславль «преж-

24

Всего поименовано 350 русских городов. В поздних списках добавлено 8 тверских городов. Почти одновременно появились в печати две карты этих городов, причем авторы исследований, действуя независимо друг от друга, пришли к различным результатам (см. М. Н. Тихомиров. Список русских городов дальних и ближних. «Исторические записки», т. 40, 1952, стр. 214—259; Б. А. Рыбаков. Древние русы. «Советская археология», 1953, № 17, стр. 31—32, рис. 2). Опубликованная мной карта была составлена в 1940 г. и доложена в Институте истории материальной культуры в 1947 г. М. Н. Тихомиров много потрудился над разъяснением местоположения городов и перенес на карту 304 города (85% всего списка). Его основные выводы таковы: список составлен в Новгороде Великом в 1387—1392 гг. в торговых кругах. При его составлении могли быть использованы дорожники русского и украинского происхождения. Возможно, что он сопровождал первоначально чертежом.

25
ПСРЛ, т. IV, стр. 92;
т. V, стр. 239.

26
«Того же лета на осень князь великий Витовт выведе его ис Киева и даст ему Копыл» (Супрасльский список. ПСРЛ, т. XVII, стр. 89). Вероятнее всего, что список киевских городов отражает владения князя Владимира Ольгердовича в 1392—1394 гг., когда Скирвайло, формально претендовавший на всю Киевщину, реально получил от Витовта только Стародуб (1393 г.). И в нашем списке Стародуб представляет собой отдельный «литовский» островок внутри киевских владений.

27
Здесь с середины XII в. Суздальский северо-восток назывался «Залесским». Попадение в повестях о Куликовской битве определения «Залесская земля» применительно к Московскому княжеству связано с немосковской терминологией.

28
Киприан гостил в Киеве у Владимира Ольгердовича. Этот князь арестовал даже киприанова соперника — Дионисия Суздальского в 1384 г. (ПСРЛ, т. XI, стр. 85). В 1396 г. Киприан снова был в Киеве и провел здесь полтора года.

де того был город Смоленской, но Литва отъяла за себе» (Новгородская IV летопись, Софийская I летопись)²⁵, а в списке он числится еще смоленским.

Киевский список составлен, по всей вероятности, не ранее 1394 г., так как именно в этом году киевский князь Владимир Ольгердович потерял все свое княжество и взамен его получил далекий «литовский» город Копыл, который, однако, в списке городов показан уже в числе киевских²⁶.

Итак, областные списки, по всей вероятности, были составлены в разное, но близкое время — в 80—90-е годы XIV в. Время объединения всех областных списков в большой общий список всех русских городов, очевидно, близко ко времени составления летописных географических статей, т. е. к 1395 г.

На вопрос, где составлен этот список, можно ответить только путем исключения. Раз Москва, Новгород Великий, Суздальско-Нижегородское княжество названы Залесской землей, то, следовательно, мы должны искать автора где-то на Киевщине или на Волыни, для которого и Москва и Новгород всегда были Залесской землей²⁷.

Последний вопрос, связанный с этим замечательным списком городов, это вопрос о том, кто его составил, в чьей канцелярии сошлись несколько разновременных, но одинаково подробных списков, сведенных здесь чьей-то рукой?

Если речь идет только о Юго-Западной Руси, то здесь мы не найдем такого княжеского двора, который мог бы затребовать списки городов со всех концов Восточной Европы.

Пожалуй, только митрополит Киевский и Московский, объединявший своей властью и православное население Литвы, Новгород, Волынь, Рязань и другие земли, мог интересоваться столь широко всеми русскими городами и имел реальную возможность (а может быть, и необходимость) собрать сведения о 350 городах.

Митрополит Киприан, политик и писатель, стремившийся удержать и Киев и Москву в рамках единой митрополии, — вот кто мог собрать необходимые сведения и составить список: «А се имена градом Русским далним и ближним» (Никоновская летопись)²⁸.

С именем Киприана (болгарина, родом из Тырнова) хорошо увязывается и несомненное внимание составителя списка к «русским» городам на Дунае и за Дунаем, в числе которых упомянут и Тырнов, только что незадолго перед этим взятый турками.

С митрополичьей канцелярией хорошо согласуется отсутствие в списке такого важного раздела, как тверские города, — в 1390 г. над тверским владыкой Евфимием был произведен суд. Возможно, что конфликт митрополита с Тверской епархией и был причиной отсутствия тверских городов в списке. Список представляет, по всей вероятности, сводку тех городов и старинных маленьких полузабытых городков, которые должны были платить какую-то дань митрополиту. Утвердившись на Руси, Киприан занялся своим церковным хозяйством и затребовал со всех княжеств и земель списки городов.

Однако составление общего списка никак нельзя возводить к хозяйственным делам Киевско-Московской митрополии — ведь в самом списке об этом ничего не говорится. Единство заголовков списка городов и заголовков других географических статей 1395—1396 гг. говорит о том, что все это — части большого географического труда, выполнявшегося одновременно с большими обобщающими трудами по русской истории.

Задача помещения такого списка в состав летописей заключалась в том, чтобы в тяжелую годину монголо-татарского ига, в путаное время бесчисленного множества микроскопических уделов, напомнить всем русским людям от Дуная до Устюга, от

Немана до Дона о том, что некогда все они составляли единое целое, что все они объединены единством языка и культурных традиций. Научная идея систематизации сочеталась здесь с передовой, прогрессивной политической идеей единства Руси, которая в эти годы, спустя пятнадцать лет после Куликовской битвы, все больше и больше овладевала умами лучших русских людей.

При изучении истоков русской картографии почему-то мало обращалось внимания на то, что карта Антония Вида 1542—1555 г. ориентирована по югу: Каспийское и Черное море находятся у верхней кромки карты, а Ледовитый океан — внизу. Для европейской картографии это был давным-давно устаревший способ публикации карт, а в русской картографии он удержался прочно вплоть до конца XVII в. Таков «Чертеж украинским и черкасским городам от Москвы до Крыма» (XVII в.). Такова русская дорожная карта 1685 г.²⁹ Так же ориентированы по югу чертежи Сибири Петра Годунова 1667 г. и Семена Ремезова. Помещение на русских картах и чертежах юга наверху, а севера внизу было, как видим, устойчивой традицией на протяжении полутора столетий. Происхождением этой традиции не интересовались. В описании Московии С. Герберштейна есть два места, позволяющие предполагать еще большую древность южной ориентировки в русских чертежах, чем карта Вида — Ляцкого. Дважды, говоря о таких крупных городах, как Киев и Нижний Новгород, Герберштейн ошибается в определении местоположения устьев рек: устье Десны, лежащее выше Киева по Днепру, указано Герберштейном как расположенное ниже Киева; Ока, как известно, впадает в Волгу выше Нижнего Новгорода, а Герберштейн помещает устье Оки ниже города³⁰.

²⁹ L. Bagrow. A Russian Communications Maps 1685. «Imago Mundi», vol. IX, 1952, p. 100.

³⁰ С. Герберштейн. Записки о московитских делах. СПб., 1908, стр. 107.

Подобные ошибки, немислимые для русских информаторов Герберштейна, вполне естественны в том случае, если чужеземец, привыкший к картам, ориентированным по северу, пользовался чертежом, перевернутым, так сказать, вверх ногами. На нем действительно устье Десны окажется (на чертеже, но не по течению реки) ниже Киева, а устье Оки — ниже Новгорода Нижнего.

Карты Московии западного изготовления, которые Герберштейн мог привезти с собой в Москву, были ориентированы по северу, т.е. так, как ориентированы наши современные карты. Примером таких карт может служить карта Мартина Вальдземюллера 1516 г., очень примитивная и несовершенная, но ориентированная уже по северу. Для нашего сюжета очень важно наблюдение Л. С. Багрова о том, что один из дорожных маршрутов оказался на карте как бы перевернутым. Маршрут Радонеж — Юрьев — Плес идет от Москвы на северо-восток, к Верхней Волге, а на карте М. Вальдземюллера эти города расположены в диаметрально противоположном направлении на юго-запад от Москвы в сторону Киева³¹. Эта ошибка аналогична ошибкам Герберштейна — ее легко объяснить использованием чертежа с обратной ориентировкой.

Таким образом, какие-то следы знакомства русских с картами, ориентированными по югу, можно предполагать уже в самом начале XVI столетия.

Разгадка устойчивой склонности русских к картам с обратной ориентировкой заключается, на мой взгляд, во влиянии итальянской картографии. Обратная ориентировка, воспринятая итальянцами от старой арабской картографии (Идриси работал в 1154 г. в Палермо), очень долго держалась в итальянских городах.

Знаменитая венецианская карта Фра-Мавро 1459 г. ориентирована по югу. К сожалению, эта замечательная карта, дающая подробное изображение всего Старого

³¹ L. Bagrow. At the Sources..., p. 36.

Света, почти совершенно не изучена в своей русской части, что в какой-то мере объясняется сложностью ее состава.

Попытаемся все же подвергнуть карту 1459 г. анализу. Как каждая средневековая карта без градусной сети и без масштаба, карта Фра-Мавро требует иного подхода, чем более поздние и современные нам карты. Здесь можно в ряде случаев предполагать резкую диспропорцию отдельных частей, разномасштабность, неправильное взаимное положение разных участков карты. Эти типичные ошибки проистекают из разной степени осведомленности авторов карт, пользующихся разнородными и подчас одновременными письменными и устными источниками, трудно согласуемыми друг с другом и нередко описывающими одну и ту же землю с противоположных сторон.

Обычно бывает так, что хорошо издавна известные земли показаны на картах более или менее верно; области, недавно познанные, обычно рисуются на картах несколько преувеличенно, а области, мало известные, недоступные, зачастую сильно сокращаются.

Анализ карты Фра-Мавро показывает, что территория Восточной Европы составлена из десятка отдельных фрагментов разного масштаба и разной степени достоверности. Целостной России, или Московии, еще нет (как не было ее и в жизни), хотя на карте есть обобщающий текст: «Эта огромная область, называемая Россией (Rossiz) или Сарматией, простирается на востоке до Белого моря, на западе — до Немецкого моря, на юге — до Сарая и Кумании, а на севере — до ... грандиозного моря».

Черное и Каспийское моря показаны на карте довольно точно, в чем помогли старые итальянские портолааны. Нижняя Волга с Ахтубой и многочисленными протоками (Lordo de Saray) показана подробно, но непомерно преувеличенно³². На севере пределом знания Фра-Мавро была Пермь; югорских земель по Мезени, Печоре и Оби он, очевидно, не знал. Надписи «Permia» размещены в трех местах поблизости от Ледовитого океана; возможно, что у автора было три разных источника сведений о местоположении Перми: в одном описании шла от Балтики и Финляндии, в другом — от Средней России, а в третьем — от Волги и Камы. В результате на карте образовалось три речных системы, напоминающих Северную Двину с ее истоками, и три залива океана, могущих быть принятыми за Белое море. Надпись «Пермия» в каждом случае точно соответствует географическому положению Пермской земли по отношению к Белому морю и Северной Двине.

Фра-Мавро плохо знал великое княжество Литовское и отвел Литве (Litua) непропорционально мало места между Днепром и верховьями Дона. Маленькая надпись «Litua» помещена в соседстве с Польшей и Пруссией.

Надпись «Россия» на карте Фра-Мавро повторена пять раз; возможно, что это соответствует пяти разным описаниям отдельных частей русской территории. Одну область составляют Новгород (Nuovo grado) и Псков (Pocichovia), относительно которого дополнительно сказано, это — русский город. Вторая область «Rossia» охватывает пространство близ Москвы вплоть до верховьев Дона и Оки. Затем идут три надписи «Rossia» с цветовыми добавлениями: Красная Россия (Rossa), Черная Россия (Negra) и Белая Россия (Biancho).

В «Красную Россию», сильно смещенную к юго-западу, входит Рязанская земля (paese Raхан) с городом Мценском, подступающая на карте к самому Киеву, который находится как бы вне России.

Такое резкое выдвигание Мценска далеко на юг может объясняться тем, что через этот город шел старый наезженный путь купцов-сурожан из Москвы в Крым. За Мценском (южнее его) начинались уже пустынные места.

32
Ф. Ф. Чекалин. Нижнее Поволжье по карте космографа XV в. Фра-Мавро. «Труды Саратовской ученой архивной комиссии», 1889, т. II, вып. 2.

33

Эти две области, характеризующиеся красным и черным цветом, могут быть сопоставлены с двумя этнографическими областями — южных великороссов и мордвы; у первых в орнаментации одежды преобладает красный цвет, а у вторых — черный. Часть мордовских земель к этому времени была уже в сфере влияния русских княжеств. Трудно сказать, насколько правомерна такая аналогия.

34

С. Герберштейн. Указ. соч., стр. 126.

35

Имя России упоминается еще два раза. О Риге сказано, что это — русский порт, но, очевидно, это надо понимать так, что через Ригу шли русские товары. Второе упоминание относится к верховьям Камы или Вятки, где есть область «Limano in Rossia».

«Черная Русь» размещена на правом берегу Оки, примерно в мордовских землях³³.

Особого рассмотрения требует «Белая Россия», расположенная между Волгой и «Белым морем» (El mar Bianco). «Белое море» Фра-Мавро представляет собой большое озеро, удаленное от океана и связанное речной системой с левым берегом Волги — Эдель. Так как это единственное озеро, связанное с левобережьем Волги, то его, конечно, следует отождествить с Белым озером, а реки, идущие от него и по соседству от него, — с Шексной и Мологой. В пользу такого отождествления говорят и две надписи поблизости от «Белого моря»: «Palude de Rossia» — «русские болота». Особое пояснение на карте говорит о том, что болота «очень велики и трудно проходимы». Полвека спустя о Белоозерском крае Герберштейн писал: «Вся страна — болотиста и лесиста. Отсюда и в этом месте путешественники не могут сделать точного расчета пути вследствие частых болот и извилистых рек. Ибо чем дальше туда подвигаться, тем больше попадаетея непроходимых болот, рек и лесов»³⁴.

Однако венецианский картограф не сумел точно разместить на своей карте Белоозеро и ведущие к нему болота: он поместил все это не западнее, а восточнее Камы, поблизости от гипертрофированного Нижнего Поволжья, и поэтому его «Mare Bianco» слилось с Аральским морем, находящимся на северном краю той пустыни, которая на юге завершается у Ургенча (Organza)³⁵.

Отсутствие правильного общего представления о Восточной Европе и фрагментарность сведений итальянского ученого неизбежно приводили к таким несуразностям, как утроение Перми, размещение Рязани по соседству с Киевом и Белоозера на месте Аральского моря. И вместе с тем гидрографическая система карты Фра-Мавро более точна, чем, например, карты Вальдземюллера, появившейся на полвека позднее. И Дон и Волга изображены в общих чертах правдоподобно; Днепр нарисован слишком прямолинейно без его большой излучины у порогов. С положением этих рек согласуется средний из трех комплексов «Сухона — Вычегда — Двина — Юг», изображенный довольно верно. Несколько хуже на карте Фра-Мавро отображены северо-западные области, наиболее удаленные от маршрутов итальянских купцов.

Русская часть карты 1459 г. убеждает нас в том, что она была составлена по рассказам «гостей-сурожан», купцов из итальянских колоний в Причерноморье, ездивших в XIV—XV вв. из Сурожа — Судака и из Таны в устье Дона, в Москву и добравшихся в поисках ловчих птиц даже до Печоры. Именно эти пути и представлены лучше всего на карте Фра-Мавро: Дон с его излучиной, комплекс рек Подмосковья (Ока, Клязьма, Верхняя Волга) и комплекс северных рек (Сухона, Двина, Вычегда, Юг); поэтому уделено такое внимание и незначительному Мценскому княжеству — оно было первой русской землей на пути сурожских купцов. В Москве были дворы итальянских купцов, а до Литвы и до Новгорода, связанного с Ганзой, они, очевидно, не добивались, что сказало в географической путанице северо-западных земель.

В эпоху Василия Темного, отраженную картой 1459 г., московское правительство не только принимало итальянских гостей, но и интересовалось делами самой Италии.

Большой интерес представляет почти одновременная рассматриваемой карте «Послание Феофила Дедеркина на Москву великому князю Василию Васильевичу из-за Римья из Латинь». Предметом послания была информация о грандиозном землетрясении в Италии 4 декабря 1456 г., во время которого погибло 45 городов: «Пропадал город великий мурованный и с местом в землю, именуется Сулмана (Sulmone в Аbruции) ... Сакгвина город и с местом (Sanguinetto в Ломбардии) також впал в землю; толко же ся осталось 6 домов ... В великом месте Неополи дивное падение полат и людей, а город изломился ...»³⁶

Послание Феофила свидетельствует о том, что не только итальянцы интересо-

36

«Очерки русской культуры XIII—XV вв.», стр. 180 (В. А. Рыбаков. Глава «Прозвещения»).

вались Московией, но что и московский великий князь проявлял живой интерес к Италии.

В последней четверти XV в. после переезда Софьи Палеолог из Флоренции в Москву, число итальянцев в Москве значительно возросло. Такие имена, как А. Контарини, Р. Фиораванти, возглавляли большой список приезжавших в Москву и проживавших в ней представителей итальянской интеллигенции. В эту эпоху, полную географических открытий и интереса к картам, москвичи могли познакомиться с итальянскими картами, ориентированными по югу. Карта венецианца Фра-Мавро существовала только в двух рукописных экземплярах (один в Венеции, а другой в Лиссабоне), но реплика ее или упрощенные копии могли попадать в Москву и воздействовать на географические навыки москвитов.

Таким образом, устойчивую русскую традицию (прослеживаемую с начала XVI по конец XVII в.) ориентировать свои географические чертежи по югу естественнее всего возводить к старой итальянской картографии XV в. Однако здесь необходима оговорка относительно хронологии: знакомство русских с ориентировкой по югу могло происходить не позднее последней четверти XV в., когда уже стали появляться карты с привычной для нас северной ориентировкой (карты Птолемея 1478 и 1490 гг. и др.). Возможно, что первые опыты в картографии были сделаны русскими в связи с развитием писцового дела в 1490-х годах.

Утрата подавляющего большинства русских чертежей XVI в. (в том числе и знаменитого Большого Чертежа) делает особенно ценными для нас все те западноевропейские карты, в которых мы можем предполагать использование русских материалов. При этом нам необходимо заново и очень тщательно пересмотреть датировку тех русских источников, на основании которых создавалась та или иная карта.

Все печатные немецкие, английские, голландские, итальянские и французские карты России XVI—XVII вв. имеют точную дату публикации. Однако дата выпуска в свет может сильно расходиться с датой исходных материалов. Русские материалы так неравномерно и такими неожиданными путями попадали в Западную Европу, что хронологическая последовательность западных карт Московии для нас почти безразлична: карта начала XVIII в., как мы увидим далее, содержит русские данные от Василия III до Бориса Годунова; карта времен Михаила Федоровича восходит в определенной части тоже к эпохе Василия III.

При систематизации обильного, но очень пестрого западноевропейского картографического материала с целью извлечения из него возможных русских источников нам прежде всего необходимы точные датирующие признаки. Самым простым способом, казалось бы, был учет новопостроенных городов, дата основания которых нам известна. Но здесь есть две опасности: во-первых, летописи могут отмечать постройку нового города на том месте, которое и ранее называлось так же (город Чебоксары построен в 1555—1557 гг., но поселение Чебоксары упоминается уже во время похода Ивана Руно в 1469 г.); во-вторых, на рукописных картах время от времени могли появляться дополнения, наноситься новопостроенные города. Несколько более надежны даты основания севернорусских монастырей, возникавших обычно на пустых, малоизвестных местах. При датировке по населенным пунктам следует учитывать не только тот комплекс городов, крепостей и монастырей, который отражен на карте, но и общий перечень городов данной эпохи, так как отсутствие на карте каких-либо новопостроенных пунктов поможет определить *terminus ante quem* карты.

Анализ всех карт убедил в том, что наиболее надежным датирующим признаком следует считать государственную границу. С этой позиции карты XVI—XVII вв. совершенно не изучались, а между тем при сплошном просмотре всех карт мы обнаружим интереснейшее явление: часть карт содержит границы Московии, приведенные составителями в соответствии с годом выпуска карты из печати, но часть карт и именно те, где мы можем предполагать русский источник, содержит странные и необъяснимые на первый взгляд анахронизмы. Тогда мы вправе допустить, что в руки иностранному картографу попал какой-то устаревший (но тем более ценный для нас) русский чертеж с давно отжившими границами. Иногда наблюдается частичное исправление и подновление границ. Западными картографами прежде всего подновлялась западная граница. В силу этого в отдельных случаях возможно создание на карте «внеисторических» границ государств, где одни рубежи соответствуют дате гравировки карты, а другие отстают от этой даты на несколько десятилетий, отражая устаревшую ситуацию времен протооригинала карты.

37

О карте Г. Делиля см.: Б. А. Рыбаков. Древнейшая русская карта начала XVI в. и ее влияние на европейскую картографию XVI—XVIII вв. «Тезисы докладов Второго Всесоюзного географического съезда». М.—Л., 1947, стр. 14—17.

Неожиданные и очень интересные анахронизмы открываются нам в результате анализа таких знаменитых западноевропейских карт Московии, как английская карта Антония Дженкинсона 1562 г. и голландская карта Гесселя Герритса 1613 г., составленная «по автографу царевича Федора Борисовича». К ним следует добавить не публиковавшуюся полностью в наше время французскую карту королевского географа Людовика XIV Гийома Делиля 1706 г., посвященную русскому послу в Париже ³⁷.

ЧЕРТЕЖ МОСКОВСКИХ ЗЕМЕЛЬ

1497 года

(карта А. Дженкинсона
1562 года)

нтоний Дженкинсон, родоначальник лордов Ливерпуль, крупный деятель английской «Московской компании», за 1557—1572 гг. шесть раз был в Москве, подолгу жил в ней и четырежды пересек всю Россию от Белого моря до Астрахани. «Я проехал сквозь все обширные владения царя России и Московии, которые простираются от Северного моря и границ Норвегии и Лапландии до самого Каспийского моря», — писал Дженкинсон ¹.

Дженкинсон (в русских источниках «Онтон Ждемкинсон») был очень благосклонно принят в Москве Иваном Грозным. Через него велась переписка царя с королевой Елизаветой ². Представитель королевы и английского купечества приезжал в Мос-

ковию не с пустыми руками: он вез «сундук с драгоценностями и подарками, предназначенными для царского величества». В Оружейной Палате сохранились два предмета, которые можно отнести к посольским дарам А. Дженкинсона. Это серебряный вызолоченный кувшин — «воронок» и великолепная ваза 1557—1558 гг. изготовления ³.

Когда Дженкинсон во время своего второго путешествия отправился к персидскому шаху, Иван Грозный дал ему ряд коммерческих и дипломатических поручений ⁴. «Его величество, — пишет Дженкинсон, — беседовал со мною о делах государя (грузинского царя), которые тот доверил моему попечению. Царь с большим удовлетворением принял сообщение о моих действиях и сказал мне: «Я вижу твою верную службу, благодарю тебя и награжу тебя за нее». Он выразил желание, чтоб я еще съездил по таким делам, по которым он хотел воспользоваться моими услугами».

Одним из результатов благоволения Грозного к Дженкинсону были «новые привилегии [английскому купечеству], более широкие, чем прежние». Другим результатом русского гостеприимства явилась возможность составления Дженкинсоном

¹ «Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.» М., 1937, стр. 67.

² «Две грамоты за одною печатью привешенною... к царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси от английские Елисавет королевы, а писаны об одном деле, одна по-латыни, а другая по-шпански. А привезте грамоты посланник Онтон Ждемкинсон в 7070-м году...» («Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа за 1614 г.» М., 1960, стр. 48).

³ «Государственная Оружейная палата Московского Кремля». М., 1954, стр. 441, рис. 2; стр. 447, рис. 12; текст на стр. 466, 472 и 473.

⁴ Когда Дженкинсон в августе 1563 г. возвратился из своего путешествия в Персию, он заслужил одобрение царя: «Я сдал те токи

ЧЕРТЕЖ
МОСКОВСКИХ
ЗЕМЕЛЬ

товаров, которые были приобретены за счет его величества, — драгоценные камни и шелковые материи разного цвета и вида. Или его величество остался очень доволен» («Английские путешественники в Московском государстве...», стр. 213).

5
В. В. Кордт. Материалы по истории русской картографии, вып. I. Киев, 1899, табл. XVII, стр. 10—11.
I. Kennig. Jenkinson's map of Russia. «Imago Mundi», vol. XIII, 1956.

карты Московии, для чего совершенно недостаточно было личных впечатлений английского капитана, а нужны были различные дополнительные материалы, характер которых нам и предстоит выяснить.

Карта Дженкинсона называется так: «*Russiae, Moscoviae et Tartariae descriptio Auctore Antonio Jenkenson Anglo edita Londini anno 1562...*»

На карте есть градусы широт и три линейных масштаба русских, английских и испанских мер в таком соотношении: 80 русских верст равны 60 английским милям и 20 испанским. У западной рамки карты Финский залив и часть Черного моря; у северной — Белое море и часть Ледовитого океана до устья Оби; у южной рамки Каспийское море и Персия. Восточная граница карты идет от Оби к Ташкенту и Андижану.

Населенные пункты даны подробно только в русской части от Новгорода Великого до Новгорода Нижнего и в Бухаре⁵.

В связи с картой Дженкинсона нам надлежит решить несколько вопросов: во-первых, какие западноевропейские карты были известны Дженкинсону до составления им собственной карты 1562 г. и что могло быть заимствовано им из этих карт. Во-вторых, важно выяснить, принимал ли сам Дженкинсон участие в составлении всей карты или же пользовался дополнительными русскими материалами.

Карта А. Дженкинсона помечена издателем 1562 г. Однако самого Дженкинсона в Англии в это время не было: он 14 мая 1561 г. отплыл в свое второе путешествие в Россию и Персию, из которого возвратился в Лондон только 28 сентября 1564 г. Следовательно, временем составления карты Московии следует считать его первое путешествие в Россию и Бухару, когда он находился на русской земле с 12 июля 1557 г. по 10 августа 1558 г. и вторично, на обратном пути из Средней Азии, с 28 мая 1559 г. по 9 мая 1560 г.

К моменту отъезда Дженкинсона в 1557 г. новейшими географическими картами Московии были: карта С. Герберштейна, переиздававшаяся много раз начиная с 1546 г., компилятивные карты С. Мюнстера и Д. Гастальди (1548 г.) и карта Антония Вида, опубликованная в 1555 г.

Карта Дженкинсона не является воспроизведением ни одной из них; ближе всего она к карте Вида — Лядского, но и здесь, кроме черт сходства, можно насчитать много отличий: разные очертания рек (Двина и Сухона, Ока, Днепр, Волга и др.), разный состав городов и, что особенно важно, резкие расхождения в государственной границе Московии, не оправданные разницей во времени публикации обеих карт, так как граница Московии у Дженкинсона более архаична, чем на карте Вида—Лядского, составленной на двадцать лет раньше дженкинсоновой карты. Этим последним вопросом мы займемся потом специально. Рассмотрение всех европейских карт середины XVI в. убеждает нас в том, что карта Антония Дженкинсона не является копией ни одной из них. Для выяснения того, что Дженкинсон мог нанести на карту сам как опытный капитан, путешествовавший с астроябией, и что он должен был взять из каких-то иных источников, нам надлежит сопоставить карту 1562 г. с описанием его путешествий. Дженкинсон четыре раза проделал огромный зигзаг по русским землям: устье Северной Двины — Вологда — Москва — Рязань — Нижний Новгород — Казань — Астрахань; это путь длиной около 4000 км. Северная и южная половины маршрута резко различаются по мерам длины, в которых исчислен путь Дженкинсона. Путь от Лондона до русской границы (Николо-Карельский монастырь близ устья северной Двины) указан в английских морских лигах (лига — около 5 км), а весь дальнейший путь по русским землям от Белого моря до Москвы исчислен в русских верстах. Южную половину маршрута от Москвы до Астрахани Дженкинсон снова определяет в морских лигах.

Такое же резкое различие северной и южной половин мы наблюдаем и по другому признаку—по степени близости текста описания к карте: в северной половине (Москва—Белое море), где счет идет на версты, карта существенно расходится с текстом, а в южной (Москва—Астрахань) половине пути Дженкинсона карта почти точно соответствует описанию⁶. Отражение маршрута А. Дженкинсона в его описа-

⁶ «Английские путешественники в Московском государстве...», стр. 74—76, 167—171.

<i>только в тексте</i>	<i>Названия, имеющиеся и в тексте и на карте</i>	<i>только на карте</i>
	Никольский (монастырь) Холмогоры	
	Устюг	р. Тойма р. Вычегда Стрельна Бобровское Брусенский (городок) Suchko (?)
	Тотьма Вологда	
Комельский Ольмор (?) Телойцкое (?) Юре (?) Вознесенское		
	Ярославль Ростов	
Рогарин Дубна Городок (Радонеж) Уча	Переяславль	
Расстояния указаны в русских верстах		
	Москва	
	Коломна Перевитск Переяславль (Ряз.) Старая Рязань Терехов (монастырь) Касимов Муром Нижний Новгород Васильгород Чебоксары Свияжск Казань	
Тетюши		р. Самара с притоками р. Иргиз р. Уруслан Мечеть
	Переволока Старая Астрахань Новая Астрахань	
Расстояния указаны в английских морских лигах		

5

КАРТА МОСКОВИИ
 АНТОНИЯ
 ДЖЕНКИНСОНА
 1562 Г.

IOV:
GHO:
RLA

*Quia deus ad est. necesse
verba ab oblatione. & hoc
porcum reliquit. oblatio. Ide
lum hoc furno conficit
quali vobis fuerit. quare se
migrandum. ipsum. (dicit
vobis) ceras. confilicabit
dicit responda. certique e
sentis. confilicantur.*

MOL:
GOM:
ZAIA

BAIDA.

COLMACK.

*Horum regionum incolae
Solem. vel rubrum pan
nem portica suspendunt
adorant. In castris vi
tary ducunt; ac post ani
matium. serpente. verum
q. carne vescuntur. ac pro
prio idiomate videntur.*

M O Y E D A

Oha A
Suber

KITAI
LACVS.

*Hic saxa hinc tamentum camelorum
pecorumque. & terrarum. rari
rentis. & orda populi gregis pascentis. ar
metus. fiat. Que stupenda quadam meti
morphosi. repente in saxa riguit. priori for
ma nulla in parte dimissa. Euenit hoc
prodigium annis creiter 300. retro
disposit.*

T V N E N

C A S

S A C

A G A I A

Shahyfici

T A

K I
A
R I

Shirachick

T V R K

*A. Nangusta Sogdiana vsq. 20 dierum
iter habens. sine vllis scabibus. cum summa
aquis peruenit. A. Shahyfici vsq. Pagan. per
itineris intervallum hincvagoz infer funt.*

*Kergassi gens eternitatem degit. id est in bordis habitis
ritum huiusmodi. in rd luanam isora succide perage
sunt. hinc. & fons uomentorum accipit. ac terra mela
ma. vas quoddam infundit. riq. arborum frondis. atq. dicit
se habita. in populis spargit. atq. hoc aspersu pro Deo ha
betur & colitur. Cum quis dem inter illos abit. loco si putu
ry arboribus suspendit*

M E N

B O

S H A
M A R
G H A N

T A S K E N T.

M E D I A

*Corasani parua. a Rege
Persico aduancibus Tar
toru 1238. depugnata fuit.*

Corasani magna

G H A R

K y r m i
C o s m

T A S K E N T.

K I R

*Shammaria ubi totus Tartarus
meti opota fuit. at nunc raris deformis
vaccinis ann multo antiquitate vesti
gus. hic. conditus est Tamerlanes. q. q.
dum Turcaru Imperatoru Bayasid cap
tum aereu rateru. vinctum. circumdab
Incoly mabustiani sunt.*

Sedighen

G E S.

M H O G O L

S I A.

Paroponzi montes

*Casara. hinc triginta dierum itinere ori
entem Versu in partem terrarum impery q.
iboye. ab his montibus ad Candob. traun
inagium iter interuall.*

Scala mtharum

30	100	240	320	400	480	560	640	720	800
60	110	180	240	300	360	420	480	540	600
90	40	60	80	100	120	140	160	180	200

O R I E N T S

нии и на карте в приведенной таблице с несомненностью доказывает, что карта и текст Дженкинсона не идентичны. Особенно резко расхождение в северном отрезке маршрута: карта значительно полнее дает речную сеть (Емца, Вага, Тойма, Вычегда) и ряд городков по Сухоне, а текст описания сообщает подробные данные о четырнадцати почтовых ямах между Вологдой и Москвой, указывая точные расстояния в верстах и время, потребное на переезд. Если бы Дженкинсон сам составлял карту, пользуясь собранными им по пути данными, и рассматривал бы ее как иллюстрацию своего описания, то подобных расхождений не должно было быть. Как объяснить тогда умолчание в тексте о реке Вычегде и серии городков между Устюгом и Вологдой? Как объяснить отсутствие на карте дорожных ям?

По отношению к южной половине маршрута Дженкинсона легче предполагать его участие в составлении карты, так как все населенные пункты (кроме Тетюшей и «Мечети» близ Сарая-Берке) одинаково представлены и в тексте и на карте. Тем не менее следует отметить, что карта и здесь отличается большей полнотой речной сети (Самара, Ирғиз, Еруслан), а также наличием четырех десятков островов на Волге от Ирғиза до дельты, о которых ни слова не сказано в подробном описании плавания Дженкинсона по Волге. Нет всех этих подробностей и на тех картах, которые могли быть известны Дженкинсону.

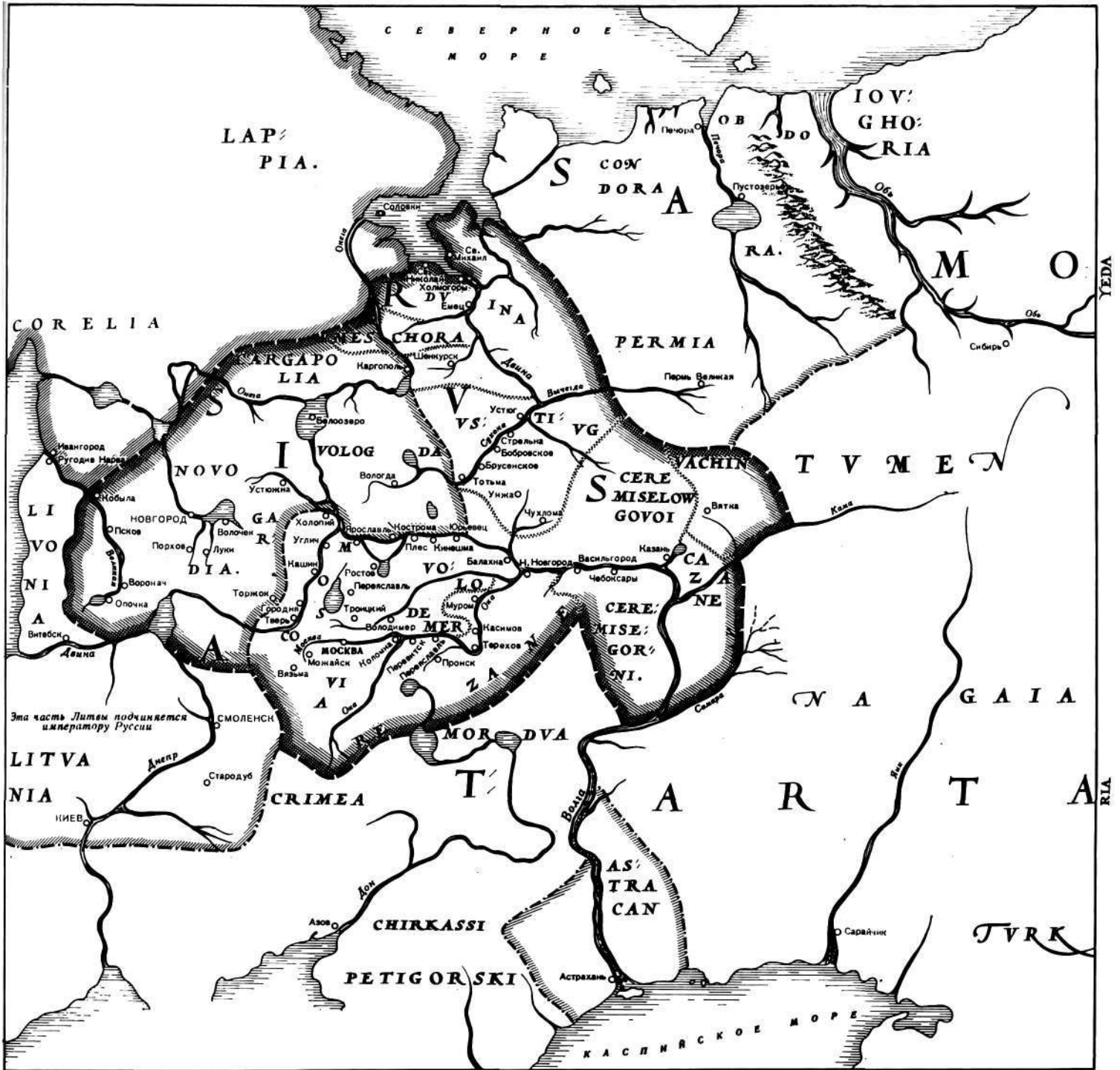
Обратим внимание на то, что транскрипция русских названий в тексте Дженкинсона и на карте различна; это относится к обеим половинам его маршрута. Приведу несколько примеров:

<i>Английский текст А. Дженкинсона</i>	<i>Карта 1562 г. с латинской легендой</i>	
Yemps	Yemsa	р. Емца
Sucana	Sughana	р. Сухона
Collom	Kolom	Коломна
Terrecovia	Tereckhove	Терехов
Cassim	Cassim gorode	Касимов город
Sabowshare	Sabogshav	Чебоксары
Perevolog	Perevolock	Перволока

Различие в транскрипции не связано с разницей в языке и иногда даже прямо противоречит природе латыни («Kolom» на карте вместо «Collom» в тексте). На карте дважды поставлено русское слово «город» там, где в тексте Дженкинсона его нет: «Cassim gorode», «Cazane gorode».

Все приведенные выше наблюдения заставляют высказать мысль о том, что карту 1562 г. нельзя безоговорочно приписывать Дженкинсону даже в отношении тех мест, по которым он проехал. В северной половине его маршрута расхождения между картой и личными записями очень велики и заставляют предполагать особый источник карты. Южная, окско-волжская часть маршрута Дженкинсона представлена на карте с большим соответствием его личным записям, но тоже, как выяснено, дана на карте подробнее. Подробности касаются также и таких сторон, которые не могли быть известны путешественнику, плывущему по Волге. Примером может служить разветвленная система истоков р. Самары, о чем подробнее будет сказано ниже.

Преувеличение сведений, помещенных на карте, над записями личных наблюдений Дженкинсона не вызывает сомнений. К деятельности самого Дженкинсона нужно отнести измерение расстояний в английских лигах и определение широт нескольких городов. Следует сказать, что указание широт в тексте Дженкинсона не всегда точно совпадает с положением городов на карте 1562 г. Так, Нижний Новгород указан

6

КАРТА
ДЖЕНКИНСОНА
(Расшифровка
центральной части)

ЧЕРТЕЖ
МОСКОВСКИХ
ЗЕМЕЛЬ

в тексте под $56^{\circ}18'$ северной широты, а на карте— $56^{\circ}50'$; Муром — под 56° , а на карте — $56^{\circ}15'$; Астрахань — под $47^{\circ}09'$, а на карте — $46^{\circ}20'$. Эти неточности могли возникнуть при перечерчивании и гравировке карты.

Значительно важнее расхождения в расстояниях. У Дженкинсона в тексте указаны равные расстояния по 25 лиг от Мурома до Нижнего Новгорода, от Нижнего до Васильсурска и от Чебоксар до Свияжска.

Однако на карте 1562 г. эти города размещены на разных расстояниях друг от друга. Воспользуемся масштабом самой карты:

Муром — Нижний Новгород — 130 верст
Нижний Новгород — Васильгород — 102 версты
Чебоксары — Свияжск — 74 версты

Интересно отметить, что реальные расстояния между этими городами, измеренные по современной нам карте, тоже не равны и находятся почти в таком же соотношении друг с другом: 145 км, 130 км, 100 км. Трудно сказать, почему Дженкинсон так сильно ошибся в измерении расстояний в одинаковых условиях плавания, определив все три интервала между городами в 25 лиг, но для нас становится окончательно ясной независимость карты от текста, их несогласованность.

Для сопоставления карты с текстом умышленно были взяты те районы Московии, с которыми Дженкинсон был хорошо знаком по личным впечатлениям как путешественник. Анализ выявил, что карта сильно расходится с записями личных впечатлений Дженкинсона и, кроме того, содержит ряд таких данных, о которых нет никаких сведений в записях английского капитана.

Считать Дженкинсона составителем всей карты Московии от Пскова до Пустозерска и от Холмогор до Астрахани не представляется возможным. Необходим поиск источников интересной, но сложной карты 1562 г. Западную картографию и космографическую литературу мы должны исключить, так как вся совокупность западноевропейских материалов не дает той степени полноты, которую мы находим на карте.

Главный вопрос, возникающий при анализе карты, выпедшей в 1562 г. с именем А. Дженкинсона, это — дата первоосновы карты, привезенной в Лондон Дженкинсоном из своего первого путешествия в середине 1560 г.

Счастливым случаем следует считать публикацию карты в отсутствие самого Дженкинсона — он не успел модернизировать государственную границу Московии на год выхода карты в свет. 1562 год Дженкинсон встретил в Москве (где прожил уже четыре месяца), весной поплыл в Персию через Астрахань, Шемаху и Баку; караваном дошел до Ардебилля и Казвина, где был принят шахом и пробыл там до весны следующего 1563 г.

На внешнюю государственную границу Московии и на границы ее внутренних областей исследователи до сих пор совершенно не обращали внимания. Одной из причин этого явилась, очевидно, публикация В. Кордта, в которой эти границы обозначены едва заметным пунктиром⁷. Картографы и издатели XVI в. уделяли значительно больше внимания государственным границам, прибегая к акварельной раскраске их. Именно такая публикация была сделана знаменитым Авраамом Ортелиусом в его «Theatrum Orbis Terrarum». Первое издание вышло в Антверпене в 1570 г., а второе уже в 1571 г. В этих и последующих изданиях без изменений и исправлений перепечатывалась карта 1562 г. Карта переиздавалась до 1667 г. Существенное отли-

⁷ В. В. Кордт. *Материалы по истории...*, вып. I, табл. XVII, стр. 10. Первая научная публикация принадлежит:

E. D. Morgan and C. H. Coote. *Early Voyages and Travels to Russia and Persia by Antony Jenkinson*. London, 1886.

чие первопечатных изданий от публикации Кордта заключается в акварельной раскраске от руки границ государств. В качестве основы для анализа мы примем издание атласа Ортелиуса 1571 г., где единая раскраска охватывает все земли с надписями «Rusia» и «Moscovia»⁸.

Особый интерес карты Дженкинсона заключается в том, что государственная граница Московии—России не соответствует реальной действительности ни времени первых изданий Ортелиуса 1570—1571 гг., ни дате, обозначенной на первой карте, — 1562 г., ни тем годам, когда Дженкинсон совершал свое первое путешествие в Россию и получал здесь какие-то материалы для карты 1557—1560 гг. Государственная граница Московского царства накануне опричнины известна нам во всех подробностях, но она совершенно не совпадает с той границей, которая изображена на карте 1562 г. Это еще раз подтверждает расхождение между картой и записями Дженкинсона.

Граница Московского государства на карте Дженкинсона настолько сбивчива и противоречива, что на первый взгляд производит впечатление полного сумбура и внеисторичности. Действительно, если мы примем в качестве критерия историчности дату окончательного вхождения тех или иных областей в состав Московского государства, то найдем на карте больше противоречий, чем разъяснений. Так, например, Казань и Казанское ханство показаны на карте в составе Московии, что вполне естественно для Дженкинсона, видевшего Казань через шесть лет после покорения ее Иваном Грозным в 1552 г. Но Астрахань, завоеванная Грозным всего за два года до того, как в ней побывал в 1558 г. Дженкинсон, показана на карте особым самостоятельным государством и закрашена другим цветом. Сам Дженкинсон прекрасно знал, что Астраханское ханство подвластно Москве: «Астрахань — самая отдаленная крепость, которую русский царь завоевал в сторону Каспийского моря; он старается, чтобы она была очень сильной и ежегодно посылает туда людей, припасы и лес для постройки города»⁹. Это противоречие отразилось и на карте Дженкинсона: показав Астраханское ханство самостоятельным государством с особой раскраской его территории, Дженкинсон поместил на карте и старую татарскую Астрахань и Новую Астрахань, построенную Грозным. Помещение Казанского ханства внутри, а Астраханского вне границ Московии, казалось бы, позволяет датировать русский оригинал карты Дженкинсона коротким интервалом 1552—1556 гг., когда Казань уже вошла в состав России, а Астрахань еще нет.

С этим вполне согласовалось бы и нахождение внутри Московии Рязанского княжества (присоединено к Москве в 1521 г.) и Псковской земли (1510). Однако в резком противоречии с этим оказывается ряд земель, задолго до 1552—1556 гг. вошедших в состав Московского государства, но на карте Дженкинсона показанных вне Московии. Вот перечень этих земель и княжеств с датами вхождения их в состав Московского государства:

Смоленск	1514 г.
Пермь	1505 г.
Стародуб	1503 г.
Югра	1499—1500 гг.

Смоленск, ключевая позиция Польши на востоке, был взят русскими войсками в июле 1514 г., и, несмотря на все дипломатические притязания короля в последующие годы, Смоленск остался за Россией. А Дженкинсон не мог не знать тех крупных изменений, которые произошли на западном рубеже Московии еще при отце Грозного. И он действительно знал об этом. Поместив Смоленск на территории Литвы, Дженкинсон (или тот издатель, который печатал карту в его отсутствие) сделал интерес-

⁸ Второе издание атласа исправило ошибку первого издания, где новгородские и некоторые московские земли были выделены особой раскраской. Ошибка, как будет показано ниже, объясняется тем, что протооригинал карты был изготовлен на двух отдельных листах в двух разных масштабах.

⁹ «Английские путешественники в Московском государстве...», стр. 172.

10

Эта надпись никоим образом не может относиться к событиям времен Ливонской войны, так как до осени 1562 г. военные действия велись не на территории Литвы, а на землях Ливонского ордена. Русские войска южнее Западной Двины, где помещена поправочная надпись, появились только в 1563 г., т. е. тогда, когда карта уже была выпущена в свет. Полоцка, главного города этой части Литвы, взятая Иваном Грозным 15 февраля 1563 г., на карте Дженкинсона нет вообще.

11

См.: К. В. Базилович. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1952, стр. 518—519.

12

«И в то же время послал князь великий Иван Васильевич сговор своих под город Вязму ратью; князя Дашила Васильевича Щеня да князя Василья Ивановича княжа Иванова сына Юрьевича. Они же шедше Вязму град взяли, а Вяземских князей и панов привелиша на Москву» (Новгородская IV летопись. ПСРЛ, т. IV, СПб., 1848, стр. 162).

ную поправку в пределах «Литвани» — у Смоленска помещена дополнительная надпись: «Nis pars Lituaniae Imperatori Russiae subdito est» («Эта часть Литвы подвластна императору России») ¹⁰.

Какие же причины могли заставить составителя или издателя карты 1562 г., знавшего истинное положение дел со Смоленском, поместить этот важный торговый город на территории Литвы? Единственным ответом на этот вопрос может быть допущение, что в руках Дженкинсона оказалась старая карта, составленная до 1514 г., когда Смоленск еще правомерно входил в «Литванию».

Впрочем, дело не только в одном Смоленске: весь объем великого княжества Литовского на карте Дженкинсона таков, что возвращает нас не только к годам смоленской войны, но и еще на одно десятилетие назад, к самому началу XVI в., к войнам Ивана III.

Юго-западная граница Московии обозначена истоками Оки и городом Вязьмой; далее на юго-запад идет пустынная «Литвания». Из всех северских городов, игравших такую важную роль в начале XVI в., здесь помещен только один Стародуб; он показан в глубине литовской территории, далеко от московской границы.

Война Ивана III с Александром Ягеллоном (1500—1503 гг.) закончилась перемирием 4 апреля 1503 г. По перемирной грамоте 1503 г. граница московских владений отодвинулась далеко на юго-запад. Не только Стародуб, но и Новгород-Северский, Рыльск, Путивль, Чернигов, Гомель, Любеч, Брянск, Мценск и Трубчевск переходили к Москве ¹¹.

Московская граница проходила теперь в одном дне пути от Киева, показанного на карте 1562 г. на южной окраине Литвани в 500 верстах от московского рубежа.

Таким образом, дата составления протооригинала карты, ее terminus ante quem опускается до 1503 г. Такую отдаленную дату подтверждает и северо-восточная граница Московии на карте 1562 г.: Пермь и Югра (обские угры) показаны на карте за пределами московских земель. Хотя новгородцы и москвичи давно уже хозяйничали в пермских и югорских землях, но окончательное уничтожение их самостоятельности произошло только в самом начале XVI в. Пермские князья сохраняли свою юридическую суверенность до 1505 г., а югорские (вогульские и остяцкие) князья были окончательно покорены во время грандиозного полярного лыжного похода Семена Федоровича Курбского и Петра Ушатого в 1499—1500 гг., когда было поведено свыше 80 городков и захвачено в плен 50 югорских князей. Именно в это время пришел конец югорской самостоятельности. Если на карте Югра и Пермь показаны вне Московии, то это могло отражать историческую действительность никак не позднее рубежа XV и XVI вв. В титул московского великого князя Югра и Пермь вошли еще до событий 1499—1500 гг. К этой же дате, к концу XV в., ведет и нанесение на карту города Вязьмы. На всем огромном пространстве между верховьями Волги и верховьями Оки, где было множество удельных княжеств, переходивших в XV в. то к Москве, то к Литве, на карте 1562 г. среди московских земель показана только одна Вязьма. Это ведет нас к очень важной дате раздела сфер влияния между Москвой и Литвой в конце XV в. — к «мирному докончанию» 1494 г. Вязьма была взята будущим вождем нестяжателей князем В. И. Патрикеевым в 1493 г. ¹²

На следующий год в Москве состоялись мирные переговоры между литовскими послами и московским правительством; главную роль в них играл с московской стороны князь Иван Юрьевич Патрикеев. Вязьма стояла первой в списке спорных городов; послы даже грозили срывом переговоров, если великий князь не вернет Вязьму. Учитывая истинное положение дел с Вязьмой, отошедшей к Москве не только фактически, но и юридически (вяземские князья присягнули Ивану III), послы Александра Ягеллона в 1494 г., уступая московскому нажиму, предлагали «обыск» вяземских во-

ЧЕРТЕЖ
МОСКОВСКИХ
ЗЕМЕЛЬ

лостей: «Куда были из старины Вязма, ино один одному поступится». Окончательно отказаться от Вязмы им было трудно: «Вязму держи государь ваш, а в докончание ее не пиши ни в одну сторону»¹³.

Небольшой и малозаметный городок Вязма приобрел в это время значение важного стратегического пункта. Переговоры закончились заключением мира на московских условиях: «И взя с великим князем Иваном Васильевичем мир и докончальные грамоты исписаша и городов отступипаша великому князю: Вязмы и Серлееска и Мезеческа и Воротынска и Одоева и иных по Угру реку»¹⁴.

Эту ситуацию и отражает карта Дженкинсона: Смоленск, на который не очень настойчиво претендовал Иван III, остался за Литвой, а Вязма отошла к Москве. Одинокость Вязмы во всей западной части Московии на нашей карте как бы подчеркивает ту роль, которая неожиданно выпала этому городу при выработке мирного докончания в 1494 г. Вязма дает нам надежный *terminus post quem* протооригинала карты Дженкинсона. Один ряд датирующих признаков (отсутствие в составе Московии Смоленска, Северной земли и Югры) позволил нам установить и *terminus ante quem* — 1500 г. В итоге составление протооригинала карты мы должны по этим признакам датировать отрезком времени 1494—1500 гг. Даже если исключить несколько сомнительную датировку по окончательному присоединению Югры, то мы все же получим достаточно узкую дату—1494—1503 гг. Однако существует другая группа хронологических признаков, которая как будто бы должна поколебать установленную выше датировку: на карте Дженкинсона в состав «Руссии» включены такие земли, вхождение которых в Московское государство мы привыкли относить ко времени, более позднему, чем рубеж XV и XVI вв. Вот их перечень с датами окончательного вхождения в состав Московского государства:

Псков	1510 г.
Рязань	1521 г.
Казань	1552 г.

Самоуправление Псковской республики действительно было упразднено Василием III только в 1510 г., но сам псковский летописец, описывавший это печальное для него событие, должен был признать, что московский великий князь, твердо считавший Псков «отчиною своею», и ранее не всегда считался с его суверенностью, «а иногда посылаше наместники своя во Псков по своей воли, коего восхощет, не по их (пскович) воли. Они же [присланные Москвою князья] насиловаху и грабяху и продаяху их поклепы и суды неправедными... И сице многажды бысть тако»¹⁵. Псков беспрекословно подчинялся великому князю, дважды разрывая свои мирные договоры с Новгородом и посылая свое войско под знамена великого князя (1471 и 1478 гг.).

В свою очередь московское правительство неоднократно воевало с Ливонским орденом, обороняя Псков. Уже в 1470-е годы Иван III мало считался с волей псковского боярства. Едва начал княжить во Пскове нелюбимый псковичами князь Ярослав Васильевич, как псковский посол, ездивший в Москву жаловаться, «привезе нелюбовь и гнев от великого князя до своей вотчины до всего Пскова»¹⁶. Следующему псковскому посольству тоже не повезло: «Князь великой послов псковских с подворья спровадил, на очи не пустил, ни дару не принял. И они, стояв 5 дней шатром на поли и без ответа, ко Пскову приехали»¹⁷.

Несмотря на протесты псковичей, Иван III целых четыре года держал Ярослава во Пскове. Только кровопролитные бои в городе, когда псковичи «росперечились» с пьяной княжеской гвардией, вынудили московского князя сменить наместника.

¹³
К. В. Б а в и л е в и ч. Указ.
соч., стр. 324.

¹⁴
ПСРЛ, т. VIII, стр. 227.

¹⁵
«Псковские летописи», вып. 2.
М., 1955, стр. 253.

¹⁶
ПСРЛ, т. IV, стр. 249.

¹⁷
Там же, стр. 250.

В 1486 г. после покорения Новгорода и Твери, после освобождения от татарского ига Иван III еще решительнее разговаривал с псковской знатью «с великою опалкой». «Возрев ярим оком» великий князь заявил послам: «Се яз посылаю по вас уже своя бояры и прикажу им о всех ваших делах»¹⁸.

Внутренние дела Пскова, связанные с взаимоотношениями со смердами, московский великий князь теперь решал уже через своих бояр, которые должны были управить их на месте.

Фактическое полновластие великого князя в Пскове выразилось в том, что в 1499 г. он отдал Псков вместе с Новгородом своему сыну Василию, о чем псковичи неожиданно узнали от великокняжеского посла: «Что де я великий князь Иван сына своего пожаловал великого князя Василья — дал ему Новгород и Псков». Псковичи немедленно снарядили посольство в Москву, но Иван III «на наших посадников и бояр, — пишет пскович, — опалился: «Чи не волен яз в своем внуке и в своих детех? Ино кому хочю, тому дам княженство!» Да дал княженство сыну своему Василью Новгород и Псков, а посадников псковских Григорья Хрустолова да Федора унял у себе, да всадил в костер» [в башню]¹⁹.

Таким образом, включение Псковской земли в состав Московии на карте Дженкинсона не обязательно связывать с событиями 1510 г., когда Псков вошел в состав Московского государства *de jure*. *De facto* это произошло на четверть столетия раньше. При рассмотрении политической географии XV в. мы должны учитывать не только сложную и многоступенчатую феодальную соподчиненность княжеств, но и стоящий над этой сетью многообразных княжеских связей международный аспект, крупное деление земель и сфер влияния между наиболее сильными феодалами. Такие эпизодические разделы могли происходить между великими князьями московским и тверским, между московским и литовским, между московским великим князем и крымским ханом.

В московско-тверское докончание 1484—1485 гг. был вставлен новый по сравнению с прежними договорами пункт о Пскове: Иван III обязывал тверского князя Михаила Борисовича «не вступатися ... в Новгород в Великий и во Псков и во вся Новгородская и Псковская места»²⁰. Завоеванный Новгород здесь полностью уравниен с Псковом, который псковичам казался еще самостоятельным, а великому князю — уже в достаточной мере освоенным.

С такой точки зрения международной феодальной силы мы должны посмотреть и на положение Рязанского княжества в конце XV в. За включение Рязани в свою сферу влияния боролись две силы: Великий князь Московский и Великий князь Литовский. Еще в середине XV в. рязанский князь имел право служить польскому королю (бывшему тогда и Великим князем Литовским), а московский князь должен был «про то на него не гневаться, ни мстити ему». К концу XV в. ситуация изменилась в пользу Москвы. В 1493 г., воюя с Александром Литовским, Иван III послал против него рязанского князя как своего воеводу: «И послал противу их [литовских воевод] сестричича своего князя Федора Васильевича Рязанского, да воевод своих...»²¹

Особенно интересно для наших целей упомянутое выше докончание Ивана III с Александром Ягеллоном 1494 г. Перевес в посольских переговорах был явно на стороне Москвы, что объяснялось не только успехами московских полков, но и сильным тяготением многочисленных русских удельных князей по Оке, Угре и Днепру к русской Москве. Позиция Ивана III укреплялась еще и тем, что Александр просил руки княжны Елены, дочери великого князя. Два крупнейших монарха Восточной Европы делили между собой русских владетельных князей и боярские республики, позволяя некоторым из них сохранять иллюзию суверенности. В дележ попадали

7

ИВАН III

даже владения Ливонского ордена («Лифляндия»), долженствовавшие оставаться в сфере влияния Литвы. Карта Дженкинсона является как бы иллюстрацией окончательной грамоты 1494 г., по которой Смоленск, Дорогобуж и Брянск (не говоря уже о более отдаленных северских городах) оставались в литовской стороне, а Новгород, Псков, Тверь, Рязань, Вязьма и ряд верховских княжеств закреплялись в сфере влияния Москвы. Завоеванные Новгород, Тверь и Вязьма уравнивались здесь с еще «самостоятельными» Псковом и Рязанью.

Александр Ягеллон признавал, что рязанские князья «и с своими детьми и своею землею в твоей стороне великого князя, в Иванове. А мне, великому князю Александру, их не обидети, ни в землю ми в их не вступатися»²². Такое положение Рязани сложилось, очевидно, задолго до того всеобщего раздела княжеств и государств, который производили Иван и Александр в 1494 г.: Амброджи Контарини, побывавший в Рязани в 1476 г., пренебрежительно называл рязанского великого князя «князьком» («uno signoretto») ²³.

²²
«Собрание государственных грамот и договоров», т. V, стр. 17, № 29.

²³
«Барбаро и Контарини в России». Л., 1971, стр. 220—225.

ЧЕРТЕЖ
МОСКОВСКИХ
ЗЕМЕЛЬ

24
К. В. Базилевич. Указ.
соч., стр. 349.

Иван III не только отгородил Рязанское княжество от внешнеполитического влияния, но и властно, пожалуй, даже бесцеремонно вмешивался во внутренние, самые глубинные явления рязанской жизни. В связи с начавшейся колонизацией Дона рязанцами (приведшей к созданию донского казачества) Иван III посылает рязанской княгине в 1502 г. строгую «заповедь»: «А лутших бы еси людей и середних и черных торговых на Дон не отпускала ни одного человека того дея, зане ж твоим людем служилым, боярам и детям боярским и селским быть всем на моей службе, а торговым людем лучшим и середним и черным быть у тебя в городе Рязани. А послушается кто и пойдет самодурью на Дон в молодечество, их бы ты, Аграфена, велела казнить, вдовым да женским делом не отпираясь. А по уму бабью не учнешь казнить, ино мне велети и продавати: охочих на покуи много»²⁴. Ко всему этому следует добавить, что Иван III владел частью города Рязани (Переяславля Рязанского) и Старой Рязанью на правах наследника рязанской княгини Анны Васильевны, его родной сестры.

Таким образом, включение Рязанского княжества в состав Московии на карте Дженкинсона, как и включение Пскова, полностью соответствует как фактическому положению дел, так и международной юрисдикции с позиций договора с Литвой в январе 1494 г. Теперь единственной неясностью для нас остается только Казанское ханство, показанное на карте тоже в составе московских земель.

Противоречит ли это намечающейся дате 1494—1500 гг.? Наступление на Казань и длительные войны Москвы с казанскими феодалами начались почти столетием раньше привычной даты завоевания Казани (1552 г.) и велись с переменным успехом.

Первые походы Ивана III в 1467—1469 гг. уже привели казанского хана Ибрагима к вассальной зависимости от великого князя.

В 1487 г. Казань была завоевана после двухмесячной осады ее московской ратью. О своей победе над Казанью Иван III известил Венецию специальным посольством. Посаженный на престол Иваном III хан Мухаммед-Эмин был исполнителем воли великого князя. В дальнейшем Иван III легко смирял протесты татарской знати (1495—1496 гг.) и менял по своему усмотрению ханов на казанском престоле. Если в отношении Пскова, Новгорода, Твери и Рязани каждый военный успех Москвы должен был быть закреплен международным соглашением с польским королем или великим князем, то на востоке таким международным партнером Ивана III был крымский хан Менгли-Гирей. Когда великий князь сместил Махмет-Аминя и «учинил царем» в 1496 г. его младшего брата Абдул-Летифа, то Менгли-Гирей признавал действия Ивана III вполне правомерными: «Твоему делу пригожество так пришло: большого у себя еси оставил, а меньшого на царство послал еси — тамошним [Казанским] землям государь ты еси»²⁵.

Обладание Казанью давало московскому князю власть и над Черемисой обоях берегов Волги, показанной на карте в составе Московии.

Вассальные отношения Казанского ханства к Москве закончились с мятежом татарской аристократии в 1505 г. Русский историк XVI в., современник окончательного взятия Казани, пишет в «Казанской истории» о прежних делах 1487—1505 гг.: «И была тогда Казань за великим князем 17 лет»²⁶. Вот эту-то ситуацию и отразила карта Дженкинсона.

Таким образом, дата, установленная по бесспорным признакам (1494—1500 гг., если включать Югру, и 1494—1503 гг., если ее не включать), не опровергается теми данными, которые приведены выше для сомнительных территорий. Псков, Рязань и Казань в 1494—1503 гг. были в такой степени подчинены великому князю Московскому, что географы не сочли возможным показать их на чертеже самостоятельными государствами наравне с Литвой, Крымским ханством или Ливонским орденом.

25
Там же, стр. 401.

26
«Казанская история». М.—
Л., 1954, стр. 59.

ЧЕРТЕЖ
МОСКОВСКИХ
ЗЕМЕЛЬ

Одна деталь на карте Дженкинсона позволяет нам еще более сузить дату составления чертежа московских земель: города Ивангород, Ям и Орешек показаны не на русской, а на шведской территории.

Ивангород был построен Иваном III как пограничный оплот против Ордена. 1492. «Тоя же весны повелением великого князя Ивана Васильевича заложиха град камен на немецком рубежи против Ругодива города немецкого на реце на Нарове, на Дивичьи горе на Слуде, четвероуголен. И нарече имя ему Иванъград в свое имя»²⁷.

На карте показаны оба города — Ивангород и Ругодив, стоящие один против другого на берегах Наровы.

Ивангород был взят шведским полководцем Делагарди после поражения русских в Ливонской войне в 1581 г. и до Тывзинского мира 1595 г. оставался в руках шведов. Однако к карте, опубликованной за два десятка лет до захвата Ивангорода шведами, этот эпизод отношения иметь не может.

За время же с 1492 по 1581 г. Ивангород был ненадолго захвачен шведами во время русско-шведской войны в 1496 г., что полностью согласуется со всеми другими датирующими признаками карты Дженкинсона.

1496. «Того же лета немцы взяша Иванъгород супротив Ругодива. И пришед немцы-свейцы людей мужей и жен и детей мечю предаша, а во граде хоромы и животы огневи предаша августа в 26 день».

Псковское войско пошло к Гдову, пробыло около Ивангорода 12 недель «на великого князя службе» и возвратилось «все здоровы»²⁸.

Другие летописи передают дополнительные подробности:

1496. «Августа 19 в пяток приидоша немци из замориа из Стеколна Свейского государства князя Стенкстура въскоре разбоем в 70 бусах в Норову реку под Иванъгород. И начаша ко граду вборзе приступати с пушками и с пицальми и дворы в граде зажгоша огнем стреляя»²⁹.

1496. «Того же лета пришедши немцы с моря в бусах, взяша Ивангород пицальми огненными. А воевода был тогда великого князя в том граде князь Юрьи Бабич и убеже из града чрез стену, а княгиню свою наперед выпроводил. И наималяся бесчислено!»³⁰.

Ивангород был только частью театра военных действий русско-шведской войны 1495—1496 гг., развернувшихся от устья Наровы до Выборга и еще далее в глубь Финляндии.

Под самым Ивангородом стояли русские войска князей Ивана Брюхо и Ивана Гундора, предназначенные, очевидно, для действий в более широком районе.

Летописи не дают нам ясной картины положения русских и шведских войск на этом участке Прибалтики; мы ничего не знаем о судьбе более северных городов Яма и Орешка, которые на карте Дженкинсона показаны так же, как и Ивангород, на шведской стороне. Псковская летопись позволяет думать, что русские силы стояли много южнее этих городов.

В зиму 1497/98 г. исковичи по приказу Ивана III «поехаша к Иваню-городу на Нарову со всею ратною приправою». Они стояли на реке Плюсе «и были две недели и поехаша прочь не управив ничего же» в феврале 1498 г.³¹

В пользу того, что балтийский путь из Новгорода, шедший через Орешек-Нотбург, был в 1496 — начале 1497 г. блокирован шведами, говорит рассказ С. Герберштейна о плавании Григория Истома в 1496 г. в Данию. Русский посол и посол датского короля прибыли в Новгород. «А так как в то время королевство Шведское отложилось от короля Дании и сверх того у Московского владыки были несогласия со шведами, то поэтому вследствие военных смут они не могли держаться общедо-

²⁷
ИСРЛ, т. IV, СПб., 1848,
стр. 161.

²⁸
ИСРЛ, т. IV, стр. 270.

²⁹
ИСРЛ, т. XII, стр. 244.

³⁰
Вологодско-Пермская летопись. ИСРЛ, т. 26. М.—Л.,
1939, стр. 290.

³¹
Псковская I летопись.
ИСРЛ, т. IV, стр. 270.

32
С. Герберштейн. Записки о московитских делах. СПб., стр. 185.

33
В. Кордт. Материалы по истории русской картографии, вып. II. Киев, 1910, табл. III.

34
К. В. Базилович. Указ. соч., стр. 393.

35
Уильям Барроу накануне поездки Дженкинсона в Москву в 1556—1557 гг. изучал северные моря: «... моя постоянная практическая деятельность и участие в путешествиях к св. Николаю в Россию... а равно и странствования от св. Николая к Москве... побудили меня с большой тщательностью и заботой делать наблюдения, касающиеся этих стран, островов, морских берегов и других явлений, представляющих интерес для искусства мореплавания и гидрографии» («Английские путешественники в Московском государстве...», стр. 89).

ступного и обычного пути [Волхов — Ладога — Нева — Балтика], а избрали другой, правда более длинный, но и более безопасный»³². «Безопасный путь» шел далеко в обход по Северной Двине, Белому морю и Ледовитому океану, огибая всю Скандинавию. Интересной иллюстрацией русско-шведской войны 1495—1497 гг. является шведская карта Олауса Магнуса 1539 г.³³ Здесь изображены и битвы шведов с москвитами на льду Финского залива, и взрыв башни в Выборге, и русский гонец, скачущий к Ивану III.

Около Ивангорода и Яма изображен шведский корабль и рыцарь со знаменем с тремя коронами; близ Орешка (Netaborg) помещен герб Швеции.

Разрозненные сведения источников в своей совокупности подтверждают ситуацию, отраженную на карте Дженкинсона: Ивангород, Ям и Орешек в 1496—1497 гг. временно принадлежали шведам или были театром военных действий между шведами и русскими. В марте 1497 г. Иван III и Стен Стуре заключили перемирие, после которого особо должен был быть решен вопрос о границах³⁴. Учитывая сообщение псковской летописи о том, что вплоть до 2 февраля 1498 г. русские войска «не управили» ничего под Ивангородом, следует полагать, что возврат захваченных шведами земель еще не состоялся.

Московский картограф конца XV в. стремился, как мы видели, расширить на карте владения Московского Великого князя за счет зависимых от него земель. В данном случае при нанесении северо-западной границы он был вынужден поступиться тремя русскими городами, что дает нам узкую дату составления карты — 1496—1498 гг., когда Ивангород был взят и разрушен, а путь по Неве через Орешек был закрыт для русских кораблей.

Рассмотрение всей государственной границы Московии на карте Дженкинсона привело нас к выводу, что в руки английского капитана в его бытность в Москве (декабрь 1557 г. — апрель 1558 г. или сентябрь 1559 г. — февраль 1560 г.) попал не современный ему, а очень старый чертеж московских земель, устаревший через год после его изготовления; быть может, только поэтому он и достался иностранцу.

Для условного обозначения русского протооригинала карты Дженкинсона из неполных трех лет (август 1496 г. — февраль 1498 г.) возьмем средний год — 1497-й, на всем протяжении которого Ивангород фактически России не принадлежал. Для более удобного сопоставления протооригинала карты Дженкинсона с другими дадим ему условное наименование «старый чертеж 1497 г.»

Установив дату основной части карты Московии А. Дженкинсона, т. е. собственно Московского великого княжества и его вассальных земель в 1497 г., мы должны поставить вопрос об источниках изображения других, внесмоковских земель и о географических работах самого Дженкинсона.

Участие Дженкинсона и других английских капитанов можно предполагать в подробной разработке карты Белого моря и Кольского побережья³⁵.

С. Герберштейн записал со слов Григория Истома, плававшего в 1496 г. в Данию по Белому морю и океану, интереснейший рассказ о географических подробностях этого плавания. Но карта Дженкинсона не обнаруживает знакомства с текстом Герберштейна, а на карте Герберштейна нет этого участка вообще. Береговая линия Кольского полуострова обозначена Дженкинсоном или самостоятельно или с привлечением съемок других английских капитанов, так как большинство названий отличается от русских. Тем не менее мы должны предполагать и использование

8
КАРТА
БАЛТИЙСКОГО МОРЯ
ОЛАУСА МАГНУСА
С ИЗОБРАЖЕНИЕМ
РУССКО-ШВЕДСКОЙ
ВОЙНЫ
1496—1497 гг.

ЧЕРТЕЖ
МОСКОВСКИХ
ЗЕМЕЛЬ

CASTRVM NOVVM
NIGRA AQUA ET PROFV
DISSINA AC NIGERRIMI PISCES

LACVS NIGER

MOSCOVIE
PARS

MARE FINONICVM
SIVE SINVS VENEDICVS

MAGNVS PRINCEPS
MOSCOVITAR

PREFECTVS REGIS
SVECIE

PRELIVM GLACIALE

SIA AVSTRAL

HERMELINI

PERDITA
PVGNA

SLE
NOVE

LAND
VERN

APRI XII PEDV
LO GIT

NARVIA
LIVONIE

ERITRATAO
INSTAR
AOVILES

VANHER

LAN EGROTA

IVAN GROT

TELSBORG

VESENBORG

HOGK
LANDH

OLSBY

HILLS

FLV J

VECKELAX

VERVLAX

SCETE
RE

VIBVRG II

VIBVRVM

VIRIS

SAGOLAX

ESTRABO

PAGESKA

MAHA

IEGABOR

NETABORG

KEXH

ECCLIA
NOVA

KIAVER

LAPPAVESI

EGREFE

IEGABOR

IEGABOR

IEGABOR

IEGABOR

NON SIN

каких-то русских материалов, так как уцелели без перевода такие русские обозначения, как «Три острова» (Tre ostrovi) или «Кильдма остров» (Kildma ostrov). Но совершенно невозможно решить вопрос о том, восходят ли эти данные к «старому чертежу 1497 г.».

Далекий северо-восток нанесен Дженкинсоном, по всей вероятности, или по карте Герберштейна (Печора, Уральский хребет и Обь параллельны) или по тем же русским материалам, которыми пользовался Герберштейн.

Трудно объяснить ошибку Дженкинсона в отношении Пустозерска; на Печоре Дженкинсон поместил два города: «Печору» в устье реки, где должен быть Пустозерск, и «Пустозерск» в 240 верстах выше устья, где на самом деле стоит городок Усть-Цыльма.

Реки северо-востока показаны на карте с притоками: у Мезени 6 притоков, у Печоры — тоже 6, а у Оби — 16. В большинстве случаев притоки обозначены только их устьями, что обычно бывает тогда, когда составитель карты плывет по большой реке, не знакомясь с удаленными от нее местами. Очень вероятно, что эти северо-восточные земли, в которых Дженкинсон не бывал, нанесены по какому-то русскому чертежу, дату которого определить нельзя.

Значительно интереснее рассмотрение юго-восточной части карты Дженкинсона, которая, с одной стороны, является как бы иллюстрацией его рассказа о путешествии в Бухару в 1558—1559 гг., а с другой стороны, превышает ту информацию, какую он мог получить из непосредственных наблюдений. Важно отметить два обстоятельства: во-первых, карта расходится с текстом Дженкинсона, а во-вторых, почти все отклонения карты от текста (как верные, так и ошибочные) находят себе соответствие в «Книге Большому Чертежу». Разберем по пунктам.

1. Границей Казанской земли на карте 1562 г. показана река Самара. Ее левые притоки помещены уже в земле Нагаев, где нарисована группа нагайских верблюдов. Все это находит полную параллель в «Книге Большому Чертежу»: «А река Самара вытекла с востоку четырьмя позсошми... А ниже реки Черные 300 верст пала в Самару с полдни река Бузувлук, а в Бузувлук пали 3 речки однем прозвием все 3 — Уланы... А от верху реки Бузувлук на полях и до Синева моря — кочевье все Больших Нагаев»³⁶.

В верховьях бассейна Самары на карте сделана надпись «Kirck-bosh», являющаяся, по всей вероятности, наименованием башкир (Bash-kirck?) с перепутанными слогами. В верховьях Самары действительно живут башкиры-кипчаковцы.

В тексте Дженкинсона ни о Самаре, ни о башкирах, ни о границе с Нагаями речи нет.

2. Кроме Самары на карте обозначены реки Иргиз (Urgis) и Уруслан (Ourgis-lanc); текст Дженкинсона о них умалчивает. В «Книге Большому Чертежу» читаем: «А ниже Сызани-реки с луговые стороны 120 верст пала в Волгу река Елаш-Иргыз... А с луговые стороны выше Камышенки реки пала в Волгу река Уруслан...»³⁷

3. На карте, начиная от Иргиза и до Астрахани, обозначено несколько десятков островов посреди Волги. В тексте Дженкинсона о них ничего не говорится. Адам Олеарий, располагавший, очевидно, какой-то русской картой XVI в. (см. об этом ниже), отмечает именно в районе Иргиза и ниже по Волге обилие островов с русским названием «Сорок островов» (Sorok Ostrowc)³⁸.

4. На карте Дженкинсона есть не упомянутый им в тексте город «Мечеть» (Meshet) у излучины Волги близ современного Волгограда, но на левом берегу.

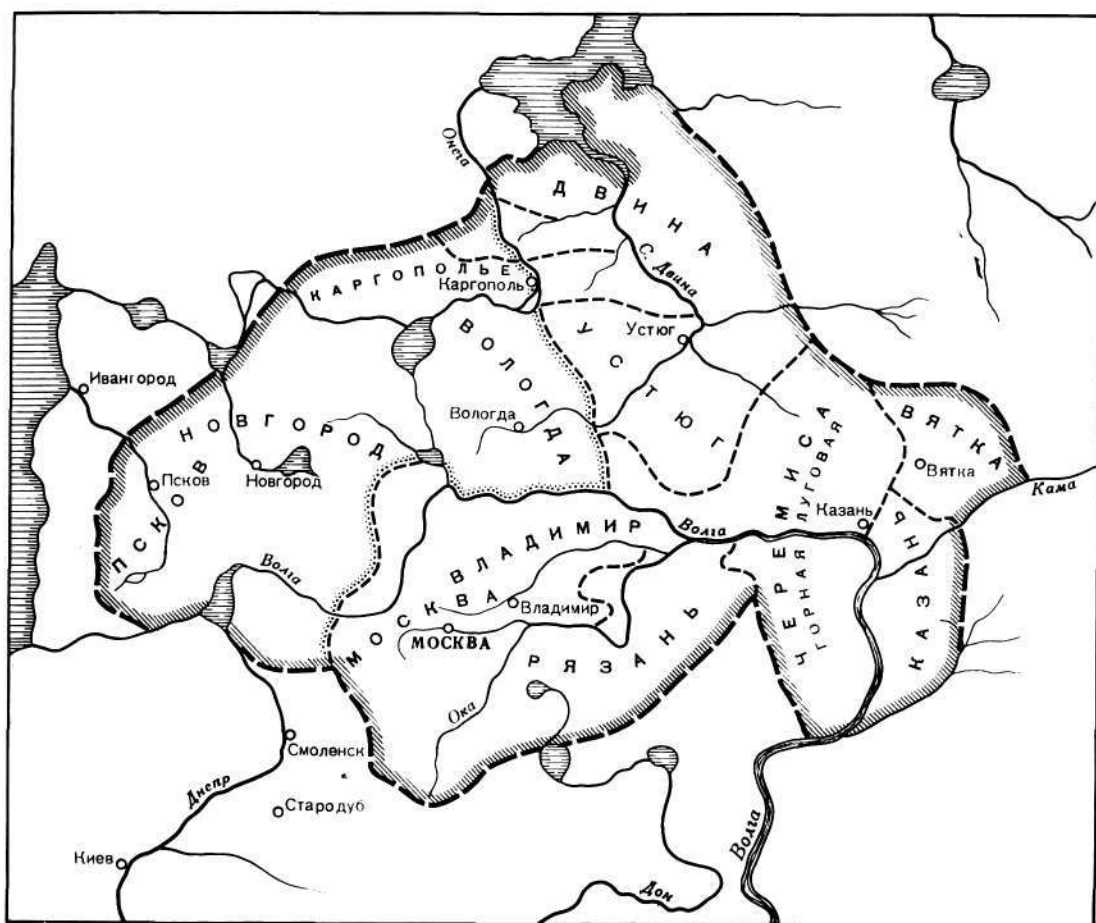
В «Книге Большому Чертежу»: «А на луговой стороне ниже Царицына города из Волги потекла река Ахтуба. А по реке по Ахтубе на 90 верст от Царицына — Золотая Орда, мечети татарские каменные»³⁹.

36
«Книга Большому Чертежу».
М.—Л., 1950, стр. 140.

37
Там же, стр. 143. Ошибка в латинском начертании р. Иргиз на карте может косвенно говорить о копировании карты с русского оригинала, когда русское «И» было механически скопировано как латинское «i».

38
Адам Олеарий. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1706, карта между стр. 306. и 361.

39
«Книга Большому Чертежу»,
стр. 143.

9
 СХЕМА
 ОБЛАСТНОГО
 ДЕЛЕНИЯ
 МОСКОВСКОГО
 ГОСУДАРСТВА
 ПО ЧЕРТЕЖУ
 1497 Г.

5. Самым разительным примером расхождения между текстом Дженкинсона и его картой является география Каспийского моря и рек Средней Азии⁴⁰. На карте Каспийское море изображено с урезанной береговой линией без Гиляна, без Мазендерана и без Астрабада; западный апшеронский берег, как бы заполняя этот пробел, подведен на восточную сторону почти к Кара-Богазу. В результате Шемаха оказалась на южном берегу Каспия, а Баку — на восточном. Такое ограничение Каспия только его северными берегами могло произойти лишь в результате механического округления северной половины моря, когда чертежник, плохо осведомленный о южных берегах, «округлил» одно северное побережье и сомкнул бакинский берег с кара-богазским. На карте Амударья (Ougus fluvius-Oxus) впадает в удлинённый залив Каспия, а река Ардок (Ardok) является правым притоком Амударьи, впадая в нее восточнее Ургенча.

Дженкинсон проплыл на корабле вдоль северного берега Каспия до Мангышлака; отсюда караваном в 1000 верблюдов он двинулся через пески Усть-Урта, достиг Ургенча (очевидно, Куня-Ургенча), поднялся по реке и достиг Бухары. Соотношение двух упоминаемых Дженкинсоном рек — Оксуса и Ардока — мы можем понять, только положив его маршрут Мангышлак — Ургенч — Бухара на современную нам карту. Оксусом, т. е. Амударьей, Дженкинсон, очевидно, называл один из западных протоков дельты Амударьи. От Ургенча «проехав по Оксусу 100 миль, вошли, — пишет Дженкинсон, — в другую большую реку Ардок... Ардок — большая и очень быстрая река **вытекает** из Оксуса и течет около 1000 миль к северу,

⁴⁰ Каспийско-бухарский участок карты Дженкинсона, вероятно, размещался первоначально на особом листе, так как, несмотря на двукратное упоминание Астрахани (Старая Астрахань и Новая Астрахань), по берегам Волги на самом море в третий раз помещена надпись: «Astracan». Это могло получиться только при механическом объединении поволжского листа карты с каспийским. Удвоенно также название города Сарайчика: один правильно помещен у устья Яика, а другой — значительно выше

41
«Английские путешественники в Московском государстве...», стр. 178—179.

затем теряется в земле и, пройдя 500 миль под землей, снова выходит на свет, чтобы влиться в озеро Китай»⁴¹.

Отложив на карте 100 английских миль от Старого Ургенча по направлению к Бухаре, мы окажемся в районе Нового Ургенча, где основное русло Амударьи идет в северо-западном направлении к Аральскому морю («оз. Китай»). Следовательно, рекой «Ардок» мы должны считать отрезок Амударьи, один из рукавов в ее дельте, действительно «вытекающий из Оксуса».

Выяснив это, мы можем перейти к тому, как Дженкинсон определяет взаимоотношения Амударьи и Каспия. «Надо отметить, что в прошлые времена великая река Оксус впадала в этот залив [залив Култук?] Каспийского моря... Теперь она не доходит так далеко, но впадает в другую реку по имени Ардок...»⁴² Однако на карте Дженкинсона река Оксус (Ougus) впадает в Каспийское море в полном согласии с данными античных географов. На карте Фра-Мавро есть и Старый Ургенч (Organsa Vecchia) и Новый Ургенч (Organsa Nuova). Оба они стоят на протоках, впадающих в Каспий. Это давнее заблуждение основывалось на существовании древнего русла — Узбоя, отходящего от левого побережья Амударьи и впадающего в Балханский залив Каспийского моря.

На этих представлениях о прямом водном пути из Согда и Бактрии в Каспийское море построил свои расчеты известный генуэзский капитан Паолетто Чентурионе, ездивший в Москву при Василии III с тем, чтобы наладить путь в Индию по Волге, Каспию и Амударье. Павел Иовий, интересовавшийся географией Московии и записавший рассказы Дмитрия Герасимова, писал о Чентурионе: «Павел, человек с безумной и ненасытной душой искал нового и невероятного пути для добывания пряностей из Индии. Именно занимаясь торговыми делами в Сирии, Египте и Понте, он узнал по слухам, что пряности можно подвозить по реке Инду из отдаленной Восточной Индии, откуда по непродолжительному сухому пути, перевалив через горный хребет Паропанисидский (Гиндукуш), их можно перевести в реку Бактрианов — Окс; эта последняя берет начало почти из тех же гор, как и Инд, и в противоположном с ним направлении изливается при порте Страве в Гирканское (Каспийское) море... Далее, по разведкам Павла, от самой Стравы представляется безопасное и легкое плавание вплоть до торжища Цитрахи (Астрахани) и устья реки Волги; оттуда же, поднимаясь непрерывно вверх по рекам, а именно: по Волге, Оке и Москве, можно добраться до города Москвы...»⁴³

Чентурионе добивался от великого князя того, что потом осуществил Дженкинсон, — свободного проезда через Московию, но «Василий отнюдь не считал возможным открывать человеку иноземному и неизвестному те страны, которые представляли доступ к Каспийскому морю»⁴⁴.

Дважды Чентурионе был в Москве: в 1519/20 и в 1524/25 гг.; из последнего путешествия он возвращался вместе с Дмитрием Герасимовым. О. Пирлинг, хорошо знавший итальянские архивы и проследивший биографию П. Чентурионе с 1503 г., пишет, во-первых, о том, что генуэзские авторы Джустиниани и Фоллетта считали Чентурионе очень сведущим космографом, а во-вторых, о том, что Чентурионе поехал в Россию, «вооружившись своею географическою картою»⁴⁵. О судьбе этой карты мы не знаем ничего, но интересно отметить, что карта Дженкинсона, прямо противоречащая его авторскому тексту, отрицающему впадение Амударьи (Оксуса) в Каспийское море, полностью отвечает в своей гидрографии устаревшим представлениям Паолетто Чентурионе.

На карте Дженкинсона есть любопытный анахронизм, подобный тому, который отмечен нами в отношении Смоленской земли: государственная граница отражает устаревшее положение, а надпись вносит поправку на более позднее время. На карте

43
Павел Иовий Новокомский. Книга о московитском посольстве. СПб., 1908, стр. 252—253. Город Страве (Strava) есть и на карте Фра-Мавро, но это, очевидно, Астрабад, и он никакого отношения ни к Амударье, ни к устью Узбоя не имеет.

44
Там же, стр. 254.

45
О. Пирлинг. Россия и папский престол. М., 1912, стр. 312, 317.

земли вокруг городов Хорасана и Мерва показаны принадлежащими Туркмении, а надпись гласит, что в 1558 г. Персия завоевала Хорасан. Это вынуждает нас поставить вопрос о том, что в руках Дженкинсона и в этом случае оказалась какая-то устаревшая карта, отражавшая те неточные представления, которые Дженкинсону пришлось опровергать в своем тексте, а в некоторых случаях исправлять и на самой карте.

«Книга Большому Чертежу», которая уже не раз подкрепляла карту Дженкинсона, в вопросе об Амударье тоже обнаруживает сходство с картой, но не с текстом Дженкинсона: «...из Синего моря вытекла река Арзан и потекла в Хвалимское (Каспийское) море.

А в реку Арзан с востоку пала река Аме-Дарья; протоку Аме-Дарии реки — 300 верст»⁴⁶.

Реку Арзан (вариант: Арзаз), протяженность которой указана в 1060 верст, следует отождествить с Амударьей (в нашем понимании) и Узбоем, впадающим в Каспий. А река «Амедарья» — это восточный проток Амударьи в ее низовьях. Если сопоставлять с текстом и картой Дженкинсона, то тысячеверстный «Арзаз» надо отождествлять с Оксусом, а короткую «Амедарью» с Ардоком.

«Большой Чертеж» дальше всего удалился от государственной границы России именно в направлении Средней Азии: Сырдарья, Ургенч, Туркестан, Сыгнак, Ташкент, Бухара и др.⁴⁷

Составители Большого Чертежа лучше знали сухопутные караванные пути, шедшие в северной полосе Средней Азии, и не обнаружили достоверных познаний в интересующем нас более южном районе предполагаемого впадения Оксуса — Арзаза в Каспийское море. Составитель «Книги Большому Чертежу» даже приписал: «Город Юргенч от реки Арзаза 50 верст, а от Хвалимского моря 400 верст, а вод под ним ни рек, ни озер в чертеже не написано»⁴⁸. Очевидно, в основе и карты Дженкинсона и Большого Чертежа лежала какая-то старая карта, отражавшая по отношению к Амударье и Каспию те географические представления, которые так соблазняли в свое время Паолетто Чентурионе.

Трудно также решить вопрос о степени участия в картографической работе самого А. Дженкинсона. Совпадения его текста с содержанием карты в волжско-окском участке еще не позволяют утверждать, что все данные нанесены только самим английским путешественником — ведь необходимо допустить и другую возможность: путешественник мог вести свое описание по карте, сверяя его с натурой, а кое-что из того, что было на карте, но не попадало в его поле зрения, опускаая в описании.

К таким превышениям карты над текстом относится показ реки Самары с притоками, Иргиза, Уруслана, золотоордынских мечетей. Соответствие перечисленных превышений с данными Большого Чертежа говорит в пользу русского источника.

Больше самостоятельной работы Дженкинсона ощущается в каспийско-бухарском участке карты, где нанесены преимущественно города, посещенные английским караваном. Только ошибочное понимание Амударьи, как реки, впадавшей в Каспийское море, мы должны отнести за счет старой карты с птолемеевской традицией, карты, повлиявшей и на русский Большой Чертеж.

Все приведенные выше материалы по Поволжью, Каспию и Средней Азии позволяют высказать предположение, что в руках Дженкинсона в 1558—1560 гг. был русский чертеж Волги (а может быть, и Средней Азии?), о степени подробности которого по небольшой карте Дженкинсона мы судить не можем.

Здесь уместно вспомнить сведения В. Н. Татищева о больших картографических работах в России при Иване Грозном: «О царе Иване IV в 1552 г., скажется, что земли велел измерять и чертеж государства сделать, однако ж чертежа оного

⁴⁶
«Книга Большому Чертежу», стр. 94.

⁴⁷
Там же, стр. 95—96. Отмечена даже ирригационная система: «А к Бухаре городу и во всю землю Бухарскую из Сыра-реки розведены воды по пашням для того, что там безводно, без пущенных воды хлеб не родит и никакой овоир» (стр. 95).

⁴⁸
Там же, стр. 96.

49
В. Н. Татищев, *История Российская*, т. I, М.—Л., 1962, стр. 348.

50
В связи с этим возникает еще один вопрос о том, не была ли при этом использована какая-то еще более старая карта, на которой река Оксус (Амударья) впадала в Каспийское море?

нигде не видно, кроме того, что в архиве казанской (чертеж) на одно Казанское владение, как мне помнится, на 16 листах; сделан без масштаба, но от места до места версты числом подписаны»⁴⁹. Как мы видели, на карте Дженкинсона граница Казанского владения с Нагайской ордой дана очень точно в полном согласии с позднейшей «Книгой Большому Чертежу».

Не является ли карта Дженкинсона в своей юго-восточной части упрощенной копией тех предшественников Большого Чертежа, которые составлялись в Москве в эпоху завоевания Казани и Астрахани, когда прокладывались пути на Восток?⁵⁰

Несомненно, наиболее важной для нас частью карты А. Дженкинсона является ее основной массив, восходящий, как доказывалось выше, к старому московскому чертежу 1497 г.

Московские земли показаны здесь с подразделением на отдельные области, что особенно повышает ценность этой первой карты государства Ивана III, так как знакомит нас с новым административным делением только что сложившейся державы.

Пунктирными границами выделены внутри общего московского массива такие области:

Московия и Володемер (Владимир дан только надписью), Новогардия (и Псков, не выделенный надписью), Каргаполия, Мещера, Безымянная волость (западнее Северной Двины), Вологда, Устюг, Двина, Рязань, Вятка (Vachin), Черемиса Луговая, Черемиса Нагорная, Казань.

Москва и Владимир впервые были слиты воедино в духовной Василия Темного 1462 г.⁵¹ В состав «Московии и Володемера» вошли все крупнейшие русские княжества XV в., не обозначенные здесь никакими границами. Границы этой объединенной области легче всего очертить по нанесенным на чертеж городам. Городов здесь больше, чем в любой другой области, — 20. Верховья Оки оказались совершенно пустынными, без городов.

51
Л. В. Черепнин, *Русские феодальные архивы XIV—XV вв.*, М., 1948, стр. 159.

<i>Московия</i>		<i>Область Владимира</i>
Москва	Холопий (у Мологи)	Владимир
Можайск	Ярославль	Кострома
Вязьма	Ростов (у озера)	Плес
Тверь	Переяславль (у озера)	Кинешма
Кашин	Троицкий (монастырь)	Юрьевец
Углич	Коломна	Балахна
		Нижний Новгород

Из рек на карте обозначены здесь Волга, Ока, Москва, Клязьма, Которосль.

Новгородско-Псковская область

Новгород Великий	Псков
Порхов	Кобыла
Луки	Вороноч
Волочок	Опочка
Устюжна	Железнопольская
Торжок	Четыре безымянных города
	(Игнач?)
	За рубежом:
	Ивангород, Яма, Орешек

Четыре безымянных псковских города противостоят четырем безымянным же ливонским орденским крепостям. Можно думать, что это: Изборск, Новый Городец и Володимерец (построенные в 1462 г. на обидном месте), а также Вышгород или Красный. Эти городки действительно образовывали пограничную цепь на рубеже с Орденом.

«Новогардия» показана очень широко: помимо территории самих новгородских пятин сюда входит и Оковский лес с истоками Волги, Днепра и Двины, и течение реки Великой, и Онега, показанная огромной рекой, вытекающей из Ладожского озера, пересекающей Белоозеро и озеро Лаче (из которого она действительно вытекает) и текущей далее на север в Онежскую губу.

Древний картограф соединил здесь Свирь, Вытегру, Видь и настоящую Онегу; ему было трудно справиться с обилием озер и речных путей. Ладожское озеро показано здесь непомерно маленьким, а Нева излишне длинной рекой около 300 верст (в действительности 50). Онежское озеро, очевидно, не понято было гравером и показано, как речная петля. Таким же недоразумением следует считать отсутствие Чудского озера. Возможно, что первоначальный чертеж обрывался на восточной береговой линии озера, не показывая ливонского, юрьевского берега, а гравер превратил эту береговую линию в реку. Новая «река» получилась из соединения Великой, восточного берега Чудского озера и Наровы. Иначе трудно объяснить отсутствие большого пограничного озера при несомненном внимании составителя чертежа к псковско-ливонскому порубежью.

Каргополье.

Этот северный малолюдный край, бывший со времен Даниила Заточника местом ссылки, представлен только городом Каргополем на Онеге, Лаче-озером и небольшой системой речек, соединенной с Белоозером (которой на самом деле нет).

Безымянная волость и «Мещора».

Безымянная волость, ограниченная, как и все другие, пунктирными границами, лежит между Онегой и средним течением Северной Двины. В протекающей здесь реке (левый приток Двины) нетрудно узнать Вагу, так как на ней помещен город Шенкурск (Shenkoria). Дженкинсон проезжал в 1561 г. сухопутьем через Важскую землю (Country of Vago), но почему-то не нашел нужным обозначить ее на своей карте как особую волость⁵². Соседняя с ней область названа на карте «Meschoга», но, конечно, к настоящей Мещере в излучине Оки она не имеет никакого отношения. Здесь протекает река (Емца) с двумя притоками и показан город Емец. Самым крупным притоком Емцы является Мехренга. Не от этого ли названия произошла загадочная надпись «Мещора»? Никакой особой волости здесь быть не должно.

Вологда.

Область Вологды ограничена Шексой, Белоозером, речками между Белоозером и Лаче-озером; отсюда граница идет на юго-восток к Сухоне, пересекает ее выше Тотмы и завершается на безымянной реке, впадающей в Волгу слева выше Балахны. По положению реки ее можно отождествить с Унжей и ее притоком Вигой; в верховьях притока показан город Чухлома, находящийся в другой речной системе, но в непосредственной близости от Виги. Поэтому вопрос о восточной границе Вологодской волости остается открытым: она может доходить или до Унжи или же до р. Костромы (с которой связано Чухломское озеро). Второй вариант значительно более вероятен: граница Вологодского уезда в XVII в. проходила вдоль западного, правого берега р. Костромы⁵³. Городов здесь немного: Вологда, Белоозеро, Галич и городок «Sucho» в истоках Сухоны. В последнем случае, может быть, имелось в виду село Шуйское в верховьях Сухоны? На карте изображено Кубенское озеро и р. Вологда.

52

«Английские путешественники в Московском государстве...», стр. 189.

53

Ю. В. Готье. Материалы по исторической географии Московской Руси. М., 1906, карта.

ЧЕРТЕЖ
МОСКОВСКИХ
ЗЕМЕЛЬ

Устюг

Обширная Устюжская волость выходит углом к Лаче-озеру; оттуда граница идет к слиянию Вычегды с Сухоной (выше устья), затем пересекает Вычегду в среднем течении и идет на юго-восток, поворачивает на юго-запад, пересекая верховья р. Юга и верховья Унжи (?). Далее граница идет на северо-восток, пересекая Сухоу чуть выше Тотмы и направляясь на Лаче.

На карте Дженкинсона нанесены следующие пункты.

Устюг, Стрельна (в XVII в. погост Стрелинский на Двине), Бобровское, Брусенско (в XVII в. Брусенский городок), Тотма, Чухлома, Унжа (Ousheia).

Городки между Устюгом и Тотмой, являвшиеся, очевидно, путевыми станциями (все они отстоят друг от друга на 45—50 км), могли быть нанесены Дженкинсоном, проехавшим этот путь по реке в 1557 г. в сентябре ⁵⁴.

Двина.

Двинская область граничит на юге с Устюжской, на западе с Важской, северной границей является берег Белого моря примерно от Непоксы до устья Мезени. От впадения Вапки или Шельи в Мезень граница идет к среднему течению Вычегды.

У Двины показаны притоки: Вага, Емца, Тойма, Пинега. В Белое море впадает Кулой.

Города Двинской земли: Колмогоры, Св. Михаил (будущий Архангельск), Св. Николай (Николо-Карельский монастырь, порт англичан), «Micola» (Никольский волок на Пинеге), Лампояня, Слобода; два последних пункта были расположены восточнее Мезени, за границей Двинской земли.

Самым странным в разграничении беломорских владений является вынесение устья и городка Ухны, восточнее Онеги, за пределы государственной границы Московии, на территорию Швеции. Ни в русских, ни в шведских источниках о войне 1495—1497 гг. нет сведений о нападении шведов на устье Онеги.

Можно предположить, что в 1496 г. какие-то шведские отряды из Саволакса или Шведской Карелии воспользовались тем, что основные русские силы во главе с В. И. Патрикеевым были скованы длительной осадой Выборга, а войска самих онежан принимали участие в далеком походе «морем-акианом» на Лапландию и Каянскую землю. В отсутствие онежан мог произойти временный захват этой территории шведами, подобный захвату в том же году Иван-города.

Рязань.

В состав Рязанской земли входят земли по правому берегу Оки от самых ее истоков до Переяславля Рязанского; здесь граница переходит на левый, мещерский берег, захватывает Касимов и сравнительно большую область вокруг Муром. Низовья Клязьмы отнесены к муромским землям.

Возможно, что в первоначальном чертеже граница шла точно по реке и поэтому гравером не изображена. Тогда Касимов и Муром следует изъять из области «Rязане», что больше соответствует исторической действительности. Юго-восточная граница Рязанской земли идет от верховий Дона («Рязанские озера») к реке Суре. Неясно проходит граница южнее Нижнего Новгорода. Города: Переяславль, Перевитск, Пронск, Терехов, Касимов, Муром.

Вятка (Vachin).

Река Вятка изображена на карте маленькой линией, не имеющей ничего общего с ее истинной конфигурацией. Вятская земля доходит до Средней Камы. Северная граница не доходит до р. Юга, до Вычегды и до Ижмы (?). Город только один — Вятка (Viatko).

Черемиса Луговая и Нагорная.

Земли Нагорной Черемисы на правом, горном берегу Волги показаны между

⁵⁴ Путь от Устюга до Вологды продолжался двадцать дней: с 31 августа по 20 сентября; расстояния между указанными погостами улабывается почти 10 раз на пространстве от Устюга до Тотмы. Следовательно, интервалы этих пристаней рассчитаны на два дня пути вверх и на один день вниз по реке (так как путь Колмогоры — Вологда равен 77 дням, а Вологда — Колмогоры — 35 дням).

Сурой и Волгой (до устья Самары). Города здесь: Васильгород, Чебоксары, Сви-
яжск, мимо которых проплывал (и описал их) Дженкинсон.

Между Рязанью и Нагорной Черемисой вклиниваются с юга земли Мордвы,
окрашенные на карте в цвет Крымского ханства. Быть может, здесь имеется в виду
небольшое татаро-мордовское ханство Мухши-Наручад?

Обширная земля левобережной Луговой Черемисы простирается до верховий
р. Юга включительно, подходит близко к Вычегде и соседит на западе с Чухломой,
а на востоке с Вяткой.

Городов на этой земле нет.

Казань.

Казанская земля начинается на востоке от самого «Казань-города», находя-
щегося прямо на границе. По Каме казанские владения доходят до устья Вятки.
Далее граница идет на юг к самым верховьям р. Самары, нарисованной на карте с
14 притоками (возможно: Кинель, Ток, Бузулук). Таким образом, границы Ка-
зани доведены до хребта Общего Сырта. На карте Дженкинсона Казанская земля
кажется очень небольшой, но если ее перенести на современную географическую
карту, она выглядит внушительно.

Городов, кроме Казани, нет.

Закончив беглый обзор отдельных частей карты Дженкинсона, мы должны
рассмотреть одну странность в публикации этой карты. В первом издании атласа
А. Ортелиуса 1570 г. иллюминировкой от руки выделен следующий массив областей:
Новгород и Псков, Каргополье, Вологда⁵⁵.

Во втором издании 1571 г. это обособление северо-западных областей устранено
и вся Московия окрашена единым цветом в тех границах 1496—1497 гг., которые
рассмотрены выше. Издатель, может быть, под влиянием Дженкинсона внес суще-
ственное исправление (не меняя, впрочем, гравированной доски). Нас должно ин-
тересовать то, каким образом появилось обособление трех областей, какие основа-
ния позволили или заставили издателя именно так окрасить карту? Наиболее ве-
роятным может быть такое объяснение: кроме общей карты всей Московии в распо-
ряжении Дженкинсона мог быть отдельный чертеж Новгородской земли. Правда,
Вологда не должна была бы входить в состав владений Новгорода, так как еще Ва-
сильий Темный по своей духовной 1462 г. передавал Вологду как московское вла-
дение своему сыну Андрею Меньшому, но когда-то Вологда действительно принад-
лежала Новгороду. На отдельном новгородском чертеже не обязательно должна
была быть граница — там просто могли быть показаны сопредельные земли (в том
числе и Вологодская волость), а этого было уже достаточно для того, чтобы англий-
ские картографы причислили ее к Новгороду. В пользу гипотезы о существова-
нии отдельного новгородско-псковского чертежа говорит разная масштабность
расстояний в округе Москвы и в округе Новгорода (расстояния даны в верстах).

55
Снимок именно с этого изда-
ния приложен к книге:
«Английские путешествен-
ники в Московском госу-
дарстве...», стр. 192—193.

	От Москвы	
	по Дженкинсону	по современной карте
До Твери	125	150
До Ярославля	230	240
До Владимира	140	170
До Вязьмы	120	200

ЧЕРТЕЖ
МОСКОВСКИХ
ЗЕМЕЛЬ

От Новгорода
по Дженкинсону по современной карте

До Орешка	330	140
До Яма	450	170

От Пскова

До Ивангорода	210	150
До Яма	350	170
До Опочки	190	110

Помимо того, что абсолютные ошибки в количестве верст по масштабу карты Дженкинсона для Новгородской земли несколько больше, важна устойчивая тенденция: все московские расстояния меньше действительных, а новгородские все вдвое больше. По этим расчетам (разумеется, очень приблизительным) получается, что 100 верстам истинного расстояния по прямой соответствует 120 верст в московской округе и 215 верст в новгородской, т. е., грубо говоря, московские расстояния на карте относятся к новгородским, как 1 : 2.

Новгородский чертеж мог быть вычерчен в другом масштабе или при его изготовлении применялся счет на другие версты. Во всяком случае расчеты сухопутных расстояний по карте 1562 г. (не проверенных Дженкинсоном в процессе его поездок) дают основания предполагать наличие двух чертежей: общего для всей Московии и особого для Новгорода и его основных владений. Не этот ли чертеж (или его составная часть) упомянут в росписи чертежей Посольского приказа 1614 г.: «Чертеж наклеен на холсте ветх добре, свейских и лифлянских немец с Литовскою землею и з государевою со Псковскою землею»? Возможно, что они были сведены вместе еще московскими составителями общего чертежа конца XV в. В пользу этого говорит то, что отмеченная выше разномасштабность новгородских и московских расстояний наблюдается и на карте Антония Вида.

Итак, в конце XV в., в то время, когда в Москве готовился новый Судебник 1497 г., устанавливался новый государственный герб, разрабатывался торжественный ритуал коронации царей, когда десятки писцов подробно описывали новые и старые земли Московского великого князя, появился и чертеж всех этих земель как синтез огромной работы писцов.

«Старый чертеж 1497 г.» не ставил своей задачей изображение процесса поглощения великих и удельных княжеств Москвой; он, очевидно, имел какую-то более простую, утилитарную цель — дать общее представление о новом государстве с точки зрения его податных или военно-разрядных единиц.

Внутреннее членение новосозданной державы, самое наличие его и принципы, по которым оно было проведено, свидетельствуют о новом, государственном подходе к явлениям. Юридически самостоятельные княжества и царства (Рязань и Казань) уравнины с простыми волостями, давно упоминавшимися в грамотах и завещаниях московских князей (Двина, Вологда, Устюг).

Центральное ядро московских земель — точный прототип будущего «замосковского края», образованное из многих десятков больших и малых княжеств, показано здесь единой землей без каких бы то ни было напоминаний о недавней самостоя-

тельности великих и удельных княжеств. Чертеж, созданный к моменту апогея государственной деятельности Ивана III, подчеркнуто выражал его взгляды на сущность дел: от своего отца он получил по его духовной Владимирское княжество слитым воедино с Москвой, и это отразилось на чертеже; своему сыну он задумал дать Новгород и Псков вместе, невзирая на давнюю и лютую вражду псковичей и новгородцев, — чертеж отразил и это слияние, произведенное волей великого князя.

Иван III очень интересовался своими расширившимися владениями и в 1496 г. повез внука (будущего царя) и сына в Новгород показывать им свою отчину: «Тоя же осени месяца октября 20 ездил князь великий Иван Васильевич в свою отчину в Великий Новѣград, а с ним внук его князь Дмитрей, да сын его князь Юрьи по-смотретья своя отчины»⁵⁶.

Государственная деловитость чертежа 1497 г. выразилась в отсутствии на нем Перми Великой, Югры, Обдоры — всего обширного комплекса северо-восточных земель, куда новгородские и московские данники издавна ходили за соболями, песцами и «рыбьим зубом». С точки зрения репрезентативности было очень выгодно показать, например, иноземцам огромное государство от Балтики до Оби за Уралом, но, очевидно, цель чертежа — иная. Земли, где дань собиралась путем специальных экспедиций, оказались вне поля зрения и достаточно было такого незначительного повода, как непокорство югорских князей или существование туземных пермских (чердынских) князей, чтобы не включать эти земли в основную территорию Московии и не определять их внутренних границ. Впрочем, на самом чертеже земли по Печоре и Оби могли быть изображены, но они находились уже по другую сторону линии восточных волостных границ; в эти земли не посылали писцов, с этих земель не требовали ратников.

«Старый чертеж» отразил общую схему нового административного деления конца XV в., схему, которая приводила в порядок и ясность бесчисленное множество княжеств, волостей, уездов, станов, существовавших в действительности. Достаточно взглянуть на карту Замосковского края, составленную Ю. В. Готье, чтобы почувствовать необходимость синтеза пестрой мозаики многих сотен разнообразных феодальных владений в 38 уездах этого края⁵⁷. На чертеже эта мозаика упрощена до двух областей: Московия (с Владимиром) и Вологда (с Белоозером). Важно отметить, что общие контуры Замосковского края очень точно соответствуют контурам двух указанных областей на карте Дженкинсона⁵⁸.

Большая исследовательская работа, проведенная Ю. В. Готье, позволяет нам заглянуть (с поправкой на XVII в.) внутрь таких массивов, как «Московия» и «Вологда», на нашем чертеже. Счастливая случайность предоставляет нам возможность ознакомиться с внутренним наполнением трех областей чертежа 1497 г. — «Двины», «Устюга» и «Вологды», причем ознакомиться не по результатам кропотливых исследований позднейших ученых, а по старинной карте с указанием волостей и погостов.

Такой счастливой случайностью было дружеское общение знаменитого первого королевского картографа Франции Гийома Делиля с двинским воеводой А. А. Матвеевым, приехавшим в Париж в качестве русского посла в 1705 г.⁵⁹ Год спустя после приезда графа Матвеева в Париж Г. Делиль изготовил карту Московии, торжественно посвятив ее русскому послу: «Его превосходительству монсеньору Андрею

56
ПСРЛ, т. 24, стр. 213.

57
Ю. В. Г о т ь е. Указ. соч.,
карта.

58
В Замосковский край, как
и в «Московию» XV в., не
входили Рязанские земли,
Верховские земли по Оке,
Смоленские земли. Расхо-
ждений только два: в За-
московном крае нет Вязьмы,
но есть Муром.

59
П. Н. С е м е н о в. Биогра-
фические очерки сенаторов.
Чтения ОИИДР, 1886, кн. 2
(А. А. Матвеев).
П. П. П е к а р с к и й. Граф
Матвеев в Париже в 1705 г.
«Современник», 1856, № 6.

Опубликован, к сожалению, только южный лист этой большой карты (см.: В. В. Кордт. Материалы до истории картографии Украины. Киев, 1931 г. Указ. соч., табл. 19). Интересующий нас в данном случае северный лист найден мной в картографическом отделе Государственного исторического музея в Москве. О карте в целом был сделан доклад (см.: Б. А. Рыбаков. Древнейшая русская карта начала XVI в. и ее влияние на европейскую картографию XVI—XVIII вв. «Второй Всесоюзный географический съезд». Тезисы. М.—Л., 1947, стр. 14—17). Н. Чечулин в рецензии на публикации Кордта особенно заметил, не являются ли карты Г. Сансона 1688 г. и Г. Делиля отголосками Большого Чертежа. По отношению к карте Делиля в целом (карте, скопированной из разнородных источников) это, безусловно, неверно, но по поводу Поволжья Чечулин высказал несколько интересных мыслей (ЖМНП, 1906, сентябрь, стр. 213).

61
Н. Чечулин. Указ. соч., стр. 213.

В. В. Кордт. Материалы до истории..., стр. 14.

*
В латинской транскрипции Делиля названия волостей сильно искажены и не всегда поддаются расшифровке и сопоставлению с русской картой; поэтому они оставлены здесь в том виде, в каком даны на карте 1706 г.

Артамоновичу Матвееву, министру его царского величества императора России, его наместнику в Ярославском княжестве и его полномочному посланнику к христианейшему королю и генеральным штатам объединенных провинций с большим почтением посвящает Делиль. 1706 г.» Картуш украшен графской короной, гербом Ярославля и посольским пучком стрел⁶⁰.

К сожалению, карта Делиля совершенно не привлекла внимания исследователей. Несколько слов о ней сказал походя Н. Чечулин в рецензии на работы Кордта и Михова; он считал карту Делиля отражением Большого Чертежа, но существенных аргументов не привел. Издатель южной половины карты — В. В. Кордт — считал эту карту составленной по устным рассказам русских⁶¹.

Однако первое же ознакомление с картой в целом убеждает нас в том, что составить ее по каким бы то ни было рассказам невозможно. Сотни рек и населенных пунктов, границы старых княжеств, дороги, ямы, волоки, пристани, погосты, монастыри и слободы, древние городища и места казачьих караулов — все это могло быть нанесено на карту Делиля только в том случае, если географ Людовика XIV располагал русскими картографическими материалами. Посвящение карты А. А. Матвееву наталкивает на мысль о том, что именно он, образованный петровский вельможа, мог специально привести в Париж различные русские чертежи для того, чтобы опытные французские картографы изготовили из них общую карту России. В Париже в Морском архиве (согласно любезной справке И. С. Шарковой) в фонде Г. Делиля находятся рукописные карты Московии, Татарии и карты многих рек (Волги, Дона, Оки, Печоры, Мезени и др.).

Материалы, несомненно, были различны и разновременны: одни из них представляли собой карту русских княжеств начала XVI в. (мы займемся ею впоследствии специально), другие давали границы новгородских пятин, третьи можно отнести ко времени казанских походов середины XVI в., четвертые обрисовывали театр военных действий во время походов В. В. Голицына в 1685 г. и азовских походов Петра.

В числе этих разнородных материалов была, очевидно, и подробная карта трех земель: Вологды, Устюга и Двины, так как эти три области показаны здесь с особой подробностью и унифицированной детализацией, которая нигде более не наблюдается. Привоз этой карты Матвеевым наиболее вероятен, так как Андрей Артамонович был в 1691—1693 гг. двинским воеводой.

В пользу того, что Делиль механически копировал русскую карту, говорит, во-первых, то, что речная сеть нанесена здесь весьма архаично: Сухона и Двина образуют не прямой угол (как было уже у Дженкинсона и на всех последующих европейских картах XVI—XVII вв.), а слабо изогнутую плавную кривую с одинаковыми хвостиками притоков, как на карте Вида — Ляцкого. Во-вторых, здесь очень много русских слов, иногда переведенных, иногда же просто транскрибированных латиницей: volost-contrée; pogost-tribu; Jam-relais; volock-portage; gouba (залив), геса, staraia, nova, novoi; gorodek; sloboda, slobotka; ostrove, goga.

Третьим признаком копирования русской (и притом более подробной) карты является наличие большого количества деревень, оставленных без названия. Безымянные деревни наблюдаются только в северных областях России; в других частях карты Делиля их нигде нет.

Степень подробности двинской карты видна уже из того, что только непосредственно на берегах Сухоны и Двины поименовано 63 города и поселка и изображено 49 притоков.

Наибольший интерес представляет обозначение волостей внутри каждой из трех рассматриваемых земель. Всего указана 21 волость и 122 деревни*.

10
ВОЛОСТИ
ДВИНСКОЙ ЗЕМЛИ
XVI В.
ПО КАРТЕ
ГИЙОМА ДЕЛИЛЯ
1706 Г.

ЧЕРТЕЖ
МОСКОВСКИХ
ЗЕМЕЛЬ

<i>Вологда</i>		<i>Двина</i>	
Kerk volost	пять деревень	Koureska volost	семь деревень
Peelsina »	четыре деревни	Kalja »	шесть »
Robanga »	» »	Osmova »	пять »
Kneesma »	шесть деревень	Velika Derefna	—
<i>Устюг</i>		Sereedna pogost	девять деревень
Coxenia volost	семь деревень	Poutsega volost	семь »
Mankufsa »	четыре деревни	Oslopio pogost	три деревни
Tasta »	шесть деревень	<i>Мезенский край</i>	
Vobal »	пять »	Voconisot volost	14 сел
Iorgeska	шесть »	<i>На Выме</i>	
Suisine »	шесть »	Sposkoia volost	восемь сел
Lusnska »	четыре деревни	Vavinsk »	шесть »
Strilinska »	шесть деревень	Puodina »	восемь »

Возможно, что безымянные села или деревни, имеющиеся только там, где есть надпись «волость» или «погост», являются своего рода условным знаком, обозначающим известную округу, а не точным географическим отображением реальных сел. По крайней мере такое впечатление мы выносим от французской копии. Возможно, что в русском оригинале их было больше и они соответствовали действительному размещению конкретных поселений. Карта отражает такую фазу административного деления, когда еще не оформилось то деление на уезды, которое известно нам в XVII в. Здесь еще нет самого слова «уезд», не выделился еще Тотемский уезд из Устюжской земли, нет ни Мезенского, ни Яренского, ни Кеврольского уездов, уже существовавших в XVII в.

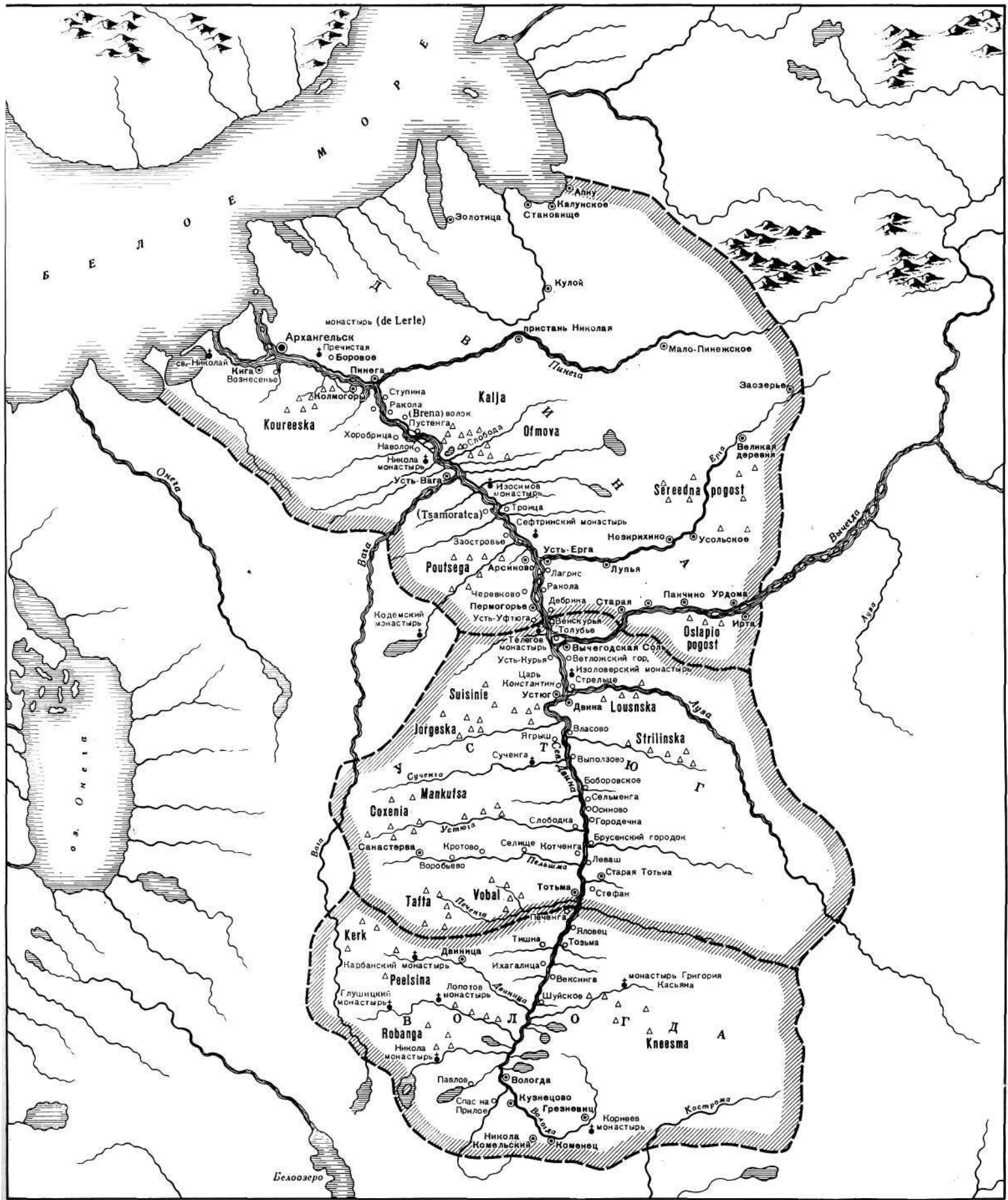
Для датирования подробной карты Двинской, Устюжской и Вологодской земель, использованной Делилем, наиболее пригодны помещенные на ней монастыри, так как обычно год основания монастыря точнее фиксировался, чем основание тех или иных поселков.

В бассейне Двины и Сухоны размещено 14 монастырей. Три из них не удалось отождествить с известными нам монастырями: «Isosimeva», «Tselovcerskoj», «Ousjofda»; очевидно, это были незначительные, рано исчезнувшие пустыни. Остальные монастыри в порядке хронологии их основания располагаются так:

Дионисиев Глушицкий	1403 г.
Никольский Карельский	до 1419 г.
Лопотов (Григория Пельшемского)	1426 г.
Корнилиев Комельский	1537 г.
Никольский Комельский	1542 г.
Телегов Троицкий	1553 г.
Авнежский Троицкий (Gregory Cassian)	1560 г.
Кодемский (Kodminscoi) Троицкий	1590 г. ⁶²

Самая поздняя дата — 1590 г. Ей не противоречат менее определенные сведения о двух последних монастырях: Спасском Сефтринском («делается известным

62
В. В. Зверинский, Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи, т. 2. СПб., 1892. № 987; 766; 767; 909; 1203; 884; 1258; 260; 1228.

с 1612 г., когда в нем был игумен Ефрем) и Успенском Лявлинском («de Lerle»), о котором В. В. Зверинский пишет, что он «уже существовал в XVI в.»⁶³

Таким образом, *terminus ante quem* для всей вологодско-двинской карты определяется как конец XVI в., т. е. то годовое время, когда, по мнению большинства исследователей, готовился Большой Чертеж Московского государства.

Следует сказать, что двинская карта Делиля — Матвеева не идентична Большому Чертежу; во-первых, она подробнее: бассейн Северной Двины от Устюга до моря представлен 12 левыми притоками (а в «Книге Большому Чертежу» их всего 3) и 8 правыми (в «Книге Большому Чертежу» их 7)⁶⁴. Во-вторых, на карте Матвеева отсутствуют по непонятной причине такие заметные реки, как Уфтьюга и Тойма (Тойма есть даже у Дженкинсона), но названы второстепенные реки (Пролой, Сакора, Тургас, Сусега, Морс). Возможно, произошла путаница при перечерчивании в Париже; так, например, по конфигурации большая река «Jorga» (Ерга) очень напоминает отсутствующую на карте Тойму, соседящую с незначительной на самом деле речкой Ергой.

Большой интерес представляет сопоставление общих границ Двинской земли, Устюга и Вологды на карте Делиля и на чертеже 1497 г. Контуры земель очень сходны на обеих картах. Двинская земля на карте Дженкинсона занимает левый берег Двины до Онеги (за вычетом Важской земли). Южная граница идет от верховий Ваги на Двину чуть ниже устья Вычегды. Северо-восточный край Двинской земли упирается в излучину р. Мезени и граница идет на середину Вычегды, а далее на запад — вдоль по реке. У Делиля Двинская земля доходит до Онежской земли, граница огибает Важскую землю и в районе озера Кодминского идет по направлению к устью Вычегды, пересекая р. Двину ниже устья Вычегды. Северо-восточная граница точно так же доходит до излучины Мезени и спускается вниз к среднему течению Вычегды, идет вдоль левого берега и только в самых низовьях снова пересекает Вычегду, смыкаясь с южной границей ниже устья этой реки. Совпадение границ почти полное.

Устюжская земля у Дженкинсона выдается углом на запад до озера Лача; юго-западная граница пересекает Сухону чуть выше Тотьмы; далее граница пересекает верховья Костромы (или Унжи?) и идет на северо-восток, пересекая верховья Юга, а далее идет к средней Вычегде (где соприкасается с Двинской границей). Почти то же самое мы видим и на карте Делиля: одним краем Устюжская земля приближается к Лаче-озеру, затем граница пересекает Сухону чуть выше Тотьмы, а далее пересекает верхнее течение Юга и точно так же идет к средней Вычегде.

Таким образом, для границ двух земель, Двинской и Устюжской, мы располагаем следующими сходными в обеих картах опорными точками: излучина Мезени, устье Вычегды, среднее течение Вычегды, верховья Юга, город Тотьма, Важская земля. Это дает нам право утверждать, что на карте Делиля отражено то самое административное деление, какое мы видим и на чертеже 1497 г. Это позволяет судить об устойчивости административных границ.

Совместное рассмотрение карт Дженкинсона и Делиля позволяет сказать следующее.

1. Границы земель Двинской, Устюжской и Вологодской определились уже при Иване III и были закреплены на «старом чертеже 1497 г.»

2. Определить внутреннее наполнение в границах каждой области (города, села, монастыри) на чертеже 1497 г. трудно, так как мы не можем решить, что именно взял Дженкинсон с русской карты, а что он мог нанести сам по записям во время проезда по Двине.

64
«Книга Большому Чертежу», стр. 164—165.

3. Карта Делиля отражает более позднюю стадию картографических работ и относится, очевидно, к 1590-м годам.

Подробность этой карты, внимание к внутренним землям, удаленным от магистрального речного пути, нанесение на нее волостей и деревень заставляют предполагать связь ее с писцовым делом.

В 1586—1589 гг. Двинскую землю описывал князь Василий Андреевич Звенигородский. С именем этого руководителя писцового дела связаны и картографические работы: опись царского архива 1614 г. упоминает «Чертеж Корелскому рубежу размежеванья князя Василья Звенигородского»⁶⁵. Вполне возможно, что описание Двинской земли 1589 г. завершилось составлением чертежа после 1590 г. Нельзя исключить и того предположения, что В. А. Звенигородский лишь подновил старую карту, каковой могла быть составная часть чертежа 1497 г. или какой-либо чертеж более позднего времени.

К сожалению, на карте Гесселя Герритса 1613 г. именно двинские и сухонские области оказались подправленными голландским издателем, и мы лишены возможности сопоставлений.

4. Можно думать, что чертеж В. А. Звенигородского Двинской земли и чертежи Устюжской и Вологодской земель, выполненные в духе двинского (волости и деревни), оказались в конце XVII в. в руках двинского воеводы боярина Андрея Артамоновича Матвеева и спустя десяток лет были переданы им королевскому географу Людовика XIV Гийому Делилю, включившему эти примитивные по своей гидрографии (Двина и Сухона почти вытянуты в одну линию) чертежи в общую подробную карту России 1706 г.

Главный интерес «чертежа Василия Звенигородского» заключается в его близости к самым старым русским чертежам этих северных земель: с чертежом 1497 г. его сближают границы областей, а с чертежом Вида — Ляцкого — примитивное изображение Сухоны и Двины как одной выпрямленной реки без того характерного прямого угла между ними, который существует в природе и был хорошо известен английским и голландским картографам.

Сигизмунд Герберштейн изображает путь из Москвы на Двину (по которому сам он не ездил) на своей карте ближе к натуре, а в тексте — ближе к примитивным русским чертежам: «Из Москвы можно добраться прямо до Вологды, из Вологды, повернув несколько к востоку, в Устюг, а из Устюга, наконец, по реке Двине прямо на Север»⁶⁶. Это словесное описание, будучи положено на чертеж, даст нам именно ту слабо изогнутую линию, которую мы видим и на карте 1542 г. и на карте 1706 г.

Возможно, что такое изображение восходит к чертежу 1497 г.

Неудовлетворительность русского, сухопутного в своей основе, решения конфигурации Сухоны — Двины заставила английского капитана Дженкинсона и голландца Гесселя Герритса дать свое, основанное на астрономических наблюдениях более точное решение.

Картографический архаизм карты Делиля 1706 г. — еще одно свидетельство в пользу механического копирования им старого русского оригинала XVI в.

Подробность же этого русского чертежа с русскими названиями, волостями и деревнями показывает нам не только связь составителей чертежей с писцовым делом, но позволяет также предположительно представить себе внутреннее содержание древнейших русских карт, имевших те же самые границы таких крупных областей, как Двина, Устюг и Вологда.

Анализ карты А. Дженкинсона 1562 г. позволяет сделать вывод, что при ее составлении были использованы следующие чертежи.

65

«Описи царского архива XVI в...», стр. 136, л. 339. Л. А. Гольденберг; Картографические материалы как исторический источник и их классификация (XVII—XVIII вв.). «Проблемы источниковедения», вып. VII. М., 1959, стр. 300.

66

С. Герберштейн. Указ. соч., стр. 127.

ЧЕРТЕЖ
МОСКОВСКИХ
ЗЕМЕЛЬ

1. Чертеж московских (и подвластных Москве) земель, отразивший политическую ситуацию конца 1496 — начала 1498 г. Он состоял из двух разномаштабных листов или отдельных чертежей: а) Москва, Владимир, Устюг, Двина, Вятка, Рязань, Черемиса, Казань; б) Новгород, Псков, Вологда, Каргополье (Заволожье).
2. Чертеж или чертежи Поволжья, Каспия и Средней Азии, расходящиеся с текстом Дженкинсона и близкие к Большому Чертежу.
3. Карта побережья Кольского полуострова и Белого моря (может быть, по данным Уильяма и Стифена Барроу).

Чертежи Поволжья и юго-восточных земель, чрезвычайно интересовавших московское правительство в XVI в., могли существовать в Москве еще до приезда туда Дженкинсона. Помимо свидетельства Татищева о каком-то огромном чертеже Казанских земель (который он, судя по контексту, относит ко времени, близкому к 1552 г.) есть сведения о списках и чертеже казанских дорог «зимнего ходу» и Волгою 1550 г.⁶⁷ От этого же времени (1549 г.) сохранялись «тетрати бухарские»⁶⁸.

В описи Посольского приказа упомянут «чертеж дороге от Казани к Сибири. Ветх; распался»⁶⁹. Интерес Московии к Средней Азии не подлежит сомнению.

Наиболее важным и интересным является вопрос о происхождении сводной карты Восточной Европы, Западной Сибири до Оби и Средней Азии в том виде, в каком ее представил Дженкинсон. Мы уже видели, что к середине XVI в. в России кроме чертежа основных московских земель были многочисленные картографические материалы по разным сопредельным землям, но нам неизвестно, были ли они уже тогда объединены в единый чертеж русскими картографами или это впервые сделал Дженкинсон. Карты Герберштейна и Вида, отражающие уровень русской картографии второй четверти XVI в., во-первых, не содержат берега Ледовитого океана на пространстве от Белого моря до Обской губы, а во-вторых, не охватывают Средней Азии, доводя изображение земель только до р. Яика. Первая особенность, вероятно, связана с тем, что русские в XV — начале XVI в. попадали на Обь не столько морским путем, сколько сухопутьем, как, например, шла лыжная рать С. Ф. Курбского в 1499 г.

Конфигурация океанского берега у Дженкинсона полностью воспроизводит схематичную карту Уильяма Барроу 1556 г.⁷⁰

Обращает на себя внимание то, что город Пустозерск на карте Дженкинсона помещен не у устья Печоры, где он должен быть, а в двухстах верстах от своего истинного места, вверх по Печоре примерно там, где находится Усть-Цильма, а в устье Печоры, где надлежало бы быть Пустозерску, помещен несуществовавший город «Печора» (Pechoga).

Не подлежит сомнению, что надпись на морской карте У. Барроу «Печора», обозначавшая устье реки Печоры (самой реки на карте Барроу нет), была принята Дженкинсоном за обозначение города.

Ошибка с Пустозерском могла произойти лишь в том случае, если в руках Дженкинсона был какой-то русский чертеж без океанской береговой линии, но с Пустозерском у верхней кромки чертежа. Такой чертеж полностью отвечал бы практическим интересам московского правительства, так как содержал «Чрезкаменный путь» к низовьям Оби через р. Печору и Урал. В том, что в зауральские земли Югры и Вогуличей русские проникали не морским путем, а посуху, нас убеждают слова Дмитрия Герасимова, записанные в Риме Павлом Иовием в 1525 г.: «До Югричей и Вогуличей надо добираться через крутые горы, которые в древности, вероят-

67 «Описи царского архива XVI в...», стр. 33. Чертеж указан в конце описи 164-го листа, и остается неясным, относится ли он к казанским дорогам или к Норовскому городищу.

68 Там же, стр. 40.

69 Там же, стр. 136.

70 «Английские путешественники в Московском государстве...», см. карту Барроу между страницами 96 и 97. Лоцманами английского корабля были русские мореплаватели — Гавриил из Коло и Лошак (там же, стр. 101—107).

но, слыли Гиперборейскими... Выше только что названных мною народов, которые платят дань Московским царям, есть другие, отдаленные племена людей, неизвестные москвитам из какого-либо определенного путешествия, так как никто не доходил до Океана»⁷¹.

Очевидно, Пустозерск был крайней северной точкой этого предполагаемого чертежа, близкого по своему облику к картам, использованным Герберштейном и Видом.

Возможно, что необычная и нереальная конфигурация Каспийского моря на карте Дженкинсона позволит нам определить и южную кромку предполагаемого русского чертежа. Зададим себе вопрос: каким образом Каспийское море оказалось вопреки познаниям европейских картографов XV — XVI вв. как бы разрезанным пополам, а Амударья вопреки словам самого Дженкинсона оказалась впадающей в Каспий? Думаю, что ответ может быть таков: карте Дженкинсона предшествовал чертеж, обрисовывавший только северную половину Каспия, примерно по 40-ю параллель; вдоль южной кромки этого чертежа тянулся на восток Апшеронский полуостров, а с востока на запад, как бы навстречу ему, выдвигался полуостров, образуемый Кара-Богазом и Красноводским заливом. Такая ситуация на карте создавала зрительное ощущение закругленности, завершенности береговой линии Каспия и при копировании подобного чертежа разрыв между западным и восточным берегами легко мог быть заполнен соединительной линией, что мы и видим на карте Дженкинсона. Хотя на карте 1562 г. показано значительное пространство на юг от «*Mare Caspium*», но оно пусто: там нет ни одного гилианского или мазендераянского города — ни Решта, ни Рея, ни Астрабада, ни Тегерана, но зато есть города кавказского побережья, расположенные на самом деле севернее Баку: Дербент (на берегу) и Шемаха (южнее Каспийского моря!). Баку на карте Дженкинсона оказался на юго-восточном берегу моря (1).

Составителем первичного чертежа одной только северной половины Каспийского моря естественнее всего считать русского картографа, заинтересованного в астраханско-бакинской части Каспия. Важно отметить, что и Большой Чертеж, составленный лет через 30 после карты Дженкинсона, имеет далекий выход на юго-восток в «Бухарскую землю и Юргенские города до Хвалинского моря»⁷². Еще интереснее то, что в Большом Чертеже была представлена только эта же северная половина Каспия:

«И от усть реки Кура берегом Хвалимским (Каспийским) морем до города до Шемахи и до Дербента Железных ворот и от Дербента к Тарком... до Тюменского города и от Тюменского города Хвалимским морем и берегом до Астрахани»⁷³.

И Дербент, и Шемаха, и Тюменский город (Tumensko) есть на карте Дженкинсона. Большой Чертеж, как и карта Дженкинсона, содержал ошибочное представление о том, что Амударья или один из ее протоков впадает в Каспийское море. Дженкинсон в своем тексте опроверг это устаревшее мнение⁷⁴, но на его карте Амударья («Ougus») впадает в какой-то длинный залив Каспийского моря. У современных нам гидрогеографов (Б. В. Андрианов) существует гипотеза о разрушении Тимуром ряда ирригационных систем, в результате чего воды Амударьи могли впадать какое-то время в Каспий.

Все сказанное выше подвело нас к мысли, что в руках Дженкинсона в 1560 г. был какой-то общий русский чертеж, доведенный на севере до Пустозерска, на юге — до Баку и современного Красноводска, а на востоке — примерно до Ташкента, который есть и на карте и в «Книге Большому Чертежу». Это вполне согласуется с указанием В. Н. Татищева на 1552 г., как на год начала составления Большого Чертежа.

71

Павел Новий
Новокомский.

Книга о московитском посольстве. СПб., 1903, стр. 262. Древний путь 1499 г. продолжал существовать вплоть до начала XX в.: на подробной карте в «Большом всемирном настольном атласе А. Ф. Маркса» (Пе., 1916), указан «земский тракт», идущий от Архангельска по Пинеги, через Мезень, по Цильме, через Печору и далее через Уральский хребет.

72

«Книга Большому Чертежу», стр. 147.

73

Там же.

74

«Английские путешественники в Московском государстве...», стр. 176—177.

ЧЕРТЕЖ
МОСКОВСКИХ
ЗЕМЕЛЬ

Юго-восточный угол чертежа мог составляться после завоевания Астрахани в 1556 г., когда перед русскими открылись все пути на Восток.

Чертеж 1552—1560 гг. был, несомненно, прообразом Большого Чертежа 1590-х годов, но карта Дженкинсона, отразившая в *мелком масштабе* его *основные* черты, не дает нам представления ни о его размерах, ни о насыщенности его городами и реками.

Гипотетически этот прообраз Большого Чертежа, относящийся к 1550-м годам, можно представить себе в общих чертах так.

1. На западе он, очевидно, был ограничен рубежом Московского государства, но, разумеется, не по данным «старого чертежа 1497 г.», а по более близким к 1552—1560 гг.

2. На севере: Белое море — Пустозерск — Нижняя Обь.

3. На востоке: Обь — Аральское море — кочевья казахов — Ташкент.

4. На юге: Перекоп — Азов — Баку — устье Узоя — Бухара.

Дженкинсон (или его лондонский издатель) соединил этот широкий по географическому размаху, но, вероятно, схематичный русский чертеж 1550-х годов с устаревшим, но подробным русским чертежом основных московских земель 1497 г., в результате чего и получилась знаменитая карта 1562 г., выдержавшая столько переизданий и важная для нас как источник сведений о первых шагах русской картографии.

ПЕРВООСНОВА ЧЕРТЕЖА ЦАРЕВИЧА ФЕДОРА

ЦАРЬ ...А ты, мой сын, чем занят? Это что?
ФЕДОР Чертеж земли Московской; наше царство из края в край. Вот видишь: тут Москва, тут Новгород, тут Астрахань. Вот море, вот пермские дремучие леса, а вот Сибирь.
ЦАРЬ А это что такое узором здесь вьется?
ФЕДОР Это Волга.
ЦАРЬ Как хорошо! Вот сладкий плод ученья! Как с облаков ты можешь обозреть все царство вдруг: границы, грады, реки

А. С. ПУШКИН. «БОРИС ГОДУНОВ»

связи с поисками русских карт начала XVI в. нам следует обратить внимание на давно известный чертеж России царевича Федора Борисовича Годунова, опубликованный в 1613 г. картографом Гесселем Герритсом: «Tabula Russioe ex autographo, quod delineandum curavit Feodor filius Tzaris Boris desumta»¹.

Об этой карте писали, подтверждая ее русское происхождение, но вопрос о ранней дате ее прототипа в литературе не ставился².

Как и каждая карта того времени, чертеж царевича Федора содержит несколько последовательных хронологических напластований. Верхний пласт составляют южнорусские города, построенные во время правления Бориса Годунова: Ливны и Воронеж (1586 г.), Елец (1592 г.), Белгород, Оскол, Валуйки (1593 г.) и главная стратегическая база предстепного юга — Царево-Борисов (1600 г.). О некоторых городах того времени прямо сказано, что они — повые: Кокшенга Новая, Козьмодемьянск Новый (1583 г.).

На чертеже Федора впервые появляется огромная оборонительная линия Московского государства — Засечная черта, «построенная царем Федором Ивановичем против набегов крымских татар», как гласит надпись на копии 1651 г. Засеки тянутся от верховьев Псла до самой Волги у Саратова.

С небывалой до этих пор полнотой показаны Сухона и Двина, испещренные городами, городками, наволоками и погостами с церковными названиями вроде Пречистая, Стефан архидьякон, Царь Константин. Сам издатель карты, Гессель

1 В. В. Кордт. Материалы по истории русской картографии, вып. II. Киев, 1910, табл. XV. Копия этой карты, изданная Пискачевым в 1651 г., помещена: В. В. Кордт. Материалы по истории русской картографии, вып. I. Киев, табл. XXXI.

2 И. И. Стеблицкий. Первая известная оригинальная русская карта Европейской России. «Известия Русского географического общества», т. XXV, 1889; Н. Д. Чечулин. О так называемой карте царевича Федора Борисовича Годунова. ЖМНП, 1903, апрель, стр. 335—344. Чечулин полагал, что царевич переработал карту Меркатора 1595 г. (В. В. Кордт. Материалы по истории..., вып. II, стр. 29—30).

ПЕРВООСНОВА
ЧЕРТЕЖА
ЦАРЕВИЧА ФЕДОРА

Герритс, указал в заголовке, что он, используя подлинник карты Федора Борисовича и пользуясь другими картами и записями, «расширил» его до рек Двины и Сухоны («ad fluvios Dwinam Zuchanam aliaque loca, quantum ex tabulis et notitiis ad nos delatis fieri potuit, amplificata»).

Эта подробная карта Двины существенно отличается от рассмотренной карты Делиля. Там даны Устюжская и Двинская земли, а здесь — только путь по Двине и Сухоне; различен и состав населенных пунктов (здесь их около 50).

Как и в случае с картой Дженкинсона, нам следует обратить пристальное внимание на государственную границу «Руссии» на карте Гесселя Герритса. Она соответствует эпохе Бориса Годунова только в юго-западной части, но и здесь производит впечатление подправленной по польским источникам: близкие к границе города даны в польской транскрипции: Чаусы — Czausi; Любеч — Lubiecz; Речица — Rzeczysa. В остальных случаях для передачи звука «ч» Гессель Герритс пользуется другими способами. Во всех своих основных чертах (кроме двух городков Любеча и Гомеля) вся цветная граница Руссии на карте Гесселя Герритса соответствует совершенно иной эпохе: пограничным городом на востоке является Васильсурск (Васильгород), построенный Василием III в 1523 г. на Суре. На северо-востоке граница идет, как и на «старом чертеже» 1497 г., пересекая Юг и Вычегду к Мезени (которая здесь по недоразумению названа Пинегой) и к Зимнему берегу. В Прибалтике Руссия владеет всем побережьем от Ивангорода до Выборга. Смоленск показан русским. Таким образом, мы получаем границу эпохи Василия III, когда Северская земля и Смоленск вошли в состав России, балтийское поморье было московским, спорная со шведами область «Еггере» тоже была московской, а Казань и Черемиса уже отложились (после 1505 г.). Рязань по-прежнему показана внутри Московского государства. К сожалению, дата окончательного присоединения Рязани (1523 г.) не может быть нами использована, так как это княжество включалось в Московию, как мы видели, и при существовании полусамостоятельных рязанских князей.

Итак, широкая дата нарисованной на чертеже царевича Федора границы — 1514—1551 гг.

Трудность более детальной датировки заключается в том, что каждая карта, будучи составлена в определенное время, может пополняться год от году в зависимости от новых событий (войн, приобретений, построек). Один из таких этапов можно уловить и для нашей карты. В 1535—1536 гг. правительство Елены Глинской усиленно строит города; из девяти небольших городов, построенных в эти годы, семь есть на карте: Почеп, Заволочье (под Новгородом), Велиж, Стародуб, Холм на Ловати, Балахна, Пронск³. Городки, подобные Заволочью и Балахне, были слишком незначительны для того, чтобы удостоиться нанесения на государственную карту, но если они в своей совокупности отражали определенный крупный этап деятельности правительства, то помещение их на карте вполне оправдано.

Оригинал чертежа Федора Борисовича мог быть составлен как в 1536 г., когда была свежа еще память о новопостроенных городках, так и несколько ранее; в этом случае в 1536 г. его лишь дополнили серией новых крепостей точно так же, как в самом начале нового столетия сам царевич дополнил старую карту теми крепостями на «Окраине», которые построил его отец в 1586—1600 гг.

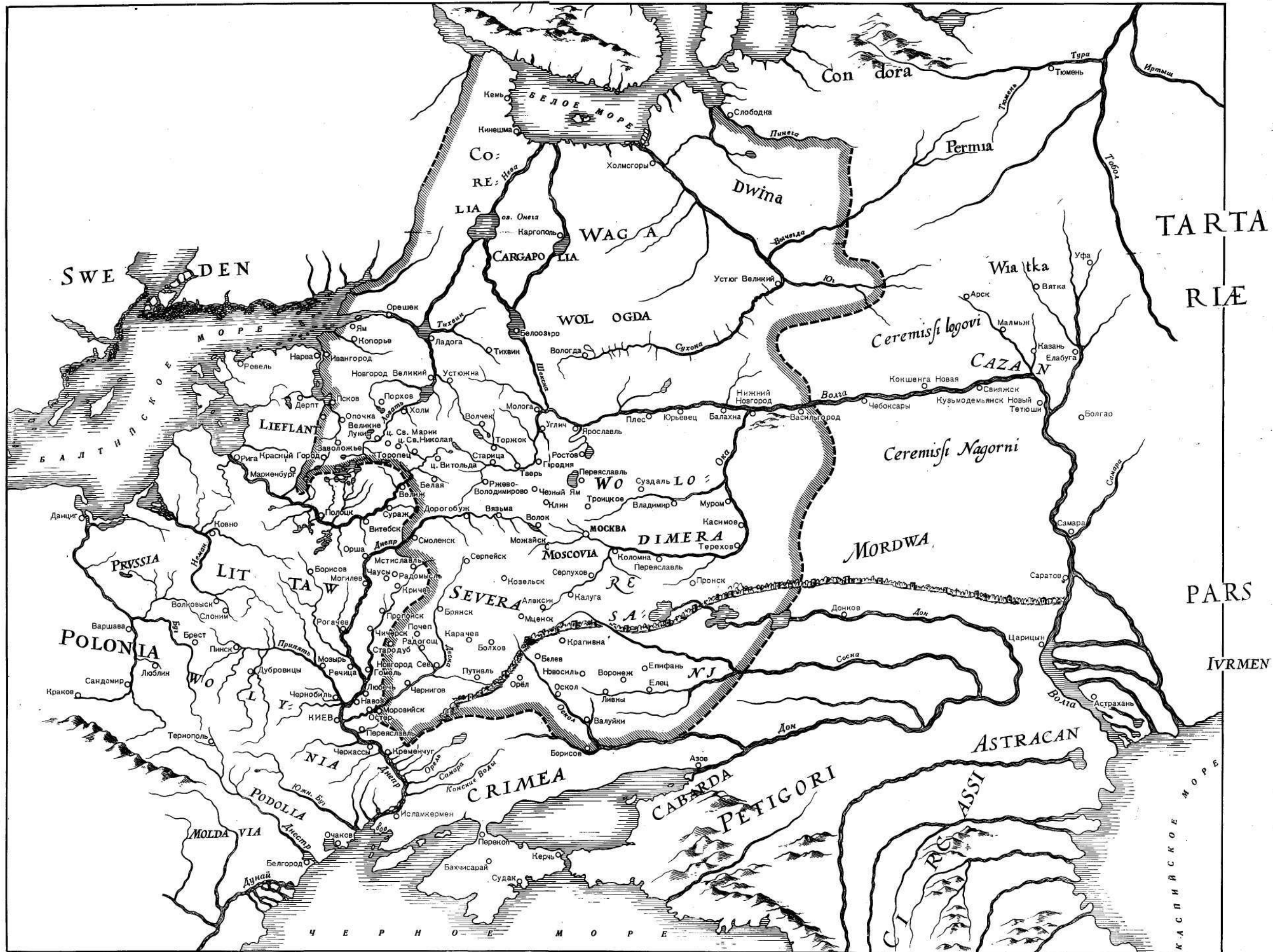
Судя по государственной границе, чертеж 1514—1536 гг. был следующим этапом московской картографической работы после чертежа 1497 г. Прямую связь мы видим и в гидрографии нового чертежа (особенно характерна северо-западная система озер) и в административном делении. На карте Гесселя Герритса есть те же крупные надписи, которые обозначали административные области на «старом чертеже»: Московия, Владимир, Вологда, и др. Там, где

3

Нет на чертеже Мецоры (1535 г.) и Буйгорода (1536 г.) (ПСРЛ, т. VI, стр. 301; ПСРЛ, т. XIII, стр. 88—90, 107, 111, 113, 115). В перечень не входят большие города (Вологда, Устюг, Ярославль, Владимир), которые и без того должны были быть обозначены на карте. В 1535 г. на Себежском озере на литовской земле был построен город Себеж. На карте царевича Федора на этом месте показан по ошибке соседний город Люцин («Лиспан», Лудза), не принадлежавший тогда России.

12
 КАРТА МОСКОВИИ
 ГЕССЕЛЯ ГЕРРИТСА
 1613 Г.
 (Чертеж
 царевича Федора
 Годунова)

КАРТА МОСКОВИИ
 ГЕССЕЛЯ ГЕРРИТСА
 1613 Г.
 (Расшифровка)

карта была перегружена подробностями (Новгород, Устюг), издатель опускал эти надписи или писал в стороне от самой области (Двина). Но принцип обозначения сохранен.

Есть два совершенно закономерных отличия: на новом чертеже 1514—1536 гг. появились две новые области, которых не было на «старом чертеже»: это — «Карела» и «Севера». Карелии не могло быть на чертеже 1497 г., так как именно в этом году на ее территории шла война со Швецией. Северской земли тоже не могло быть на «старом чертеже», так как она отошла к Москве, как мы помним, только в 1503 г. «Карелия» на карте Гесселя Герритса представляет интерес только в том смысле, что земля «Егтере» (Aугярää), из-за которой у Ивана III была переписка в 1495—1500 гг. с датским королем, здесь показана в московских владениях.

В пользу эпохи Василия III, как времени составления первоосновы карты царевича Федора, косвенно свидетельствуют и монастыри, помещенные на ней. На карте 1613 г., не считая Троице-Сергиевой лавры, помещены всего два монастыря: Александров Свирский и Тихвинский. Василий III принимал участие в обновлении обоих монастырей. Игумену Александру Свирскому великий князь послал каменщиков и «дозирателей» для постройки церкви (это было после основания Троицкого Свирского монастыря в 1506 г.), а в Тихвинском монастыре, впервые упомянутом источниками в 1515 г., «повелением государя и великого князя Василия Ивановича» была поставлена каменная церковь (1515 г.)⁴.

Чертеж царевича Федора производит впечатление сводного, объединяющего несколько разных и разновременных чертежей отдельных областей России. Даже при первом взгляде бросается в глаза, во-первых, разномасштабность отдельных участков карты и, во-вторых, разная степень насыщенности их городами и речной сетью. По «Хорографии» С. Герберштейна мы знаем, что точнее всего определялись в верстах расстояния, отсчитанные от Москвы. И действительно, на карте Гесселя Герритса расстояния от Москвы в разных направлениях даны в одном масштабе:

Москва — Новгород Великий	Москва — Владимир
Москва — Смоленск	Москва — Киев
Москва — Ярославль	

В отличие от этого ядра русских земель, хорошо измеренных по наезженным путям и нанесенных на карту в одном масштабе, мы видим на сводной карте царевича следы использования частных чертежей, выполненных в другом масштабе. Принимая указанный выше «московский» масштаб за единицу, мы получаем соотношение 2 : 1 для следующих частей карты: участок Волги от Васильсурска до Казани; Полоцкая земля между Двиной и русской границей. Течение Волги в результате получилось на карте 1613 г. очень искаженным: Верхняя Волга (Ярославль-Нижний) дана в масштабе всей основной части карты; участок от Нижнего до Казани растянут *вдвое*, а от Казани до Царицына снова применен обычный масштаб. Низовья Волги с Ахтубой и протоками Бузан и Болда даны в особом, учетверенном масштабе и поэтому на карте получилась несуразица: Ахтуба при механическом соединении двух чертежей подошла к Саратову, а астраханские протоки передвинулись далеко на север.

В полуторном масштабе на карте 1613 г. даны Северские города: Путивль — Киев; Чернигов — Киев; Чернигов — Любеч. Путаница с масштабами не должна нас удивлять, так как в тогдашней России применялись различные виды верст: верста в 500 сажен — 1080 м; верста-поприще в 750 сажен — 1323 м; великая верста в 1000 сажен — 2160 м⁵. Именно они и создавали отношения 1 : 1,5 и 1 : 2.

Вероятно, на первоначальных оригиналах чертежей версты были подписаны цифрами и это не позволило уравнивать разные чертежи и привести их к одному масштабу.

⁴ М. Н. Тихомиров, *Россия в XVI столетии*. М., 1962, стр. 237; В. В. Зверинский, *Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи*, т. 1, стр. 255, № 485.

⁵ *Очерки русской культуры XIII—XV вв.*, ч. 2, М., 1970, стр. 186; В. А. Ряхов, *Глава «Просвещение»*.

С подобным затруднением встретились московские картографы в 1627 г., когда им нужно было свести воедино данные Большого Чертежа и Разрядной росписи: одно и то же расстояние от Волчьих Вод до Конских Вод было исчислено в разных верстах. По чертежу выходило «верст со 100 и больше, то по старому чертежу, а по Разрядной росписи — 60 верст. И в нынешнем чертеже положено против старого чертежу — 120 верст»⁶. Здесь разные версты относятся одна к другой, как 2 : 1.

Наблюдения над масштабами отдельных участков карты Гесселя Герритса и над их хронологическими признаками позволяют выделить ряд локальных чертежей, в какое-то время сведенных в общую карту.

1. На первом месте надо поставить Сухону и Северную Двину, обособленность которых оговорил в легенде к карте сам ее издатель Гессель Герритс.

2. Чертеж украинских земель, выполненный, по всей вероятности, царевичем Федором. Сюда относятся как линия засек, так и города, расположенные южнее засечной черты. Вероятно, той же руке принадлежит и пополнение карты Поволжья новыми городами, возникшими главным образом во время правления Бориса Годунова: Кокшенга Новая, Козьмодемьянск Новый (1583 г.), Самара (1586 г.), Саратов (1590 г.), Царицын (1588 г.).

Украинные города за засечной чертой по времени их основания располагаются так: Орел (1566 г.), Ливны, Воронеж (1586 г.), Елец (1592 г.), Оскол, Валуйки (1593 г.), Царево-Борисов — (1599—1600 г.).

Царево-Борисов, построенный в низовьях Оскола по распоряжению Бориса Годунова Богданом Бельским, замыкал хронологический ряд. Чертеж царевича был, очевидно, очень близок по времени к постройке этого города, так как здесь можно отметить одну любопытную деталь: на карте Гесселя Герритса около города Борисова указана «Bogdan flu [vius]», т. е. «река Богдан». Такой реки нет; на карте изображено верхнее течение Северского Донца, в который впадает Оскол. По всей вероятности, на «архетипе» чертежа Федора был указан какой-то пункт, связанный с Богданом Бельским, но превратно понятый голландским картографом. На эту мысль наталкивает приведенный М. Н. Тихомировым подробный рассказ «Нового летописца» о действиях Б. Я. Бельского: «Богдан же Яковлевич многое име богатство и вая с собою всего с избытком и пришед во указанное место, нача своими людьми прежде строити его и сдела башню и немалую часть града... и оным подобием повеле прочее [остальную часть] града созидати зиждущим... Во время ж здания града всех ратных людей кормяше и пояше своими запасы... Начаше же его вси прославляти и блажить, пройде же от ратных и на Москву о нем велия похвала»⁷. Из этого явствует, что у Богдана Бельского на Осколе помимо города, строившегося казанскими «зиждущими» и населенного стрельцами, получающими казенное довольствие, было какое-то средоточие тех ратных людей, которых богатый боярин кормил, поил и одевал за свой счет. Когда «похвала» достигла Москвы, Борис приказал арестовать Бельского.

Не отразила ли надпись на карте существование какой-то «Богдановой слободы» («Bogdan sl»), ошибочно понятой при гравировке как «Богданова река» («Bogdan fl.)?» Ведь буквы *f* и *s* писались на этой карте почти одинаково. Принятие этой гипотезы позволило бы уточнить дату чертежа.

В географическом отношении чертеж царевича Федора не особенно точен. Во-первых, новые украинные города оторваны от старых городов центра: город Елифань отодвинут на чертеже от Тулы на расстояние, которое в четыре раза превышает истинное. Во-вторых, неверно взаимное расположение городов. На самом деле города Елифань — Елец — Воронеж — Оскол — Валуйки — Царево-Борисов расположены как бы на одной дороге, идущей от Тулы с севера на юг. На чертеже же мы видим размещение их в широтном, а не в меридиональном направлении. Возможно, что это

7
М. Н. Тихомиров. Указ.
соч., стр. 424.

связано с традиционной русской ориентировкой оригинала по югу или юго-востоку, что при переводе на северную ориентировку и дало такие искажения. Третьим географическим недочетом следует считать сильное сокращение татарской степной полосы между русскими украинскими городами и Азовским морем. Кроме того, ощущается гипертрофия рек Сосны и Оскола за счет более крупных, но еще не заселенных рек. Воронеж оказался не за Доном, а в бассейне Быстрой Сосны.

Все данные говорят о том, что Федор Борисович (если он был фактическим исполнителем) располагал отдельным чертежом украинских земель по Осколу, Быстрой Сосне и Дону. Отсутствие наезженных путей в новоосвоенном краю сказалось на точности чертежа.

3. Полоцкая земля на карте Гесселя Герритса, как мы видели, дана в масштабе, который вдвое крупнее масштаба соседних областей. Кроме того, здесь очень подробно показана гидрография. На небольшой территории правобережья Западной Двины уместилось пять правых притоков Двины и пять мелких речек. Притоки Двины можно опознать, несмотря на отсутствие подписей: Свольна, Дрисса, Полота, Оболь, Усвята.

Кроме Полоцка здесь указаны те города, которые оказались порубежными в Ливонскую войну во время продвижения русских войск в 1563 г.: Сокол, Козьяны, Усвят и Велиж. Между Козьянами и Усвятом на карте значится «Oskala»; этот пункт по своему положению соответствует современному селу Городок.

Наиболее вероятно, что в общий чертеж Федора Годунова вмонтирован без исправления крупного масштаба локальный чертеж правобережной Полоцкой земли 1560-х годов. В «Описи Посольского приказа 1614 г.» такой чертеж значится:

«Чертеж межеванья государевых бояр Михаила Яковлевича Морозова с товарищи с литовскими послы, как учинили меж городу Полотцку и Полотцким пригородом земле и селам и деревням и водам и всяким угодыям с литовскими городами, как был Полотеск за государем»⁸.

Полоцк был «за государем» с февраля 1563 по август 1579 г. Составление чертежа естественнее относить к началу этого периода, когда происходило несколько встреч с литовскими послами; наиболее значительны были переговоры 1566 и 1570 гг.

4. Чертеж дельты Волги является наиболее грубой ошибкой составителей общего сводного чертежа России. На левом, астраханском берегу здесь показаны два протока, вытекающие из Волги: Болда (впадает в море) и Бузан (впадает в Ахтубу).

«Книга Большому Чертежу» знает у Астрахани два протока: «Большая Болда от Астрахани 5 верст... Болда Меньшая от Астрахани 3 версты»⁹. Приток Бузан ответвляется от Волги в 40 верстах выше Астрахани. На карте же Гесселя Герритса все сильно смещено. Если мы примем за целое величину самого южного колена Волги, т. е. расстояние от Царицына до Каспийского моря, то получим такие цифры (при отсчете от моря):

Географический пункт	По карте XX в.	По карте 1613 г.
Астрахань	1/9	1/2
Исток Болды	1/2	2/5
Исток Бузана	1/5	2/10

Очевидно, составителем использован локальный чертеж окрестностей Астрахани в радиусе 50—60 км, изготовленный в очень крупном масштабе, примерно в четыре раза большем, чем масштаб основной части карты. Этот крупномасштабный чертеж неумело прилажен к общему рисунку Волги таким образом, что Ахтуба поднялась на север на целых 300 км против природы и оказалась у Саратова, а Бузан вытекает почти у самого Царицына, хотя на самом деле исток Бузана отстоит на 300 км от этого горо-

⁸ «Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа за 1614 г.», М., 1960, стр. 136.

⁹ «Книга Большому Чертежу», стр. 145.

да вниз по Волге. Астрахань оказалась на полпути между Царицыном и морем, тогда как на самом деле от Царицына она отстоит на 380 км, а от моря всего на 50 км. В руках составителя был общий чертеж течения Волги от Казани до Каспия, где расстояния между Самарой, Саратовом, Царицыном и морем выдержаны в одном масштабе. Искажения получились от наложения на этот чертеж данных другого крупномасштабного чертежа астраханского берега Волги.

Время составления подробного чертежа окрестностей Астрахани следует отнести ко второй половине XVI в. после ее завоевания Иваном Грозным в 1556 г.

5. Особым чертежом является и изображение Волги от Васильсурска до Казани. Специфика этого участка в следующем: во-первых, масштаб здесь 2 : 1 по отношению к основной части карты; во-вторых, здесь совершенно отсутствуют притоки Волги: Сура, Ветлуга, Кокшенга и др. — дана только одна основная волжская магистраль.

Государственная граница Московии проходит через Васильсурск (Wasilgorod), и очень важно отметить, что государственная граница является также и рубежом применения двух разных масштабов: Васильгород отнесен от Нижнего Новгорода на расстояние, исчисленное по **обычному** масштабу, а далее, за границей московских земель применяется **удвоенный** масштаб. Здесь явно ощущается стык двух разных чертежей. Определить время этого локального чертежа очень трудно, так как новопостроенные города, дата основания которых нам известна, могли быть нанесены на чертеж дополнительно при Годунове; об этом косвенно говорят определения новизны: Кокшенга Новая, Козьмодемьянск Новый (1583 г.).

Возможно, что основу этого чертежа Волги следует связывать с «казанскими дорогами» середины XVI в. и воспринимать ее как очень упрощенную схему речного пути в Казань. Крупномасштабный чертеж Волги от Васильгорода до Свияжска и Казани был сделан, очевидно, тогда, когда еще существовала граница России по Суре, т. е. до взятия Казани в 1552 г. Не связан ли он со станами по Волге времен построения Свияжска и казанских походов Грозного?

К комплексу этих вопросов мы вернемся при рассмотрении более интересной карты Г. Делиля.

6. Особое внимание уделено составителем чертежа всему западному порубежью России. Здесь кроме больших рек (Западной Двины, Днепра) нанесено свыше 30 рек и речек и 36 городов, городков и сел. Это заставляет нас вспомнить многочисленные пограничные споры с литовскими послами, которые велись русскими дипломатами от времен Александра Ягеллона до Стефана Батория. Вспомним и о драгоценном перечне чертежей Посольского приказа, где сумма всех чертежей покрывала почти всю западную границу от Финляндии до Киева:

- а) «Чертеж наклеен на холст. Ветх добре. Свейских и Лифлянских немец с Литовскою землею и з государевою со Псковскою землею» (после 1510 г.).
- б) «Чертеж по рубежу от Литовские земли и Велижской волости Ветх» (после 1503 г.?).
- в) «Чертеж Торопетцкого рубежа с Литовскою землею» (после 1503 г.).
- г) «Чертеж Северских городов. Ветх» (после 1503 г.).

Здесь недостает только смоленского чертежа и чертежа юго-западной границы Псковской земли, чтобы покрыть всю западную границу России без перерывов. Они хранились в другом месте и отмечены в описи царского архива 1572—1575 гг.:

- д) «Ящик 57. А в нем чертеж Лукам Великим и Псковским пригородком с литовским городом с Полоцком».
- е) «Ящик 21. А в нем книги литовские старые... да книги, писанные после доканья литовские посольства Жигимонта короля с великим князем Васильем. Да книги — приезд литовских послов к великому князю Василью в розмирицу

при Максимиана после... и чертеж Смоленской и рубеж Смоленским волостем»¹⁰.

Самые поздние материалы 21-го ящика датируются временем до 1519 г. (смерть императора Максимилиана), а сочетание «Максимиана посла» с литовскими послами датирует еще точнее: 1517 г., когда литовские послы и Сигизмунд Герберштейн, присланный Максимилианом, обсуждали «в розмирицу» с московскими боярами условия перемирия. Смоленск был главным яблоком раздора при этих переговорах и чертеж Смоленской земли был здесь практически необходим.

Время, после которого могли быть составлены шесть пограничных чертежей, — 1503, 1510, 1514 гг. Можно думать, что они составлялись вскоре после приобретения этих земель Москвой, так как почти ежегодно шли ожесточенные дипломатические споры из-за каждого городка, каждой волости и даже отдельных сел. По всей вероятности, и сводный чертеж Московского государства (с особым вниманием к западному пограничью) возник в те годы, когда юридическая природа пограничных земель определялась то на поле боя, то за посольскими столами, т. е. в 1514—1523 гг.

Некоторые дополнительные данные мы можем получить из анализа юго-западного участка чертежа Федора Борисовича, где размещены северские города; как сказано выше, ветхий чертеж именно этого участка хранился в Посольском приказе.

В той части чертежа Федора Борисовича, где размещена надпись «Севера», показаны: Днепр, Сож (довольно точно), Десна и Сейм (менее точно). Из городов в русской стороне обозначены Чернигов, Моравийск, Стародуб, Новгород-Северский, Путивль, Радогощ, Почеп и далее на северо-восток — Брянск, Карачев и Болохов. Поражает обилие мелких городков по ту сторону западной границы по правому берегу Сожа: Мстиславль, Рославль, Кричев, Пропойск, Чичерск, Гомель и далее по Днепру — Любеч и Навоз, а на Десне — Остер. Сами по себе эти городки в XVI в. не представляли самостоятельной ценности и помещение их на чертеже было бы непонятно, если бы не важное значение их в установлении демаркационной линии между Москвой и Литвой при мирных переговорах в марте 1503 г.

По «перемирной грамоте» 1503 г. к Москве отходили: Чернигов, Стародуб, Гомель, Новгород-Северский, Любеч, Путивль, часть мстиславских земель, Брянск, Радогощ, Почеп, Карачев, Мценск, Серенск, Опаково городище, Дмитровец и ряд других¹¹.

Литовские послы привезли с собой списки тех городов, которые находятся в подчинении королю; среди них упомянуты Речица, Остер и такой незначительный поселок, как Навоз¹². Эти городки и села есть на чертеже Федора. Как уже говорилось, западная граница была выправлена Гесселем Герритсом по соответствию с данными конца XVI в., но обилие пограничных пунктов в этом районе следует возводить к первому размежеванию 1503 г., тем более, что к концу XVI в. они уже перестали быть пограничными в прямом смысле слова и карта России могла бы обойтись и без них.

Можно допустить, что длительные и трудные переговоры послов Александра Ягеллона в Москве в 1503 г. с боярами Ивана III велись не только при посредстве списков спорных городов, но и при наличии чертежей порубежных мест. Если спорные земельные дела одного из псковских монастырей в 1483 г. решались тем, что княжой боярин и сотский «тое воды досмотрели, да и на луб выписали и перед осподю положили, да и велись по лубу», то спор двух великих князей вполне мог быть сопроважден чертежами порубежных мест. Недаром так много порубежных чертежей хранилось в архиве Посольского приказа; в их числе был, по всей вероятности, и тот чертеж Северскому рубежу, который вошел в карту 1514—1536 гг.

С. Герберштейн проявил достаточную осведомленность в географии Северной земли. Центром этой юго-западной окраины он считал важный торговый пункт, последний русский город перед выступлением на степные крымские дороги — Путивль.

¹⁰
«Описи царского архива XVI в...», стр. 19, 24, 136.

¹¹
Следы размежевания 1503 г. есть и в Горонецкой части чертежа: Жижич, Усят, Велиж, Белая. Все эти города переходили к Москве (см.: К. В. Б а з и л е в и ч. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XVI в. М., 1952, стр. 520).

¹²
Там же, стр. 516.

Именно от Путивля указаны в тексте Герберштейна точные расстояния в милях до разных северских городов, до Москвы и до Киева. Дадим себе труд вычислить точные расстояния от того же Путивля по чертежу царевича Федора. Для этого нам следует воспользоваться точной копией карты Гесселя Герритса, изготовленной Николаем Пискактором в 1651 г., так как на карте Гесселя Герритса нет линейного масштаба. Пискактор дал линейный масштаб в русских верстах и немецких милях; для воспроизведения масштаба Пискактор мог воспользоваться градусной сеткой карты 1613 г. (1° по широте = 80 верстам).

*Расстояния между северскими городами в милях
по Герберштейну по чертежу
Федора Борисовича*

Путивль — Киев	60	55
Путивль — Чернигов	30	27
Путивль — Новгород-Сев.	18	17
Путивль — Стародуб	32	33
Путивль — Брянск	38	28
Путивль — Москва	140	65
Киев — Чернигов	30	30

Как видим, расстояния в милях очень близки; иногда заметна тенденция авторов чертежа как бы приуменьшить расстояния, но это могло быть результатом разного пересчета русских верст в мили. Миля времен Герберштейна, как мы знаем из «Трактата о двух Сарматиях» Матвея Меховского (1518 г.), приравнивалась к 5 русским верстам; миля же в XVII в. по масштабу Большого Чертежа была больше и соответствовала 5,5 версты¹³.

Масштаб, начерченный на карте самого Пискактора, подтверждает данные Большого Чертежа, что миля содержит более 5 верст. По его масштабу миля = 5,4 версты. В цифровом выражении (в милях) от Путивля до Киева по Герберштейну 60 миль, а по карте — лишь 55. Если мы сделаем пересчет на мили 1651, г., то получим 59,4 герберштейновских мили, что достаточно точно соответствует сообщению Герберштейна о 60 милях. Расстояние до Чернигова вместо 30 и 27 миль после необходимого пересчета будет 30 и 29,16 одинаковых миль. Этим совпадениям нельзя было бы верить, если бы они точно соответствовали действительной географии, реальным расстояниям между городами. Но в том-то и дело, что Герберштейн ошибается и ошибается так же, как и чертеж. Путь от Киева до Чернигова указан равным (или почти равным на чертеже) пути от Чернигова до Путивля. На самом же деле, если мы переведем современные километры в герберштейновские мили, то получим 26 миль в первом случае и 34 во втором. Расстояние от Путивля до Киева в натуре равно 47 милям, а у Герберштейна на чертеже оно, как мы выяснили, равно 60 или 59,4 мили. Одинаковость ошибок говорит о воздействии одного источника на другой. На чертеже царевича нет никаких следов воздействия текста или карты Герберштейна. Остается допустить, что Герберштейн мог видеть чертеж Северской земли или в составе общей карты Московии или в виде отдельного чертежа¹⁴.

Резкое расхождение мы наблюдаем в определении расстояния до Москвы: 140 и 65 миль. Это расхождение близко к соотношению 2 : 1, и поэтому мы вправе поставить вопрос (как это было с «Новогардией» на чертеже 1497 г.) о двух разных чертежах, выполненных в разных масштабах.

Если привлечем для проверки современную карту, то увидим, что одинаковые расстояния (Москва — Загорск и Чернигов — Моровийск) выражаются на карте 1651 г. различно: в первом случае — 8 миль, а во втором — 15 миль, тогда как в обоих

¹³ «Книга Большому Чертежу», стр. 171. По графическому масштабу, находящемуся на 218 листе списка Q XXII-396, 100 верст равновелики по протяжению 18 милям (№ II1).

¹⁴ Анализ карты Делиля привел нас к выводу о существовании особого чертежа Делильской земли. Сейчас намечается предположение об особом чертеже Северской земли. В этой связи, может быть, следует обратить внимание на то, что на карте Герберштейна 1546 г. особой надписью выделены только три земли. Карта

случаях расстояние одинаково. Карта Герберштейна, которая вообще мало помогает выяснению его картографических источников, в данном случае дает зрительное впечатление удвоенного масштаба «Провинции Севера». Северская земля далеко-далеко выдвинулась на юго-запад таким образом, что Чернигов оказался всего в 25 милях от Черного моря (на самом деле — 500 км, или 100 миль). Этим можно считать доказанным предположение об особом, вдвое большем масштабе чертежа Северской земли.

В ящиках царского архива 1575—1584 гг. многие чертежи сочетали в себе рубежи государства, города, прилегающей к рубежу земли и дороги, ведущие за пределы России. Если мы вернемся к тексту Герберштейна, посвященному Северской земле и Путивлю, то увидим, что помимо звездного указателя расстояний от Путивля в разные стороны Герберштейн описал и крымскую дорогу от Путивля на Перекоп: «На пути из Путивля в Тавриду в степи попадутся реки Сна, Самара и Орель — из них две последние шире и глубже остальных... После этих рек попадутся еще две: Конские Воды и Молочная»¹⁵. Чертеж Федора Борисовича является прекрасной иллюстрацией слов Герберштейна: такие большие реки, как Сула («Сна?»), Псел и Ворскла показаны на карте маленькими безымянными речками, а Орель, Самара и Конские Воды, реки меньшего калибра, изображены крупнее и каждая из них подписана. Можно думать, что чертеж Северской земли содержал юго-западные города, перешедшие в 1503 г. к Москве, порубежные литовские городки и села по Сожу и Днепру, а также и «крымскую дорогу», пересекавшую Сулу, Псел и Ворсклу в верховьях (поэтому они и оказались небольшими) и Орель, Самару и Конские Воды. На чертеже есть и новый крымский город Исламкермен и Перекоп, датируемые 1504—1507 гг.

Таким образом, в пользу того, что С. Герберштейн был знаком с чертежом Северской земли, говорят следующие факты: 1) совпадение расстояний, рассчитанных от Путивля; 2) одинаковость ошибок на чертеже Федора Борисовича и в тексте Герберштейна; 3) преувеличение Северской земли и расстояний до нее в тексте и на карте Герберштейна, вызванное вдвое более крупным масштабом северского чертежа; 4) полное совпадение описания пути из Путивля в Крым с его изображением, где большие реки (Сула, Псел, Ворскла) показаны незначительными, а Орель и Самара — большими.

Возможность масштабной ошибки Герберштейна обусловлена и может быть объяснена только тем, что он пользовался одновременно двумя чертежами в двух разных масштабах, т. е., скажем, общим чертежом 1497 г. и частным чертежом 1503 г. Или же в его руках был новый чертеж всей Московии, куда был вмонтирован чертеж Северской земли, изготовленный и скопированный сюда в другом масштабе.

Подведем итоги рассмотрению составных частей карты Гесселя Герритса и определим, насколько это возможно, последовательность их появления.

1. В процессе русско-литовских войн, по мере перехода западнорусских земель к Москве, составлялись отдельные чертежи:
1503—1517 гг. (?) Северские города, Велиж, Торопец.
После 1510 г. Псков и пограничье с Орденскими владениями и с Полоцкой землей.
1514—1517 гг. (?) Смоленск.
2. На основе новых чертежей западного порубежья Московии примерно в 1514—1536 гг. был составлен сводный чертеж Московского государства.
3. Возможно, что около 1536 г. общий чертеж не составлялся впервые, а только

Девинской земли нам теперь известна, карта Северской земли — тоже. Быть может, Герберштейн именно потому и выделил эти земли, что видел особые карты, дополнявшие общий государственный чертеж?

15

С. Герберштейн. Записки о Московитских делах. СПб., 1908, стр. 111.

лишь пополнялся новопостроенными городками (Почеп, Заволожье, Холм, Балахна, Себеж и др.).

4. В 1550—1551 гг. в процессе подготовки к завоеванию Казанского ханства мог быть создан специальный чертеж путей на Казань, упрощенная схема которого была вмонтирована в чертеж Федора Борисовича.
5. После завоевания Астрахани, т. е. после 1556 г., был создан крупномасштабный чертеж окрестностей Астрахани. Он тоже был вмонтирован (с ошибкой в масштабе) в чертеж царевича.
6. Во время Ливонской войны, «как был Полоцк за государем» (1563—1579 гг.), был составлен подробный чертеж правобережной Полоцкой земли, использованный в протооригинале царевича Федора, хотя в то время он уже не входил в состав Московского царства.
7. К деятельности самого царевича Федора следует отнести окончательный монтаж всего течения Волги из нескольких чертежей и пополнение общего чертежа засечной чертой царя Федора Ивановича и рядом новых городов 1580—1600 гг.
8. Вполне возможно, что бассейн Северной Двины на чертеже царевича Федора первоначально был изображен по данным какого-то русского чертежа, близкого к тому, который вмонтирован в карту Гийома Делиля. Голландские капитаны, располагавшие более точными картами Двины, могли предоставить издателю Гесселю Герритсу новые данные, которыми он и воспользовался при окончательном оформлении своей карты в 1613 г.
9. После опубликования карты обнаружилась неправильная конфигурация Ладожского и Онежского озер, восходящая, надо полагать, к русскому оригиналу. В 1614 г. было осуществлено новое, исправленное (по данным Исаака Массы?) издание карты. Такова вкратце история составных частей карты 1613 г., основанной на «архетипе» Федора Борисовича.

В заключение следует высказать несколько соображений о более узкой датировке того общего чертежа Московии, который еще не был пополнен ни чертежами Среднего и Нижнего Поволжья, ни окраинными городами конца XVI в.

Речь идет о той основной, центральной части карты 1613 г., которая охвачена государственной границей 1514—1551 гг. На западе граница включает Псков, Смоленск, Северские города, а на востоке проходит по реке Суре. Выше уже говорилось о том, что диапазон 1514—1551 гг. следует сократить в связи с помещением на карте ряда маленьких городков 1535—1536 гг. Получаем более узкую дату: 1514—1536 гг. Внутри этого 22-летнего интервала более естественным представляется искать дату создания сводного чертежа ближе к началу этого периода, когда быстрые успехи русских войск резко видоизменили государственную границу, а обилие новых локальных порубежных чертежей требовало для их осмысления общей сводной карты.

Общий чертеж мог быть создан к 1517 г., когда в Москве велись длительные споры с послами короля Сигизмунда и императора Максимилиана, но мог быть изготовлен и к другому важному дипломатическому событию — к заключению мира с Сигизмундом в 1523 г.

Рассмотрим аргументы за и против каждой из этих дат.

Как мы помним, на «старом чертеже 1497 г.» Казань показана в составе Московии, внутри московской государственной границы, хотя номинально была самостоятельным

ханством. Это положение нарушилось в 1505 г., но в 1516 г. казанские послы заявили, что «Магмед Аминь царь да и вся земля Казанская дадут великому князю правду, какову князь велики похочет, что им без великого князя ведома на Казань царя ни царевича никакова не взяти»¹⁴.

Действительно, после смерти Магмед Аминя в 1519 г. казанцы прислали посольство в Москву «и просиша себе царя у великого князя. И дасть им князь велики царя Шиголея Городецкого»¹⁷. В такой ситуации московские картографы Василия III вполне могли оставить на своем чертеже старую границу в том ее виде, в каком она была проведена их предшественниками в 1497 г., т. е. с включением Казанской земли.

Перед событиями 1523 г. положение в корне изменилось; в 1521 г. «князи казанския: и татарове, и Мордва, и Черемиса, и Чюваш, и вси люди Казанския земли изменили великому князю и взяли себе на царство крымского царевича Саап Керей, а посланного великим князем царя Шаагалия с царства збили»¹⁸.

В 1523 г. положение обострилось: «Царь Саипп Гирей в Казани много зла христианству навел и кровь пролиа аки воду и посланника великого князя... уби»¹⁹.

Ситуация на карте 1613 г. ближе к 1521—1523 гг., чем к 1516—1519 гг.

В 1523 г. в связи с опасностью со стороны враждебной Казани Василий III ставит на пограничной Суре крепость Васильгород, позднейший Васильсурск.

На карте Гесселя Герритса Васильсурск помещен не только на государственной границе России, но и на краю той основной части карты, которая выполнена в едином масштабе: далее за Сурой шел другой чертеж в удвоенном масштабе. Это говорит в пользу того, что Васильгород был нанесен еще на первоначальный чертеж, а не взят составителем с позднейших добавлений середины или конца XVI в.

Таким образом, наиболее вероятной датой является 1523 г.

Если мы посмотрим на Московское великое княжество в рамках его государственной границы (как она обозначена на карте Гесселя Герритса), то прежде всего нам бросится в глаза резкая неравномерность нагрузки: все западные земли, где несколько десятилетий шли военные действия, показаны с максимальной подробностью; чем дальше на восток, тем меньше мы встречаем городов и рек. Вся карта нацелена на подробное освещение широкого западного порубежья, являвшегося много раз предметом ожесточенных дипломатических споров.

Такая неравномерность обусловлена наличием большого количества реальных чертежей отдельных западных земель, сохранявшихся в Посольском приказе и к концу XVI в. уже потребовавших пометок «ветх», «ветх добре». Кроме того, подробная общая характеристика всего западного порубежья была вызвана потребностями дипломатии: в конце 1522 — начале 1523 г. Василий III договаривался с Сигизмундом о заключении мира, происходил обмен посольствами и, наконец, в мае 1523 г. «взяша перемирия на 5 лет, а Смоленска отступилися великому князю»²⁰.

Возможно, что в 1523 г. после юридического закрепления всех русских приобретений 1503—1514 гг., после ликвидации призрачной суверенности последних княжеств (Северского и Рязанского) и была создана новая карта Московского государства без Казанских земель на востоке, но со Псковом, Смоленском и Черниговом на западе. Этот новый чертеж Московии отличался от своего предшественника «старого чертежа 1497 г.» также и тем, что на нем совершенно отсутствовало административное деление государства, так подробно показанное картографами Ивана III. Если главной идеей старого чертежа был показ всех собственных и вассальных земель московского государя в их новом качестве фискально-военных единиц Московской державы, то новый чертеж 1523 г. стремился отразить прежде всего те огромные приобретения, которые сделала эта держава за 25 лет и, так сказать, картографически закрепить их за Москвой.

¹⁶
ПСРЛ, т. VI, стр. 258.

¹⁷
ПСРЛ, т. 24, стр. 218.

¹⁸
ПСРЛ, т. 24, стр. 218.

¹⁹
ПСРЛ, т. VIII, стр. 270.

²⁰
ПСРЛ, т. 24, стр. 221.

Местом составления нового общего чертежа России, пренебрегнутого административным делением, но уделившего максимум внимания новоотвоенным западным землям, следует считать, очевидно, Посольский приказ, где хранились все исходные материалы для его составления. Здесь же, среди сотрудников Посольского приказа, следует, по всей видимости, искать и автора новой карты.

Два имени приходят нам на ум, когда речь идет о карте Московии 1523 г.: имя окольного Ивана Васильевича Ляцкого и имя великокняжеского посланника Дмитрия Герасимова.

И. В. Ляцкий, полководец и дипломат, был наместником в Пскове, воевал с польско-литовскими войсками; в 1524 г. совместно с престарелым С. Ф. Курбским возглавлял передовой полк в походе на Казань. В 1527 г. И. В. Ляцкий стоял во главе посольства Василия III к королю Сигизмунду по поводу пролонгации договора 1523 г.²¹ В 1534 г. Ляцкий вместе с С. Ф. Бельским бежал в Литву.

Причастность И. В. Ляцкого к картографии известна нам по карте Антония Вида, составленной в 1542 г. Антоний Вид в легенде к своей карте пишет: «В каковых делах [в точном обозначении городов и рек] немало нам помог делом благородный господин Иван Ляцкий [Ioannes Latzki], один из бывших начальников Московии, который теперь, после смерти великого князя Василия из-за немалого раздора между некоторыми магнатами и оставшимся в юном возрасте сыном Василия, бежал к непобедимейшему королю Польши Сигизмунду, где был принят поистине достойно и превосходно из-за своей мудрости и одаренности в искусстве».

Для нас особенно интересно то, что издатель карты пишет о давнем интересе Ляцкого к географии Московии: «Так, за несколько лет до этого во времена императора Максимилиана его посол господин Сигизмунд Герберштейн многократно просил его [Ляцкого] о том, чтобы он взял на себя описание Московии великого князя московского Василия»²².

С. Герберштейн был в Москве дважды: в 1517 и в 1526 гг. Известно, что с первых же дней он интересовался картами Московии, но общение его с И. В. Ляцким следует, очевидно, отнести к 1526 г. Летопись сообщает о событиях в таком порядке:

1. Первый приезд Герберштейна («Прииде посол от цесаря... именем Жидимонт Гердберштейн рыцарь»).
2. Участие И. В. Ляцкого в войне с литовцами в Володимирце под Опочкой, за что ему «бысть от великого князя честь велика».
3. Отъезд Герберштейна из Москвы²³.

Ко времени второго приезда Герберштейна И. В. Ляцкий был уже известным московским воеводой и окольным и, по всей вероятности, принимал участие в дипломатических переговорах в Москве и в Царевом Займище, так как именно ему было поручено Василием III продолжение этих переговоров у короля²⁴.

Лето и осень 1526 г. — наиболее вероятное время обращения Герберштейна к Ляцкому за помощью в деле ознакомления австрийского рыцаря с «описанием Московии». Не исключено, что речь шла о карте московских земель, так как слово «descriptio» означало тогда не только текстовое, но и картографическое описание. А. Дженкинсон и другие авторы XVI в. называли свои карты «Descriptio», «Nova descriptio».

Вторым претендентом на авторство карты 1523 г. мог бы быть хорошо известный нам Дмитрий Герасимов. Нельзя считать случайностью, что и Павел Иовий и Баттиста Аньезе в 1525 г. связывают карты Московии с его именем. Однако этот вопрос на-

²¹ ИСРЛ, т. VIII, стр. 270—271.

²² В. В. Кордт. Материалы до истории картографии Украины. Київ, 1931, табл. 40—41. Перевод (к сожалению, недостаточно точный) есть и в книге «Атлас географических открытий в Сибири и Северо-Западной Америке XVII—XVIII вв.» (М., 1964, стр. 15).

²³ ИСРЛ, т. IV, стр. 292; т. VI, стр. 260; т. VIII, стр. 260—263.

²⁴ ИСРЛ, т. VIII, стр. 271.

столько сложен, что его следует рассмотреть особо. Разберем здесь только вопрос об авторстве И. В. Ляцкого.

Ответ может быть получен путем сопоставления карты Вида — Ляцкого 1542 г. с более ранними русскими чертежами 1497 и 1523 гг. Оказывается, что карта Ляцкого по своей гидрографии значительно ближе к «старому чертежу» времен Ивана III, чем к карте 1523 г.: и там и здесь истоком трех рек — Волги, Днепра и Западной Двины — является огромное треугольное озеро, из которого в разные стороны текут эти реки. И там и здесь отсутствует Чудское озеро (хотя оно есть даже на карте Аньезе); на обеих картах единственным правым притоком Дона показана Сосна. Вся гидрография карты 1542 г. несравненно примитивнее, чем на карте 1523 г., и значительно ближе к карте 1497 г. Никаких следов использования пограничных подробных чертежей на карте Вида — Ляцкого нет, хотя сами чертежи (за исключением Полоцкого), несомненно, уже существовали в Москве в это время. Необходимо учесть, что Ляцкий помогал в Вильнюсе Виду в составлении карты Московии, находясь уже в эмиграции, в Литве, вне пределов Московского государства. Бежал Ляцкий в 1534 г. не из Москвы, а из полков: «Того же лета августа с службы ис Серпухова побежали князь Семен Федорович Белской да околничей Иван Васильев сын Ляцкого и с сыном»²⁵.

²⁵
ИСРЛ, т. XIII, стр. 79.

В руках боярина-эмигранта оказалась, по всей вероятности, лишь копия «старого чертежа 1497 г.», а нового сводного чертежа и его исходных материалов — детальных чертежей западного порубежья 1503 — 1514 гг. — очевидно, у него не было. Эти устаревшие данные и отразились в той карте, которую Антоний Вид составил с помощью И. В. Ляцкого в 1542 г. Таким образом, у нас нет оснований связывать составление нового чертежа при Василии III с И. В. Ляцким.

ДМИТРИЙ
ГЕРАСИМОВ
и
СИГИЗМУНД
ГЕРБЕРШТЕЙН

ти двое выдающихся деятелей Ренессанса были хорошо известны как в Западной Европе, так и в России. Сигизмунд Герберштейн (1486—1566 гг.) побывал в качестве посла австрийского императора в Дании, России, Испании, Нидерландах, Польше и Турции; его старший современник Дмитрий Данилович Герасимов (ок. 1465 г.— ок. 1533 г.) был московским послом в Швеции, Дании, Пруссии, Австрии, Риме и Флоренции. Они были знакомы, встречались в Москве и, вероятно, в Вене и были полезны друг другу: с помощью Герасимова Герберштейн создавал свое знаменитое описание Московии.

Герберштейн очень почтительно отзывался о Герасимове, говоря, что это «муж важный и достойный особого доверия». Оба дипломата прямо связаны с картографией и ранними картами Московии. Дмитрий Герасимов выступает в источниках под разными именами: Дмитрий Толмач, Митя Малой, а если принять догадку А. И. Малеина, то как Дмитрий Данилович, отец которого ездил послом в Заволжскую Орду¹. Итальянцы называли его Demetrius Erasmius.

Д. Герасимов еще в 1496 г. совершил путешествие по Ледовитому океану в Данию. В конце XV в. он переводил для новгородского архиепископа Геннадия сочинения против еретиков-жидовствующих, привез ему «миротворный круг» — пасхалию. Ему приписывают написание «Повести о белом клобуке» и перевод грамматики².

В 1518—1519 гг. Герасимов помогал Максиму Греку переводить псалтыры «Ныне, господин,— писал он Мисюрю Мунехину,— Максим Грек переводит псалтырь с греческого толковую великому князю, а мы с Власом у него сидим переменяясь: он сказывает по-латыни, а мы сказываем по-русски писарям»³.

В 1525 г. Д. Герасимов был отправлен Василием III послом к папе Клименту VII.

¹ С. Герберштейн. Записки о московитских делах. СПб., 1908, стр. 157 и 355.

² L. Vagrow. At the Source of the Cartography of Russia. «Imago Mundi», vol. XVI, Amsterdam, 1962, p. 40.

³ А. И. Иванов. Литературное наследие Максима Грека. Л., 1969, стр. 41;

Его спутником был неутомимый генуэзский путешественник и географ Паолетто Чентурионе, носившийся с идеей нового пути в Индию через Амударью: он думал, что Амударья впадает в Каспийское море.

Посольство проезжало через Аугсбург, и сохранились сведения о том, что некий русский показывал там в 1525 г. местным ученым карту, доказывающую, что в Индию можно попасть через Ледовитый океан⁴. Имя Дмитрия Герасимова здесь не названо, но содержание записи может быть полностью отнесено к нему: Герасимов сам плывал по океану, знал северных капитанов вроде Григория Истома и в беседах в Риме убежденно доказывал, что на Севере океан «имеет такое огромное протяжение, что по весьма вероятному предположению, держась правого (восточного) берега оттуда (из Белого моря) можно добраться на кораблях до страны Китая, если в промежутке не встретится какой-нибудь земли»⁵.

В Риме московский посол был встречен пышно: «Папа велел принять Дмитрия в самой великолепной части Ватиканского дворца, где можно было видеть раззолоченные потолки, шелковые ложа и ковры выдающейся работы». К Дмитрию был приставлен в качестве гида епископ Франциск, с помощью которого русский путешественник «с восхищением осмотрел святые храмы города, развалины римского величия и плачевные остатки древних сооружений»⁶.

Прекрасное знание латыни позволило шестидесятилетнему ученому и дипломату, «отличавшемуся веселым и остроумным характером», не только развлекать на пирах папских сановников рассказами о медведях в России, но и продиктовать Павлу Иовию целую книгу о Московии, ее географии, природе, этнографических особенностях разных народов. Герасимов хорошо знал русские летописи, знал предания об Аттиле и готах и постоянно сопоставлял современные географические понятия с данными Птолемея и Страбона.

Его географические познания отличаются большой определенностью; многие расстояния он выражает в точных цифрах:

Москва — Новгород 500 тыс. шагов
Москва — Смоленск 600 миль
Москва — Устюг 600 миль
Москва — Владимир 200 миль
Васильсурск — Казань 150 миль
Казань — устье Волги 500 миль
Москва — Рим 2600 миль (через Краков — Вену — Равенну)
Москва — 58° северной широты
Новгород — 64° северной широты

Очень часто указывается взаимное расположение географических пунктов по 12 ветрам (например, «Аквилов», «Кор» и т. п.). Чувствуется, что у Дмитрия Герасимова был под рукой какой-то опорный, справочный материал, возможно картографический.

Исследователей давно интригует невыполненное обещание Павла Иовия: «Прежде всего сжато и кратко описано будет положение страны, очевидно мало известное Плинию, Страбону и Птолемею, и оно будет также воспроизведено на печатном чертеже»⁷.

Книга Павла Иовия с пересказом всех сообщений Дмитрия Герасимова вышла в том же 1525 г., но никакой карты при ней нет. Обещание, написанное в самых первых строчках книги, осталось неисполненным. Осенью того же 1525 г. (уже после отъезда московского посольства) в Венеции Баттиста Аньезе изготовил карту, которую обычно связывают с замыслом Иовия снабдить свои записи картой. В заголовке карты Аньезе стоит имя Дмитрия Герасимова: «Moscoviae tabula relatione, Dimetrii legati

новейшая работа о Д. Герасимове написана Н. А. Казаковой («Дмитрий Герасимов и русско-германские культурные связи в первой трети XVI в.», Л., 1972).

⁴ L. Bagrow. Указ. соч., стр. 40—41.

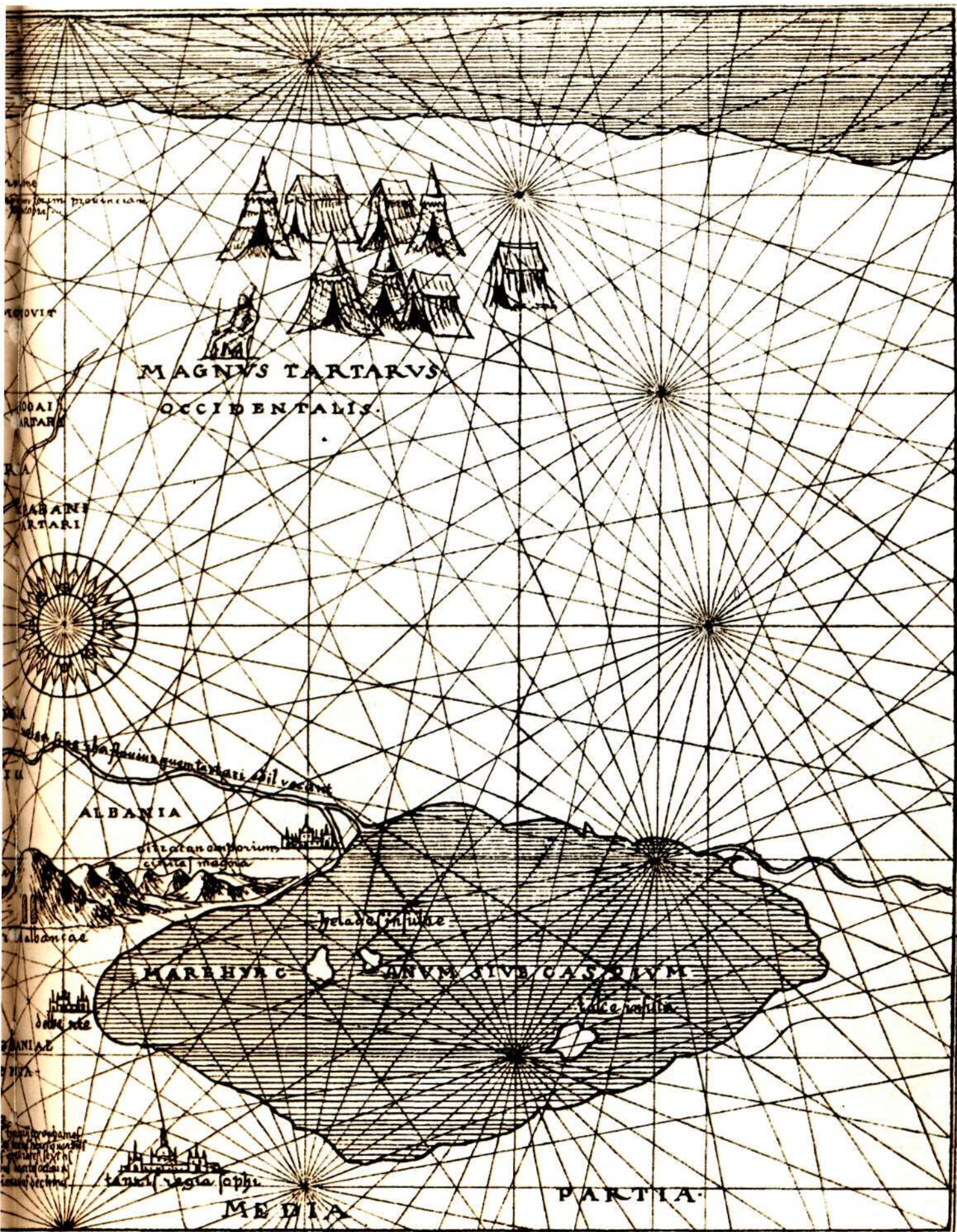
⁵ Павел Иовий Новокомский. Книга о московитском посольстве, стр. 262.

⁶ Там же, стр. 255—256.

⁷ Там же, стр. 252.

Д. ГЕРАСИМОВ
и
С. ГЕРБЕРШТЕЙН

MAGNVS TARTARVS
OCCIDENTALIS

ALBANIA

ciuitas antiquiorum
ciuitas magna

Helad' insulae

HAREHYG

ANVM SIVE CASPIVM

Alce' insulae

PARTIA

MEDIA

tant' regia opbi

provincia

MOVI

ODAI
TARTARI

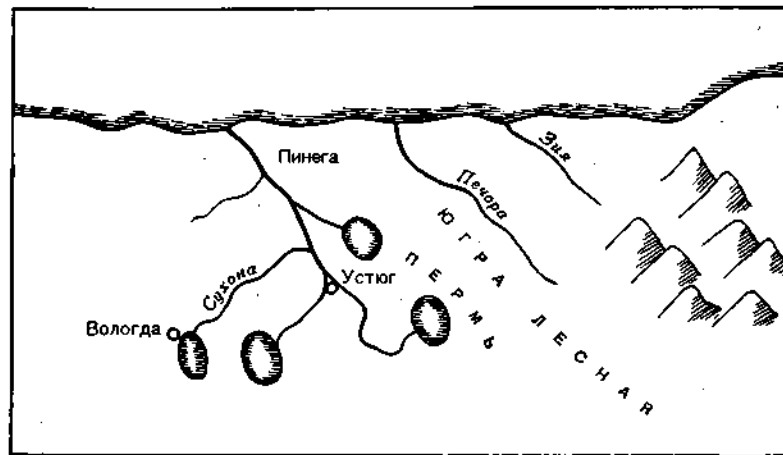
TARTARI

albaniae

ANIAE

PIVA

provincia

descripta sicuti, ipse a pluribus asserit... Выше было приведено мнение Л. С. Багрова, считавшего, что карта Аньезе не является точной копией предполагаемой карты Герасимова, что сам «легат Дмитрий» не мог даже видеть эту карту, так как покинул Италию в июле 1525 г., а карта Аньезе помечена «MDXXV octobris», октябрём 1525 г. Эти соображения верны, но они не снимают другого предположения: Баттиста Аньезе или кто-то из его римских друзей мог видеть в руках русского посла, рассказывавшего о своей стране, какой-то чертеж, помогавший этим рассказам. В те времена, когда исследователи считали самой ранней русской картой Московии карту Вида—Ляцкого 1542 г., легче было начисто отвергнуть идею существования более ранней карты, чем остановиться на ней. Теперь, после анализа карт Дженкинсона и Гесселя Герритса, показавшего, что мы вправе предполагать существование очень ранних русских чертежей, должна измениться и наша исходная позиция в вопросе о карте 1525 г.: у Дмитрия Герасимова могла быть с собой копия одного из общих чертежей Московии, уже известных нам (1497 или 1523 г.), или какого-либо промежуточного чертежа, с помощью которого посол мог ознакомить папский двор, а может быть, и самого Климента VII с необъятными владениями Василия III. Другое дело — насколько венецианская карта Аньезе воспроизводит предполагаемый чертеж. Необходим тщательный разбор карты Аньезе 1525 г. и прежде всего в сопоставлении с текстом записей Павла Иовия.

Географические названия, общие в книге Павла Иовия и на карте Б. Аньезе:

Колмогорская область, Пинега, Москва, Коломна, Васильсурск (на карте без подписи), Казань, Пермь, Югра, Новгород (Великий), Владимир, Псков, Смоленск
Реки и озера с подписанными на карте названиями:

Неглинка, Волга, Клязьма, Дон, Днепр, Белое озеро, Болото (истоки Волги, Днепра и Двины)

Реки без подписи: Северная Двина, Двина «Малая», Юг, Москва, Ока

Географические названия, имеющиеся только в книге Павла Иовия:

Гердинский лес, Лапландцы, Вогуличи, Гиперборейские горы (Урал), р. Яуза, Новгород «Малый» (Нижний), Тверь

Географические названия на карте Б. Аньезе, превышающие текст Павла Иовия:

Реки: Сухода, Печора, Нева, Шексна, Десна, Псел, Орель, Сура

Реки и озера без подписи: Ильмень, Ладожское, Чудское, Великая, Самара, Конские Воды (?), Березина, Припять, Кама, Вычегда

Города: Полоцк, Одоев, Переяславль (Залесский), Ярославль, Тула, Вологда, Галич

Города без подписи: Витебск, Вязьма (?), Серпухов (?), Чернигов, Киев.

Итоги сопоставления таковы: общих географических понятий в книге и на карте — 24; только в книге Павла Иовия — 7 (из них 2 античных); только на карте Б. Аньезе — 30.

Совершенно ясно, что карта Б. Аньезе не является простым переложением на географическую сетку записей Павла Иовия. Карта содержит вдвое больше географических понятий, чем книга Иовия, а следовательно, у нее должны быть какие-то иные, самостоятельные источники.

Карта Б. Аньезе построена по принципу портоланов с компасными линиями. Из итальянских портоланов взято довольно достоверное очертание Черного и Азовского морей. Гидрография Восточной Европы для рек черноморского и каспийского бассейнов в своих основных чертах напоминает карту Фра-Мавро 1459 г., использование которой облегчалось для Б. Аньезе тем, что он жил в Венеции, где хранилась и знаменитая карта венецианца Фра-Мавро.

К таким заимствованиям следует отнести конфигурацию Днепра и Дона, путаницу Оки и Суры (у Аньезе Рязань помещена на Суре), отнесение огромного Белоозера (Belozerio) в соседство с татарами-нагайцами, как это сделал Фра-Мавро со своим «mare Bianco». От Фра-Мавро идет, очевидно, и манера изображения почти всех истоков рек в виде озера.

Однако карту Аньезе нельзя считать копией карты 1459 г. Карта Аньезе является как бы сильно отредактированным, значительно исправленным вариантом старой карты. По каким данным проводилось это исправление? Записи рассказов Д. Герасимова здесь не могли помочь, хотя знакомство Аньезе с текстом Павла Иовия едва ли вызывает сомнения. Так, в югорско-печорских землях на карте сделана надпись о соколах (falcons), соответствующая тексту Иовия⁸. Так же в соответствии с текстом Астрахань и Устюг названы на карте эмпориями. Колмогорская область передвинута со своего места в низовьях Двины поближе к Москве, так как в тексте сказано: «Ближайшая к Московии область — Колмогорская». Текст верен, так как там речь идет о том, что из всего побережья Ледовитого океана, тянущегося на три месяца пути, Колмогорская область ближе всего к Москве.

Для ответа на вопрос о том, откуда Аньезе почерпнул три десятка географических понятий и каким образом он довольно точно разместил их на своей карте, нам необходимо обратиться к русским чертежам Московии 1497 и 1523 гг. Сопоставляя излишки карты Аньезе по отношению к тексту Иовия — Герасимова с этими чертежами, мы видим, что 8 рек и 8 городов имеются в обоих чертежах. Это дает нам указание на источник карты 1525 г. Однако среди излишков есть такие, которые позволяют считать, что источником карты Аньезе был не «старый чертеж 1497 г.», а чертеж 1523 г.

Есть два комплекса «излишков», решающих вопрос в пользу чертежа 1523 г., так как на «старом чертеже 1497 г.» соответственных данных нет. Первый комплекс относится к пути из Чернигова в Крым. На чертеже 1497 г. нет ни самого Чернигова, ни одного из левых притоков Днепра ниже Десны. На карте Гесселя Герритса мы видим много левых притоков Днепра; из них подписаны Орель, Самара и Конские Воды. На карте Аньезе подписаны Псел и Орель; две реки ниже Орели соответствуют Самаре и Конским Водам. В безымянных городах на карте Аньезе легко опознаются: Киев, Чернигов и Ислам-Кермен в низовьях Днепра. Близость карты Аньезе к чертежу 1523 г. (который, кстати, в этой части был хорошо известен и Герберштейну) не подлежит сомнению.

Второй комплекс охватывает города, связанные с обороной от крымцев в 1520-е годы: Рязань — Коломна — Серпухов — Одоев — Тула. Все эти города (кроме Одоева) есть на чертеже 1523 г.; на «старом чертеже 1497 г.» из них есть только одна

⁸ Павел Иовий Новокомский. Указ. соч., стр. 261—262, 272.

⁹
Одоев построен на Старом Одоевском городище около 1525 г., как свидетельствует челобитная князя И. М. Воротынского Василию III (см.: В. Д. Назаров. Тайна челобитной Ивана Воротынского. «Вопросы истории», 1969, № 1, стр. 211). В свою очередь карта Б. Аньезе, помеченная октябрем 1525 г., может содействовать уточнению датировки Одоева; Д. Герасимов, выехавший из Москвы весной 1525 г., должен был уже знать о том, что город зарубили. Очевидно, Одоев построен (или начал постройкой) в 1524—1525 гг.

¹⁰
1520. «Того же лета совершиша град камен на Туле и именоваша его по прежнему его имени — град Тула» (ПСРЛ, т. XIII, стр. 36).

¹¹
Павел Иовий Новокосский. Указ. соч., стр. 263—264.

Коломна⁹. Любопытна ошибка Аньезе с помещением Рязани не на Оке, а у истока Суры. Она объясняется чисто картографически: на чертеже 1523 г. в истоках Дона помещены «Рязанские озера», а на карте Фра-Мавро истоки Дона и истоки Суры ошибочно переплетены между собой. Аньезе, очевидно, комбинировал два своих источника. Интересно примечание, сделанное на карте около Тулы, — «Tula ex lapidze constituta». Каменный кремль в Туле был построен в 1520 г.¹⁰ В том, что венецианский картограф пользовался каким-то более подробным чертежом, особенно убеждает нас наличие семи городов, оставшихся без подписи: Витебск, Вязьма (?), Серпухов, Чернигов, Киев, Васильсурск, Ислам-Кермен.

Города определяются по их местоположению. Отсутствие надписей может говорить о том, что составителю карты не удалось полностью расшифровать подписи тех городов, о которых не было речи в записях Павла Иовия, но значки городов он все же счел нужным нанести на свою карту.

Есть доказательство того, что самый рассказ Дмитрия Герасимова Павлу Иовию сопровождался показом чертежа Московии. Несколько раз в записях Иовия встречается указание на географическое положение: «немного к югу», «со стороны северо-западного ветра», «в стороне ветра Кавра» и т. п. Наиболее доказательной я считаю ошибку в определении истоков Волги: «Волга, в древности называвшаяся Ра, берет начало из великих и обширных болот, именуемых Белыми озерами. Они находятся выше Москвы в направлении ветров Аквилона и Кора и выпускают почти все реки, которые разливаются по различным направлениям»¹¹.

На карте Б. Аньезе есть и обширное болото («Palus Magna») и Белоозеро («Belozerio»). Дмитрий Герасимов не мог назвать Белоозеро в качестве истока Волги; ошибся сам Иовий, но ошибся, очевидно, глядя на чертеж, где истоки Волги («в направлении Кора») и Белоозеро («направление Аквилона») были размещены в соответствии с их истинным положением в разных направлениях от Москвы.

В ренессансной картографии кроме 16 румбов применялось деление меридиана на 12 «ветров». Кор соответствовал 300° западного склонения, а Аквилон — 30° восточного. Сам Б. Аньезе в других своих картах применял это деление. На его карте Московии, действительно, «Большое Болото» помещено на северо-запад от Москвы, т. е. «в направлении Кора», а Белоозеро — на северо-восток, т. е. «в направлении Аквилона». Следовательно, и Павел Иовий и Б. Аньезе пользовались чертежом, где было более или менее точно отражено взаимное положение Москвы, Белоозера и истоков Волги, и у Иовия возникла мысль о двойственности истоков Волги из двух разных, далеко друг от друга отстоящих огромных водных резервуаров (см. карту Б. Аньезе).

Последнее, что нам надлежит разобрать в связи с поисками источников карты Б. Аньезе, — это любопытнейшую ошибку венецианского картографа в начертании всех северных земель и рек бассейна Ледовитого океана: они все даны в перевернутом, как бы зеркальном виде.

*География Севера
(с запада на восток)*

<i>На карте Б. Аньезе</i>		<i>Истинное положение</i>	
1. р. Югра (Обь?)	6. Устюг и р. Юг	1. Вологда	6. Вычегда
2. р. Печора	7. Пинега	2. Сухона	7. Пермская область
3. Югорская лесная область	8. Северная Двина	3. Северная Двина	8. Югра (Мезенская)
4. Пермская область	9. Сухона	4. Пинега	9. Печора
5. (Вычегда)	10. Вологда	5. Устюг и р. Юг	10. Югра (зауральская)

Д. ГЕРАСИМОВ
и
С. ГЕРБЕРШТЕЙН

Ошибочное размещение географических объектов проведено на карте последовательно и систематично; его нельзя объяснить ни случайной путаницей, ни предположением об обратной ориентировке того оригинала, с которого Б. Аньезе копировал свою карту¹².

Подобное зеркальное изображение, перевернутое не сверху вниз (как было бы при обратной ориентировке), а справа налево, могло получиться только в том случае, если, допустим, делалась заготовка для гравировальной доски на промасленной бумаге. Гравер на свою доску должен был наносить перевернутое, зеркальное изображение, т. е. именно такое, какое дает нам карта Аньезе.

Следует допустить, что между чертежом, демонстрировавшимся Герасимовым, и картой Аньезе в качестве единственно возможного связующего звена существовала копия на прозрачной бумаге, прочтенная картографом с той стороны, которая была лицевой для гравера.

Важно отметить еще два обстоятельства: на мировой карте, составленной тем же Б. Аньезе (очевидно, до ознакомления с материалами Герасимова), граница изученной части земной поверхности проходит по Верхней Волге, Днепр, Дон, Волга и Кама нарисованы здесь так, как и на карте 1525 г.¹³ Следовательно, прежние познания Б. Аньезе обрывались именно там, где начиналась широкая полоса северных земель с зеркальным искажением.

Вспомним также, что Гессель Герритс, используя для своей карты чертеж 90-летней давности (1523 г.), вынужден был пополнить его своими данными, а именно «ad fluvios Dwinam et Zuchanam» — до Северной Двины и Сухоны. Чертеж Московии 1523 г., ставивший своей главной задачей фиксацию новых западных приобретений России, мог и не иметь северной половины страны, где никаких перемен не произошло.

С другой стороны, мы знаем, что итальянцев крайне интересовали северные области, северный морской путь в Китай и Индию и что Дмитрий Герасимов, плававший сам по Северной Двине и Ледовитому океану, был именно тем лицом, которое могло вполне компетентно удовлетворить этот интерес, что и отразилось в подробных записях Павла Иовия.

Вполне вероятно, что, располагая чертежом без северных областей, русский посол, идя навстречу научной любознательности итальянцев, сам нарисовал для них схематичный чертеж хорошо известных ему северных земель от Вологды и Сухоны на западе до Печоры и Югры на востоке. Чертеж Сухоно-Двинской речной системы дан Д. Герасимовым значительно точнее, чем на «старом чертеже 1497 г.», где Сухона и Двина вытянуты в одну линию. Здесь четко обозначен прямой угол, образуемый этими реками, и очень точно размещен по странам света. Чувствуется, что автор карты сам проплыл на корабле по этому пути (1496 г.) и хорошо его знал.

Возможно, что в Риме сразу же была предпринята попытка гравирования копий герасимовских картографических материалов (поэтому Павел Иовий и пообещал приложить карту к своей книге), но по каким-то причинам публикация карты не состоялась, а материалы попали в руки венецианца Б. Аньезе, который использовал свою гидрографическую основу, дополнив ее южнее 57-й параллели данными чертежа, очень близкого к чертежу 1523 г., а севернее этой параллели разместил (ошибочно перевернув его) чертеж Герасимова. Заканчивал свою композицию Б. Аньезе спустя три месяца после отъезда «легата Димитрия» из Италии и, конечно, автор исходных данных не знал, в каком искаженном виде оформятся в Венеции его чертежи.

Итак, загадка карты Дмитрия Герасимова, по-видимому, должна решаться таким образом: посол Василия III привез ко двору Климента VII новейший чертеж Русского государства, изготовленный примерно в 1523 г. На этом чертеже были отражены все успехи русского оружия, закрепленные миром с Сигизмундом 1523 г. Демонстрация

¹² Ошибочность северной части карты Б. Аньезе 1525 г. отмечалась исследователями, но здесь видели только частные погрешности. «Произвольность, с которой некоторые детали... включены в карту, просто поразительна» (L. Вагтов. Указ. соч., стр. 41). Делалась попытка заменить Печору Печенгой, чтобы оправдать ее размещение на западе (там же). От исследователя ускользнула стройная система ошибок.

¹³ «Атлас географических открытий в Сибири и Северо-Западной Америке XVII—XVIII вв.», М., 1964, табл. 18. В пояснении к карте (стр. 12) дата почему-то определяется «после 1525 г.», хотя ограничение охвачено Волгой явно говорит о том, что в руках Аньезе еще не было материалов Герасимова, продвигавших границу известного далеко на север.

чертежа в Риме подтверждена как интересной ошибкой Павла Иовия (об истоках Волги), так и наличием 30 дополнительных (по отношению к тексту записей) объектов на карте Аньезе. Вполне вероятное отсутствие на общем русском чертеже северных земель было компенсировано дополнительным чертежом, автором которого следует считать самого Дмитрия Герасимова, образованного дипломата, знатока Русского Севера. Все это объясняет нам помещение имени Дмитрия Герасимова в заголовке карты Баттисты Аньезе 1525 г.

Большой интерес представляют те русские географические сведения, которые собрал в Москве любознательный и добросовестный посол императора Максимилиана Сигизмунд Герберштейн, побывавший в России в 1517 и 1526 гг. Зная русский язык, интересуясь русскими летописями, судебниками, общаясь с виднейшими вельможами Василия III, которые поверяли ему многие кровавые тайны московского двора, Герберштейн сумел получить очень много хорошо систематизированных и снабженных довольно точными цифровыми данными материалов¹⁴. Нужно только учитывать, что Герберштейн как дипломат был враждебен московскому правительству.

Перед Герберштейном раскрылась целая сокровищница географических сведений; путеводителями его по этой сокровищнице были такие люди, как князь С. Ф. Курбский, посол Григорий Истома, причастные к географическим открытиям и все виднейшие государственные люди страны. По их рассказам и письменным материалам Герберштейн составил свою интереснейшую «Хорографию Московии».

Совершенно особый интерес представляет русский дорожник, копированный С. Герберштейном, описывающий путь от Новгорода до Копенгагена через Великий Устюг, Белое море и Ледовитый океан.

Путь этот проделало московское посольство, посланное в 1496 г. к датскому королю Иоанну; сообщил все сведения Герберштейну толмач посольства Григорий Истома. Судя по тому, что между путешествием русских послов и рассказом иностранцу об этом плавании прошло более 20 лет, а рассказ изобилует точными цифрами расстояний и указанием румбов, следует думать, что плавание в Копенгаген вокруг всей Скандинавии было тщательно и подробно описано в свое время. Возможно, что и самое название этого дорожника сохранено Герберштейном: «Плавание по Ледовитому морю».

Вот пример подробности описания пути: «Оба берега Святого Носа (на Кольском полуострове), вытянувшегося от материка к N—N—W на 10 морских миль, суть гранитные утесы темного цвета, высотой до 30 сажен; подошва их усеяна гранитными обломками, местами скатившимися в воду, в оврагах снег виден во все лето. Хребет пологих гор, возвышающихся сажен на 15 или 20 над этими утесами, покрыт белым мохом. К югу продолжается этот хребет внутрь материка, а к северу постепенно снижается, равно как и самые утесы... К N—W в 120 саженях от низменной оконечности Святого Носа лежит камень Воронуха, покрытый водою при приливе. Глубина между ним и берегом 10—15 сажен...»¹⁵

На одном из утесов «Семи островов» у Мурманского берега кормчий русской флотилии принес языческую жертву скале: овсяную кашу, сдобренную маслом. Это, конечно, относится к устным рассказам самого Григория Истома, передавшего свой диалог с суверенным капитаном. Достоверность этого рассказа подтверждена через 60 лет Антоном Дженкинсоном: «У этого мыса (Святой Нос) лежит большой камень, которому проходящие мимо суда имеют обыкновение приносить жертвы маслом, мя-

14 Географическим материалом Герберштейна посвящена специальная работа Е. Е. Замысловского «Герберштейн и его историко-географические сведения о России» (СПб., 1884). Недостатком этой монументальной работы является то, что Замысловский, давая комментарий ко всем отдельным сведениям Герберштейна, не попытался представить сумму его данных как систему, не положил на современную географическую карту все то, что Герберштейн узнал в Москве как о самой Московии, так и о ее далеких связях с миром. Ссылки на Герберштейна в дальнейшем производятся по изданию: С. Герберштейн. Записки о московских делах. СПб., 1908.

15 Е. Е. Замысловский. Указ. соч., стр. 101—102.

сом и другими съестными припасами, веря, что если этого не сделают, то ладья или корабль погибнет здесь»¹⁶. «Плавание по Ледовитому морю», может быть, правильнее называть не дорожником, а лоцией, так как здесь содержалось практическое руководство для капитанов кораблей, указывались наиболее удобные протоки, волюки и опасные места с водоворотами и сулоями.

Важным документом русских географических открытий является «Указатель пути к Печоре, Югре и к реке Оби», включенный С. Герберштейном в свои записки о Московии. «Владения московского государя простираются далеко на Восток и несколько к Северу... Об этом доставлено было мне некое писание на русском языке, содержащее расчет этого пути. Я и перевел его»¹⁷.

Югорский дорожник ведет читателя от Москвы к Вологде, Великому Устюгу и далее вниз по Двине к Холмогорам. Расстояния указаны в верстах. Далее описывается труднейший путь на Восток на уровне 66—68° северной широты, где плавание по Ледовитому океану сочетается с движением по рекам и волокам в тайге и тундре. Здесь расстояния измеряются днями, неделями и месяцами пути (см. карту). Ведя своего читателя за «Пояс Земли», автор дорожника доводит его до восточных берегов Оби и Иртыша, сообщая этнографические сведения о диковинных народах Сибири. Кончается югорский дорожник упоминанием «Китая»: «От устьев реки Иртыша до крепости Грустины два месяца пути; отсюда до Китайского озера по реке Оби, которая, как я сказал, имеет в этом озере свои истоки, более чем три месяца пути»¹⁸.

От загадочного Китайского озера, расположенного где-то далеко-далеко на юго-восток от устья Иртыша к океанскому Лукоморью приходят какие-то черные люди, «не владеющие общепонятной речью», и приносят жемчуг и драгоценные камни. Самоцветы, жемчуг и темный цвет кожи пришельцев наводят на мысль об индийских купцах, которые могли интересоваться северной пушниной и мамонтовой костью.

Русский дорожник впервые знакомил европейцев с этой необычной для них точкой зрения на юго-восток Азии — со стороны Сибири и Ледовитого океана. Герберштейн, к сожалению, не называет имени автора этого интереснейшего географического сочинения, сведения которого он дополнял рассказами С. Ф. Курбского, прошедшего значительную часть описанного пути в 1499—1500 гг. Возможно, что именно тогда, во время зауральского похода Курбского, и начал складываться дорожник, имевший не только практическую, но и научную ценность для людей начала XVI в.

«Хорография» («Землеописание») Московии Герберштейна является еще одним доказательством обилия географических сведений в Москве ко времени вторичного приезда цесарского посланника в Москву в 1526 г.¹⁹

Два пути в Москву были пройдены самим Герберштейном: через Новгород и через Смоленск. Здесь трудно отделить его личные наблюдения от сведений, полученных им от русских спутников; можно только напомнить, что путь Москва — Новгород был точно измерен москвичами еще в XV в. и указание расстояний Герберштейном от станции до станции могло основываться на этих данных.

С. Герберштейн не был нигде внутри Московии, кроме Царева Займища под Можайском, где он участвовал в великокняжеской охоте. Все свои сведения он получил в Москве. А сведения очень подробны: для одного только Московского великого княжества он упоминает многие десятки городов и городков и около семи десятков рек, среди которых много рек средней и малой величины, таких, как Шать, Упа, Которосль, Мокша, Нерль, Дубна, Яхрома, Сходня.

16 «Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.», стр. 74. Экспедиция Х. Уиллоуби 1553 г. потеряла корабль ружием неподалеку от этих мест.

17 С. Герберштейн. Указ. соч., стр. 127.

18 Там же, стр. 130.

19 Есть основания думать, что географические записки были сделаны Герберштейном именно во второе свое путешествие. Незначительные дополнения были сделаны автором на родине после 1534 г. (об Н. В. Ляцком).

Узнать расстояние от Путивля до Новгорода Северского, от Воротынска до устья Упы или от Хлынова (Вятки, совр. Кирова) до Котельнича, подробно и детально описать истоки Волги, Днепра и Двины в дебрях Оковского леса Герберштейн мог только по русским данным.

Точность расстояний, полученных Герберштейном, можно проверить, составив карту, где будут указаны и подлинные расстояния (по прямой) от Москвы в километрах и в милях Герберштейна. Пересчет миль в версты может быть произведен по тому графическому масштабу, который содержится в «Книге Большому Чертежу».

Здесь 110 верст приравнены 20 милям²⁰, что определяет милю в 5,5 версты или в 5,940 м (считая 500 сажений по 216 см). Для анализа возьмем те города, где указано прямое расстояние от Москвы, разместим их на современной нам географической карте, а затем отмерим в том же масштабе расстояние в милях по Герберштейну. Мы получим очень интересную и закономерную картину: все герберштейновские расстояния превышают истинные расстояния. Так и должно быть, потому что мы, не зная подлинного направления древних путей, можем нанести только условную прямую от Москвы к каждому городу, а в действительности все пути были в той или иной мере извилистыми и поэтому расстояние в милях является как бы распрямленной кривой.

Чем ближе город к Москве, тем меньше расхождение прямолинейного и путевого расстояния: для городов вроде Дмитрова и Переяславля оно равно 10%; для городов типа Рязани, Владимира, Тулы — около 20%, а для таких отдаленных пограничных городов, как Путивль, доходит до 50%²¹.

Составленная картограмма убеждает в большой добротности тех сведений, которые русские информаторы сообщили Герберштейну. Герберштейн описывает три торговых пути из Москвы на юг: первый шел через Путивль на Перекоп в Крым (см. карту), второй — через Данков вниз по Дону до Азова. Третий южный путь идет через Астрахань. Названы города: Нижний Новгород, Васильсурск, Казань, Астрахань.

От Астрахани «великого татарского торжища» указаны расстояния в днях пути: до Казани 10 дней (очевидно, вниз по реке), до Азова — 7 дней и до Шемахи 6 дней. Это — последние расчеты путей, которые можно связывать с его русскими информаторами.

Здесь русская география соприкасается с итальянской, а все последующие расчеты кавказских и черноморских земель ведутся уже на итальянские мили.

Несколько слов следует сказать о карте самого Герберштейна, вышедшей спустя 20 лет после его возвращения из России, до полного издания «Записок».

Насколько интересен и точен географический материал, содержащийся в тексте Герберштейна, настолько же неинтересна и неточна его карта Московии 1546 г. и все последующие издания. Очевидно, Герберштейн не обладал ни познаниями, ни навыками картографа. Его карта готовилась тогда, когда карта Вида — Ляцкого была уже составлена и отражена в опубликованной в 1544 г. карте С. Мюнстера.

Карта Герберштейна значительно менее подробна, чем его текст. Удивляет то, что сильно расходятся цифровые данные текста и карты. Карта сделана очень небрежно и как будто бы чужой рукой. У нее есть только три преимущества: Западная Двина, Днепр и Волга получили разные истоки и Ладожское озеро показано не таким мизерным, как на старых картах, но оно здесь даже преувеличено: его поперечник равен расстоянию от Москвы до Рязани. Третьим достоинством карты Герберштейна является более точное изображение Сухоны и Северной Двины.

Исследователь записок Герберштейна Е. Е. Замысловский пишет в своем фундаментальном исследовании, что карты «были составлены на основании русского

20

«Книга Большому Чертежу», стр. 171, фототипия листа № 218.

21

В двух случаях можно допустить погрешность Герберштейна: расстояние до Углича (24 мили) указано, очевидно, не от Москвы, а от Дмитрова, через который шел путь на Волгу к Угличу. Вторая погрешность оговорена автором; «...говорят, что от Мурома до Нижнего Новгорода 40 миль» (стр. 103), но на самом деле там только 24 мили. Это и дало резкое расхождение истинного расстояния с мерой его в милях. В двух случаях, когда Герберштейн располагал двумя цифрами (до Смоленска 80 или 100 миль; до Новгорода Великого 100 или 120 миль), на карту нанесено то расстояние, которое предпочел сам Герберштейн (соответственно 80 и 100).

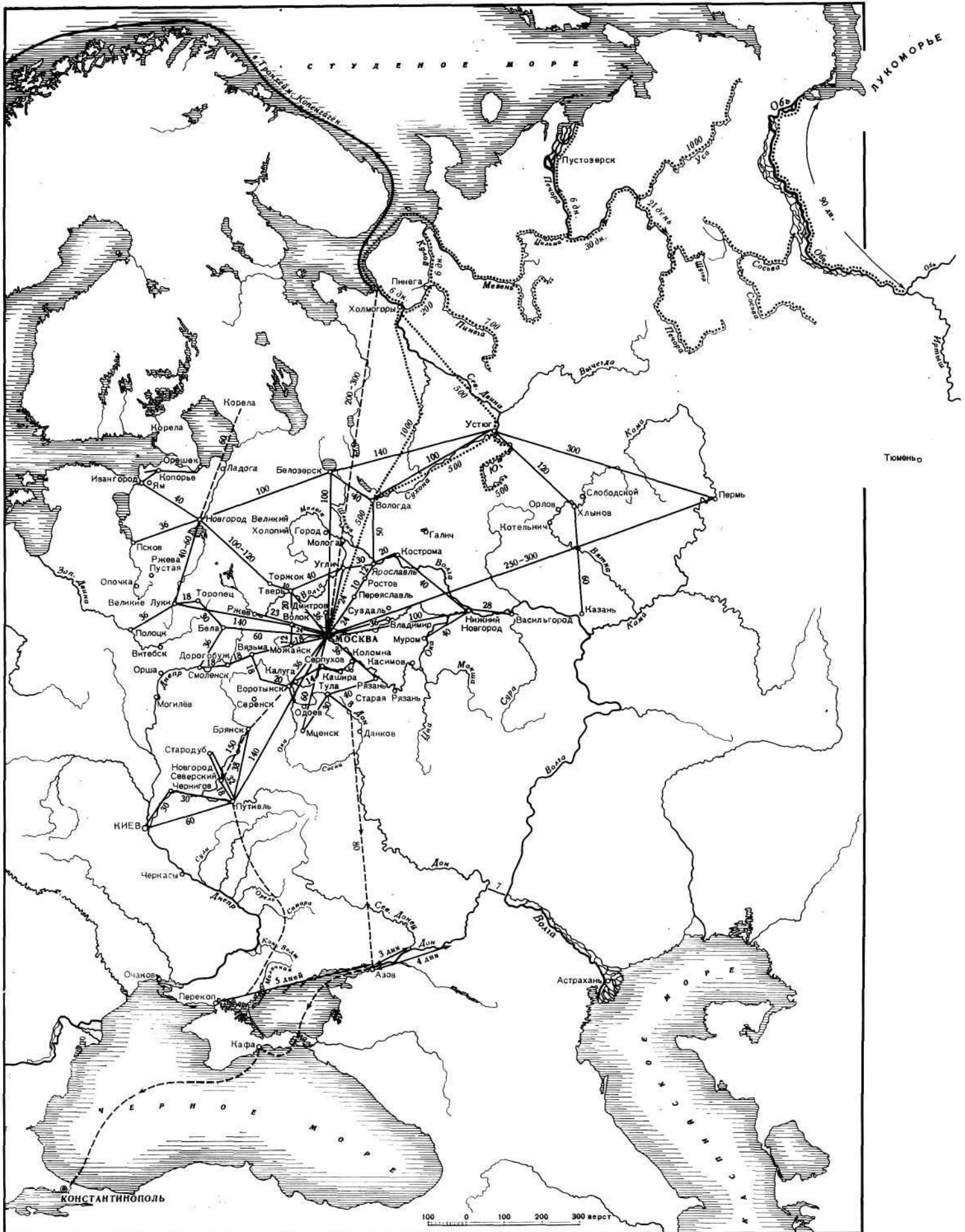
16

ОБЩАЯ СХЕМА
ГЕОГРАФИЧЕСКИХ
СВЕДЕНИЙ
С. ГЕРБЕРШТЕЙНА
(Около 1526 г.)

Д. ГЕРАСИМОВ

и

С. ГЕРБЕРШТЕЙН

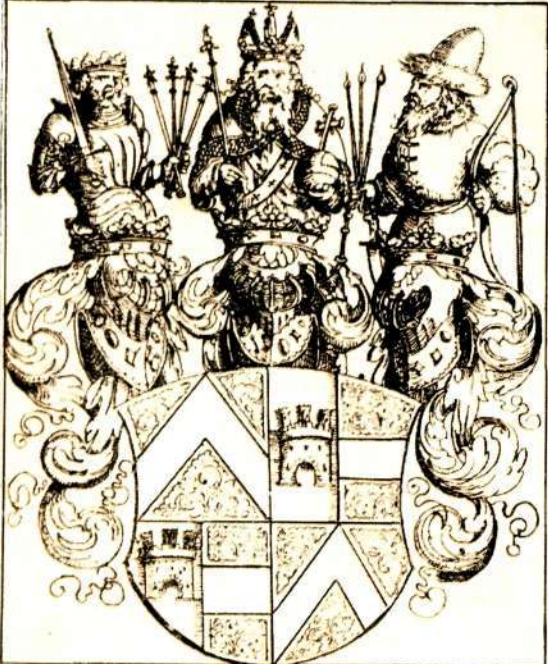
Географические сведения С. Герберштейна, почерпнутые им из русских источников

— Общие сведения. Расстояния даны в немецких милях (около 5 верст)

..... Указатель пути к Печоре, Югре, и Оби
 Расстояния указаны в русских верстах

← Плавание по Ледовитому морю Д. Герасимова (1496) и Г. Истома (1497)

MOSCOVIA SIGISMVNDI LIBERI
 BARONIS IN HERBERSTEIN NEI-
 PERG ET GV TENHAG M D XLVI

чертежа, в существовании которого убеждает появившаяся в печати ранее герберштейновых карт карта Московии, находящаяся в космографии Мюнстера. По всей вероятности, русский чертеж Московского государства был полнее и обстоятельнее до нас дошедших карт Московии»²². Предположение Замысловского можно подкрепить сейчас рядом дополнительных соображений не только в отношении герберштейновских карт (по существу единой карты, но в разных вариантах), но и в отношении всей его «Хорографии», основанной на письменных, устных и картографических русских источниках.

Во-первых, правильное изображение северной речной магистрали — рек Сухоны и Двины, указанных на карте Герберштейна, близко к натуре, под прямым углом, могло быть заимствовано им с чертежа Дмитрия Герасимова, о характере которого мы теперь можем судить по северной части карты Б. Аньезе 1525 г. Во-вторых, мы можем вполне обоснованно полагать, что Герберштейну был знаком общий чертеж Московии 1523 г., самый свежий картографический материал, сведенный воедино незадолго до его второго приезда. Выше, в разделе, посвященном чертежу 1523 г., подробно разбиралось сходство цифровых записей и даже сходство ошибок (в описании Северской земли) в «Хорографии» Герберштейна и на чертеже царевича Федора, которое может быть объяснено только знакомством австрийца с новой картой России.

Можно указать и третий картографический источник сведений Герберштейна, о котором более подробно речь пойдет в следующей главе, это — «карта княжеств», послужившая основной схемой при описании отдельных русских земель Герберштейном в 1526 г.

Сопоставительный анализ карты Вида — Ляцкого и «Хорографии» показывает, что Герберштейн, если и обращался в Москве к И. В. Ляцкому за помощью, то существенных материалов от него тогда не получил — ведь новый чертеж 1523 г. был, очевидно, мало доступен самому Ляцкому, как мы можем судить по его собственной карте 1542 г.

Более полезными информаторами Герберштейна были: Д. Д. Герасимов, Григорий Истома, князь С. Ф. Курбский и, возможно, князь И. М. Воротынский — на карте Герберштейна впервые появляется Воротынский, незначительный городок, принадлежавший этому князю, о котором австрийский посол почтительно отозвался как о мудром и опытном государственном муже. Добросовестный и серьезный исследователь русской географии Сигизмунд Герберштейн получил в Москве обильный и разнообразный материал, позволивший ему написать книгу, которая надолго стала для людей Возрождения основным источником сведений о загадочной Московии.

← 17
КАРТА
С. ГЕРБЕРШТЕЙНА
1546 Г.

Д. ГЕРАСИМОВ
и
С. ГЕРБЕРШТЕЙН

КАРТА
КНЯЖЕСТВ
1526
года

Се рассмотренные выше карты России отражают идею государственности, идею единой Московской державы; «старый чертеж 1497 г.» представил эту державу с подразделением на области, важные для московского правительства; новый чертеж 1523 г. демонстрировал успехи русского оружия и воссоединение с Россией широкой полосы русских западных земель. Карта Дмитрия Герасимова, судя по ее отражению в карте Б. Аньезе 1525 г., тоже знакомила с Московией во всем ее объеме. Даже карта эмигранта И. В. Ляцкого (подвергавшегося, впрочем, репрессиям в Литве за свои русские симпатии), боярина, связанного с оппозиционными княжескими кругами, не отражает никаких княжеских владений, а дает всю

Московию в целом. Все эти карты освещают современное им состояние Московского государства, позволяя охватить взглядом всю державу и ее условное административное деление на крупные области, деление, **игнорирующее бесчисленное множество старых, но живучих феодальных единиц.**

Но вот в конце XVI в. появляется карта, воскрешающая давно забытые старые русские княжества; это карта Герарда Меркатора 1594 г., изданная после его смерти сыном в 1595 г.¹ Здесь наряду с окраинными областями (Двина, Устюг, Псков, Новгород) даны надписями 15 княжеств. На более ранней карте того же Меркатора (1554 г.) и на копии этой карты, изданной после 1562 г. (ее заголовок: «Новое описание Северных областей московитов, русских, татар и разных орд, составленное на основе Антония Дженкинсона и барона Сигизмунда Герберштейна»), такой полной системы русских княжеств еще нет. Кроме Московии, Володимера и Рязани, которые есть и у Дженкинсона, и кроме Смоленского, Бельского и Северского княжеств как новых приобретений по сравнению с **основой** карты Дженкинсона (чертеж 1497 г.), на карте 1554 г. есть только Тверское и Ярославское княжества. На карте же 1594 г. появляются дополнительно: Воротыньское, Мценское, Ржевское, Полоцкое (свя-

¹ В. П. Корольков. *Материалы по истории русской картографии*, вып. 1. Киев, 1899, табл. XXXIV.

занное с завоеваниями во время Ливонской войны), Ростовское, Суздальское, Переяславское, Белозерское, Галицкое княжества.

Анализировать этот интереснейший список старых княжеств, утративших свою самостоятельность при Иване III и Василии III, мы должны только после того как рассмотрим новую вспышку интереса к этой теме у европейских картографов в конце XVII — начале XVIII в.

На протяжении XVII в. продолжали переиздаваться карты Г. Меркатора, Гесселя Герритса, Исаака Массы, но начиная с 1674 г. появлялись французские карты, воскрешающие под видом административного деления России забытую удельную старину. Первым выпустил такую карту Гийом Сансон², а затем она с разными вариациями издавалась под разными именами (Н. Витсен, Ю. Данкерс и др.). Самое позднее известное мне издание карты с княжествами вышло в 1780 г.

Особо следует выделить уже известную нам карту Гийома Делиля 1706 г., которая тоже содержала старые княжества, но не являлась копией карт Сансона, а восходила, очевидно, непосредственно к русской карте, полученной Делилем от графа А. А. Матвеева.

Если у Меркатора княжества показаны только надписями, то у Сансона и Делиля они обозначены пунктирными и цветными границами. Вызывает удивление, что никто из исследователей русской картографии не обратил внимания на тот глубокий и увлекательный анахронизм, какой представляют великие и удельные княжества на карте России времен Алексея Михайловича и Петра Великого. Познакомимся с составом княжеств по трем нашим источникам 1594, 1674 и 1706 гг.

Меркатор не дает обозначений княжеств, называя их как области: «Tweria», «Susdalia», а на картах Сансона и Делиля дана градация княжеств: «duché» (или даже «grand duché»), что должно соответствовать великому княжеству; «principauté» — княжество, «seigneurie» — владение, волость и «province» — область. Для областей, бывших некогда в пределах Литовского княжества, применяется термин «palatinat» — воеводство. Порядок рассмотрения прием такой же, как у Герберштейна: по часовой стрелке, начиная с Владимира³.

Вся основная территория Московского государства представлена как система крупных и мелких княжеств. Общими для всех или для двух наших источников являются 18 княжеств; только у одного Меркатора упоминаются два (Мценское и Переяславское княжества); только у одного Делиля тоже два (Касимовское и Ухтомское).

Различия очень невелики, легко объяснимы разновременными копиями исходной карты и не препятствуют нам рассматривать все три карты 1594, 1674 и 1706 гг. как отражение общего русского источника. Источник этот был архаичным и тенденциозным, так как выпячивал некоторые княжества в ущерб другим.

Г. Меркатор, 1594 г.	Г. Сансон, 1674 г.	Г. Делиль, 1706 г.
Московия (от Новгорода до Москвы)	В. кн. Московское	В. кн. Московское
Владимирское	В. кн. Владимирское	В. кн. Владимирское
—	В. кн. Нижегородское	«Низовая держава» Волость Нижегородская
—	—	Кн. Касимовское
Рязанское	В. кн. Рязанское	В. кн. Рязанское
Воротынское	В. кн. Воротынское	Кн. Воротынское
Мценское	—	—

² Мне удалось найти не опубликованную повторно карту Гийома Сансона 1674 г. в картографическом отделе Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (шифр К-35-3 Д-5). В Кордном издана карта Гийома Сансона (сына), опубликованная в 1688 г. (см.: В. В. Кордт. Материалы по истории..., Вторая серия, вып. 1. Киев, 1906, табл. XVI).

³ У Меркатора таким же крупным шрифтом, как и все княжества, написано южнее Новгорода: «Chelmia». Холм — небольшая крепость на реке Ловати, отстроенная в 1536 г. Никогда он не был центром княжества или какой-либо крупной области. Меркатор, очевидно, спутал этот город с Холмским уделом Тверского княжества. Холмское (Тверское) княжество упоминается у Меховского наряду с Зубцовским, Клинским, Кутенским, Шугерским и Шаховским княжествами (М. Меховский и др. Трактат о двух Сарматиях, стр. 113). Однако остальные мелкие уделы Меркатором (как, впрочем, Сансоном и Делилем) не упомянуты. Откуда взялась «Chelmia» — остается непонятным.

Севера	В. кн. Новгород-Северское	В. кн. Северское
—	В. кн. Черниговское	В. кн. (и палатинат) Черниговское
Смоленское	В. кн. Смоленское	В. кн. (и палатинат) Смоленское
Бельское	Кн. Бельское	Кн. Бельское
Ржевское	В. кн. Ржевское	Область Ржевская
Новгородское	Кн. Новгородское	В. кн. Великого Новгорода
Псковское	Кн. Псковское	Волость Псковская
Тверское	В. кн. Тверское	В. кн. Тверское
Белозерское	В. кн. Белозерское	В. кн. Белозерское
—	—	Кн. Ухтомское (без границ)
Галицкое	—	Кн. Галицкое
Ярославское	В. кн. Ярославское	В. кн. Ярославское
Ростовское	В. кн. Ростовское	В. кн. Ростовское
Переяславское (Залесское)	—	—
Суздальское	В. кн. Суздальское	В. кн. Суздальское

Карта Делиля 1706 г. — целый музей русской картографии, где можно установить несколько хронологических наслоений, восходящих к разным русским источникам разного времени, и нам придется обращаться к ней неоднократно ⁴.

Относительно получения Г. Сансоном каких-либо русских материалов у нас нет прямых данных, но нельзя пройти мимо одного совпадения: признаки знакомства с рассматриваемым нами комплексом княжеств впервые появляются сразу же после приезда русского посольства. Семья Сансонов известна своими картографическими работами с середины XVII в. Отец Гийома, Николай Сансон из Аббевиля (как обозначалось даже на картах), автор оригинальной синусоидальной географической проекции, издал ряд карт. На его картах вплоть до 1665 г. нет следов знакомства с «картой княжеств». Только на карте Турции 1669 г. мы обнаружим следы интересующей нас карты: незначительный русский городок Воротыньск написан на этой карте таким же крупным шрифтом, как Москва и Константинополь (!). За год до этого, в 1668 г. через Аббевиль, где жил Н. Сансон, проезжало русское посольство стольника Петра Ивановича Потемкина ⁵. Как мы знаем, другое, более раннее русское посольство во Флоренцию Василия Лихачева было снабжено картой Московии и Сибири ⁶. Вполне возможно, что и П. И. Потемкин вез с собой карту России, где древние княжества как бы иллюстрировали титул царя Алексея Михайловича. Без допущения знакомства Сансонов с русской картой княжеств в 1668 г. нам не удастся объяснить появление огромного Воротыньска на карте 1669 г. На карте Гийома Сансона 1674 г. Воротыньское княжество показано непомерно большим: от Калуги почти до Полтавы (!).

Относительно Меркатора у нас нет даже косвенных указаний на источник его сведений о комплексе княжеств. На первый взгляд источником карты Г. Меркатора может показаться текст «Хорографии» С. Герберштейна, но это предположение неустойчиво: первые издания карт Меркатора выходили тогда, когда и текст «Записок» Герберштейна, и его карта (не содержащая перечня княжеств) были уже опубликованы и переведены на разные языки. Солидный ученый Меркатор, однако, только в конце своей жизни, спустя 40 лет после выпуска им первой карты Московии, получил какие-то подробные материалы о старых русских княжествах. Этими материа-

⁴ Б. А. Рыбаков. Древнейшая русская карта начала XVI в. и ее влияние на европейскую картографию XVI—XVIII вв. «Тезисы докладов по секции исторической географии Второго Всесоюзного географического съезда». М.—Л., 1947, стр. 14—17. Делиль располагал четырьмя безыменными картами Татарии, полученными от Постникова (Postnikoff) и от русского посла Матвеева в 1699—1703 гг. См.: М. Lesure. Les sources de l'histoire de Russie aux archives nationales. Paris, 1970, p. 124—125.

Пользуюсь случаем выразить благодарность И. С. Шарковой за ценную справку.

⁵ С. А. Аннинский. Пребывание в Ливорно царского посольства в 1656 г. «Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности акад. А. С. Орлова». Л., 1934.

⁶ Д. Языков. Русское посольство во Флоренцию в 1658 и 1659 гг. «Библиотека для чтения», т. III. СПб., 1834, стр. 170—171. Великий герцог распустил посла Василия Лихачева и «смотрел по чертежу про Сибирское государство и по скольку который зверь водом плодится — тому роспись взял».

лами не мог быть давно известный текст Герберштейна, так как существует девять расхождений карты Меркатора с «Записками» Герберштейна:

<i>Есть на карте 1594 г., но не упоминается в тексте Герберштейна</i>	<i>Есть у Герберштейна, но отсутствует на карте 1594 г.</i>
Мценское княжество	Нижегородское княжество
Переяславское »	Касимовское »
Холмское »	Дмитровское »
	Муромское »
	Тульское »
	Серпуховское »

Позднее знакомство Меркатора с картой старых русских княжеств может свидетельствовать о том, что такая карта проникла на Запад не ранее 1562 г. и предположительно может быть связана с одним из потоков русских эмигрантов, бежавших, подобно А. М. Курбскому, от гнева Ивана Грозного.

Драгоценным свидетельством для нас является другая карта Меркатора 1595 г., обрисовывающая южнорусские степи⁷. Здесь, как и на карте 1594 г., есть уже княжества Воротыньское, Мценское, Рязанское, Северское и Смоленское, показана и государственная граница этой части Московии. Юго-восточная граница идет от верховий Сейма (минуя истоки Северного Донца) на верховья Шати, Донков, истоки Дона и далее по левому берегу Суры, воскрешая границы времен Герберштейна, хотя сами герберштейновские записи не дают данных для проведения границы. Западная граница проведена не очень точно: на участке устье Сожа — устье Десны она идет по берегу Днепра, тогда как она должна была идти далеко отступая от берега на восток. Город Любеч смещен со своего места, очевидно, для того чтобы более явно показать его принадлежность Литве, что отвечало бы ситуации после 1508 г. Другой хронологический признак: Гомель показан на самой границе России и Литвы, но эта граница идет по западному правому берегу Сожа, что соответствовало ситуации 1503—1537 гг., когда Гомель и часть правобережья Сожа принадлежали Московии. Ко времени публикации карты Меркатором государственная граница сильно изменилась; его карта отражала архаичную границу первоосновы.

Таким образом, часть «карты княжеств», приведенная Меркатором в своей карте Таврики (или точнее — ее первооснова), может быть датирована 1508—1537 гг., что согласуется и с восточной границей по Суре.

Получив эту ориентировочную датировку протооригинала «карты княжеств», рассмотрим подробнее вошедший в нее комплекс. За основу удобнее взять карту Делиля как более детальную и более точную. Достаточно сказать, что в одной только русской части карты Делиля дано 454 реки! Населенные пункты тоже исчисляются сотнями. Это тем более интересно, что сам Г. Делиль никогда в России не был, а его брат Жозеф еще не поступил тогда на русскую службу.

Рассмотрим карту русских княжеств на картах Делиля и Сансона.

1. В центре комплекса княжеств расположено небольшое Московское княжество в архаичных, очень урезанных границах: Вязьма, Дмитров, Дубна (близ Загорска), верховья Клязьмы и Гуся, Коломна и Угра — вот в каких пределах размещено Московское княжество. Верховья Угры, Волоколамск, Серпухов и Калуга оказались уже за пределами Московского княжества. На карте Г. Сансона даже Можайск и Боровск оказались вне Московского княжества; там пограничным городом на западе оказался Звенигород.

⁷ В. В. Кордт. *Материалы по истории русской картографии*, вып. II. Киев, 1910, табл. XI.

19a

КАРТА МОСКОВИИ
ГИНОМА ДЕЛИЯ
1706 Г.
(Северная часть)

CARTE DE MOSCOVIE

Dressée par Guillaume De-Flide
Premier Geographe du Roy
A SON EXCELLENCE
MONSIEUR
ANDRÉ ARTEMONOFF DE MAITRE
Ambassadeur de sa Majesté Catholique
L'Empereur des Russes, son Lieutenant
Général en la Principauté de Livonie et
son Ambassadeur Plénipotentiaire au
près du Roy Très Chrétien et depuis du
Roi, gouverneur du Province d'Ukraine

Par son très humble et
très obéissant Serviteur
De-Flide

ROYAUME DE SIBERIE

Le Chemin de Moscou à Viatka par
Kholm et Galits est plus court que
celui qui passe par Oudovo mais il est
très incertain de sa cause de mauvais
qu'il faut passer et des Caucasiens
Peuples Idolâtres qui y font des courses

Московское княжество дано в границах до Ивана Калиты, в границах 1301—1304 гг. (но без Серпухова) с дополнением Дмитровского удела (1364 г.).

2. **Владимирское княжество** показано по существу как сумма земель Владимирского, Суздальского и южной половины Костромского. Северная граница Владимирского княжества доходит до Волги: Плес, Юрьевец, Балахна. У Сансона Владимирское княжество показано точнее — оно не доходит до Волги, Плес и Юрьевец отходят к Суздалию, а Балахна — к Нижегородскому княжеству. Владимирское княжество слито с Московским Василием Темным.

3. **Нижегородское княжество** показано у Делиля и Г. Сансона различно. У Делиля оно расположено только на правом берегу Волги, будучи ограничено Цной на западе, излучиной Дона — на юге, Сурой — на востоке и Волгой — на севере. В эту территорию включена вся мордва.

У Г. Сансона оно занимает Правобережье с Темниковым и Арзамасом, но охватывает и лесистое Левобережье вплоть до Чухломы и почти до Ветлуги. Южнее Нижегородского княжества по р. Мокше дана надпись «Tartares de Mordva». Очевидно, подразумевается татарское ханство Мухши-Наручад.

4. У Делиля внутри Нижегородского княжества показано княжество Касимовское. Нижегородское княжество соединено с Московским в 1425 г.

5. Равновеликим Московскому показано Рязанское княжество. Ему здесь отданы: Серпухов, Калуга, Кашира, Тула. Рязанское княжество размахнулось от верхней Оки до Цны и от средней Оки до Быстрой Сосны на юге.

Границы Рязанского княжества взяты в максимальных рамках до 1389 г., к рязанским владениям причислены и земли по Оке от Калуги до устья Москвы-реки. Для XVI в. такие размеры Рязани были явным анахронизмом. Рязань была присоединена окончательно к Москве в 1521 г.

6. Соседом Московского и Рязанского княжеств показано большое **Воротыньское княжество** с такими городами, как Калуга, Воротыньск, Перемышль, Белев, Алексин, Козельск, Мценск. Воротыньское княжество, перешедшее к Москве в 1490 г., здесь раскинулось по обоим берегам верхней Оки примерно от водораздела Оки и Десны на западе до р. Шати на востоке, поглотив в своих границах десяток мелких верховских княжеств.

7. **Северское княжество** присоединилось к Москве своими отдельными частями начиная с 1500 г. (Трубчевск, Стародуб, Рыльск). В 1503 г. все эти земли по разделу с Литвой перешли к Москве, а в 1523 г. окончательно были уничтожены остатки суверенности. В таких больших масштабах, как на карте Делиля (от Угры до Десны и от р. Дубицы до Сейма, включая Брянск и Серенск), Северское княжество в XIV—XV вв. не существовало.

8. **Черниговское княжество** показано небольшим; оно ограничено Сожем, Десной и Остром. К Москве эти земли отошли в 1503 г.

9. **Смоленское княжество** показано в своих границах довольно точно. Присоединено к Москве в 1514 г.

10. **Бельское княжество** растянуто от Велижа и Усвята до Оковского леса. Время перехода к Москве — 1500 и 1503 гг.

11. **Ржевская область** растянута от Пустой Ржевы на западе до Ржевы Володимеровой на востоке на 230 км. Эта область перешла к Москве в 1503 г.

12—13. **Псков и Новгород** показаны подробно и точно. Граница со Швецией подправлена по Столбовскому миру 1617 г.

14. **Тверское княжество** показано на карте Делиля добросовестно, но с преувеличением за счет Новгорода (Торжок). В Тверское княжество входят Кашин, Калязин, Старица, Городня, Клин. Тверь была завоевана Иваном III в 1485 г.

15. Белоозерское княжество нанесено на карту верно, но никаких городов внутри него не показано. Есть только надпись «Męgrina» на северо-запад от озера. На современной карте мы находим в этом месте речку Мегру, впадающую в Белоозеро с запада. На Мегре есть с. Городище, а у самого устья — с. Мегра⁸. Река Мегра и село Мегра расположены недалеко от Курбы, владения князей Курбских. На противоположном восточном берегу озера есть с. Ухтома, у устья р. Ухтомки. На карте Делиля Ухтомское княжество ошибочно показано (без границ) на западном берегу озера. Белоозерские княжества отошли к Москве в 1389 г.

16. Ростовское княжество на карте Делиля включает Углич и Переяславль, но у Меркатора Переяславское (княжество) выделено особо. Переяславский удел перешел к Москве в 1302 г., а Углицкий — в 1364 г. Ростовское княжество окончательно перешло к Москве в 1462 г.

17. Ярославское княжество дано несколько сокращенным: здесь нет Мологи. Ярославское княжество присоединено к Москве в 1462 г.

18—19. Суздальское княжество и Галицкое показаны без всякой границы между ними. Костромского княжества нет, но Кострома есть. Кроме того, нанесен Лух. Галицкие земли сильно сокращены. Суздаль перешел к Москве около 1451 г., а Галич — после феодальной войны.

Произведенный выше краткий обзор карты княжеств в том виде, в каком ее сохранили публикации Г. Сансона и Г. Делиля, показал нам необычайное своеобразие и противоречивость этой карты. Первое противоречие — хронологическое: карта лишена единства времени — для разных княжеств составителем взята различная хронологическая глубина в диапазоне от 1300 до 1523 г. (ликвидация независимости Северского княжества). На этом основании ее нельзя считать исторической картой в полном смысле слова, хотя не подлежит сомнению ее ретроспективный характер, своего рода исторический уклон, оглядка на прошлое русских княжеств, поглощенных впоследствии Москвой.

Второе противоречие заключается в отборе княжеств для показа их на карте: наряду со старинными великими княжениями вроде Черниговского, Северского, Смоленского, Тверского, Рязанского, Нижегородского, Ростовского, Владимирского, существовавшими в качестве суверенных государств уже в XII—XIII вв., на карте Сансона-Делиля присутствуют на равных правах с перечисленными выше два малоизвестных и незначительных по своей исторической роли удельных княжества: Воротыньское и Бельское.

Воротыньск был одним из мельчайших уделов Черниговского княжества в Вятичах; в свое время он попал в сферу влияния Литвы, но в конце XV в. князь И. М. Воротыньский перешел с несколько возросшим уделом к Ивану III. По демаркации 1494 г. Воротыньск прочно отходил к Москве.

Князья Бельские происходили из провинциальных малозаметных Гедиминовичей и владели одним из северных уделов Смоленского княжества; возвысились они благодаря родству с рязанскими князьями и самим Василием III: князь Василий Иванович Рязанский (1448—1483 г.) женился на сестре Ивана III Анне; их дочь (двоюродная сестра Василия III) вышла замуж за князя Федора Ивановича Бельского и таким образом сблизила эту княжескую семью с московским великокняжеским домом. Василий III, умирая, заботился о Бельских (сыновьях Федора — Семене, Иване и Дмитрие) как о своих «сестричичах».

⁸ М. Н. Любаевский, *Образование основной государственной территории великорусской народности*, Л., 1929, карта.

196

КАРТА МОСКОВИИ
ЮЖНОМ ДЕЛИИ
1706 Г.
(Южная часть)

Удельных княжеств в русских землях (считая и земли, подвластные великому князю Литовскому) в XIV—XV вв. было свыше двух сотен; они были различны по своей территории, по степени самостоятельности, по древности происхождения, но выделение из всего этого множества только двух — Воротынского и Бельского — могло быть продиктовано лишь какими-то специфическими интересами автора карты, а такая тенденциозность ведет нас к определенным лицам и определенному историческому моменту.

Впервые судьбы Воротынских и Бельских сблизилась при дворе Василия III, где эти княжеские фамилии были представлены князем Иваном Михайловичем Воротынским с сыновьями (один из них — известный впоследствии Михаил) и тремя братьями Бельскими: Семеном, Иваном и Дмитрием Федоровичами. На протяжении полутора десятков лет эти князья участвуют в одних и тех же битвах, одинаково подвергаются опале со стороны «московского тирана» и как бы связаны какой-то круговой порукой: если представитель одной семьи бежит за рубеж, то другая семья расплачивается за это и терпит великокняжеский гнев и опалу.

Сопряженность судеб Воротынских и Бельских возникла уже в 1521 г., когда Василий III посылал Д. Ф. Бельского и И. М. Воротынского на Ахмет-Гирея крымского, а «они же не поидоша». На следующий год великий князь «поймал воевод своих», в том числе и И. М. Воротынского-Перемышльского, конфисковав его вотчину. Опала была снята только через три года в 1525 г.: «Пожаловал князь великий князя Ивана Воротынского и вотчину его отдал». С Д. Ф. Бельского опала тоже была снята⁹. И. М. Воротынский попал в опалу еще раз в 1531 г.

В 1534 г. Бельские и Воротынские участвовали в заговоре, после раскрытия которого обе фамилии подверглись репрессии. «Того же лета августа с службы ис Серпухова побежали князь Семен Федоровичь Белской да околничей Иван Васильев сын Лятцкого (известный нам картограф) и с сыном. А съветников их — брата княж Семенова князя Ивана Федоровича Белского же, да князя Ивана Михайловича Воротынского и з детми велел поймати князь великий и мати его великая княгини: оковав за приставы посадити»¹⁰. Сына Воротынского, князя Владимира, «по торгу водяче пугами били», а у князя Д. Ф. Бельского произвели превентивную конфискацию: «И кони у него отняты и статок переписан»¹¹.

После этого разгрома Воротынских и Бельских мы уже более не видим такого единомыслия «съветников»; в последующих политических акциях второй трети XV в. эти княжеские семьи идут разными путями.

Тенденциозное выпячивание двух княжеств на карте Сансона-Делиля позволяет несколько сузить первоначальную датировку (1508—1537 гг.) карты княжеств до 1521—1534 гг., т. е. замкнуть ее в пределах второй половины княжения Василия III. Для этой эпохи содержание карты с показом старинных княжеств, давно завоеванных Москвой, говорит о некоторой нарочитости, о стремлении напомнить о составных частях единой Московии. Как только мы начинаем подробнее знакомиться с обрисовкой территории княжеств на карте, так сразу же видим, что нарочитость и здесь переходит в очень определенную тенденциозность.

Рассмотрим проявления тенденциозности как в сторону преуменьшения той или иной земли, так и в сторону гиперболизации отдельных княжеств.

Самым обиженным, самым несправедливо преуменьшенным на картах Сансона — Делиля оказалось Московское княжество. Московское княжество здесь стиснуто со всех сторон другими великими княжествами. Москва даже не первая среди равных — три русские земли превосходят ее по площади: Новгород, Нижегородское и Рязанское княжества. Достигается это очень простым приемом — смещением хронологии более чем на два столетия (!) назад. Московское княжество на карте —

⁹ ИСРЛ, т. 24, стр. 221—222.

¹⁰ ИСРЛ, т. XIII, стр. 79.

¹¹ См.: И. И. Смирнов, *Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI в. М.—Л., 1958, стр. 42, 44.*

это не только не владения Василия III, но даже и не владения его далекого пращура Ивана Калиты. Это — владения Старого Даниила: без Переяславля-Залесского, без Серпухова, без Можайска, без Боровска. Составитель карты отбросил все примыслы Калиты и его удачливых потомков; ему хотелось вернуть Москву на ее исходные позиции около 1300 г. и в этом позабытом виде показать ее своему читателю.

Княжества Смоленское, Тверское, Ростовское, Белозерское, Нижегородское и земли Новгорода и Пскова показаны на карте более или менее добросовестно.

Тенденция к преувеличению сказалась прежде всего в обрисовке Рязанского княжества. Оно показано непомерно большим, что было достигнуто, во-первых, за счет Москвы, а во-вторых, за счет множества мелких верховских княжеств. Достигалось это опять смещением хронологии: Серпухов принадлежал Москве уже с 1301 г., а здесь он показан рязанским; Калуга и Таруса отошли к Москве еще при Дмитрии Донском и Василии I, но здесь они причислены к Рязанскому княжеству. Боровск, Одоев и Тула (где Василий III в 1520 г. построил каменный кремль) отданы Рязани. Если для изображения Московского княжества составитель карты выбрал темный, отдаленный период младенческой незрелости княжества, то для Рязанского он создает некое абстрактное время, условный золотой век, позволяющий показать максимальную амплитуду рязанских владений за XIV и XV вв.

После 1521 г., когда последний рязанский князь Иван Иванович, потеряв свое княжество, «ускользнул из караула и бежал в Литву» (Герберштейн), представителем рязанских интересов и наследником рязанского престола стал считать себя С. Ф. Бельский, двоюродный брат беглеца¹². Поэтому преувеличение территории Рязанского княжества на нашей карте закономерно продолжает ту же самую тенденцию, которая проявилась и в отборе Бельского и Воротынского княжеств из сотен других уделов.

Присмотримся к тому, насколько достоверно показана на карте территория этих двух княжеств-высочек.

Бельское княжество, расположенное на пустынном водоразделе Волги и Днепра по течению небольшой речки Обши, было невелико; оно было вдвое меньше соседнего Вяземского княжества, вовсе не удостоенного изображения на карте. Однако на карте Сансона-Делиля Бельское княжество показано довольно обширным: его поперечник равен расстоянию от Москвы до Твери. Впрочем, из-за отсутствия городов внутри княжества, которые могли бы служить для нас ориентирами (Белый и в действительности был единственным городом княжества), преувеличение территории, произведенное за счет малозаселенных пространств южновалдайских высот, не бросается в глаза; странно вообще присутствие этого княжества на карте наряду с Тверским, Смоленским, Московским.

Анализ территории Воротынского княжества сложнее и значительно интереснее в связи с тем, что разные карты по-разному дают границы этой земли. Объем Воротынского княжества показан различно на картах Г. и Н. Сансонов (и зависимых от них карт Данкертса и Витсена) и на карте Г. Делиля. Рассмотрим перечень городов, взяв за основу в первом случае карту Гийома Сансона 1674 г. Описание идет с севера на юг (см. стр. 98).

При перенесении на карту обеих групп городов мы получаем следующие две совершенно различные по объему территории: Воротынское княжество по Делилю охватывало излучину Оки вверх и вниз от самого Воротынска; оно захватывало на севере даже Калугу и Алексин, а на юге доходило до Мценска. На запад далее Козельска оно не шло. Протяжение княжества с севера на юг по Оке — около 200 км.

Если говорить о владениях И. М. Воротынского в первой четверти XVI в., то Перемышль следует, несомненно, отнести к его вотчине, так как в летописи при опи-

12

Оказавшись в 1534 г. в Литве, он получил от короля имение Стоклишки, то самое, которым до него владел последний рязанский князь-эмигрант Иван Иванович. В 1537 г. С. Ф. Бельский организует союз Литвы и Крыма против Москвы и просит Сигизмунда помочь ему вернуть Бельское и Рязанское княжества. В 1541 г. Семен Бельский участвовал в татарском походе и вел войска по направлению к «своему» Рязанскому княжеству. Дошел он только до бывшего рязанского городка Ростиславля на Оке.

КАРТА
КНЯЖЕСТВ
1526 ГОДА

	Алексин
	Калуга
Перемышль	Воротынский
Воротынский	Перемышль
Белев	Белев
Болохов	
Лихвин	
Мценск	Мценск
Козельск у Н. Сансона и Витсена	Козельск
Орел	
Кромы	
Карачев у Н. Сансона	
Курск	
Рыльск	
Путивль	
Городище на Псле у Витсена	
Корец (?) у Витсена	

¹³
ПСРЛ, т. 24, стр. 222.

¹⁴
Князь А. М. Курбский, говоря о более позднем времени (о М. И. Воротынском), отмечает большие вотчины Воротынских: «Те княжата были на своих уделах и велия отчины под собою имели» (А. М. Курбский. История о великом князе Московском. СПб., 1913, табл. 123.).

¹⁵
А. М. Курбский. Указ. соч., табл. 130.

сании событий 1521 г. он назван князем Перемышльским¹³. Перемышль стоит на Оке в 15 км от Воротынска. Калуга и Алексин никогда в состав владений Воротынских не входили. На той территории, которая очерчена на карте Делиля как Воротынское княжество, в XV в. существовали княжества: Тарусское, Воротынское, Перемышльское, Козельское, Белевское, Одоевское, Брятинское. А соприкасались с ним: Оболенское, Мосальское, Мезецкое и Новосильское. Из всего этого обилия предпочтение отдано только одному Воротынскому княжеству¹⁴.

Тенденциозность составителя карты в том и сказалась, что он, во-первых, «забыл» о десятке других верховских княжеств, а во-вторых, в том, что земли этих «княжат», являвшихся также крупными вельможами при московском дворе, он совершенно произвольно обвел границей владений Воротынского, превратив их тем самым в крупное русское княжество, близкое по размерам к Ростовскому.

Еще более интересна по своей тенденциозности карта Воротынского княжества у Сансона. Здесь не включены в состав Воротынского княжества ни Калуга, ни Алексин, но зато южные границы раздвинуты далеко на юг до Сейма и Псла. На первый взгляд такая непомерная гиперболизация Воротынского княжества, растянувшегося почти на 400 км, может показаться или простой ошибкой, или беспочвенной фантазией. Однако мы должны помнить о любви автора карты к углублению в историю, о его стремлении выбирать наиболее выгодный для его целей исторический момент, не смущаясь столетиями. Так было с Московским княжеством, отодвинутым на два века назад, и с княжеством Рязанским, обрисованным в своих максимальных границах. Все определялось симпатиями и антипатиями составителя. Присмотримся с этой позиции к Воротынскому княжеству на карте Сансона.

Князя Воротынские были потомками двух героев «Слова о полку Игореве»: по мужской линии они шли от Святослава Всеволодича, а по женской — от Романа Мстиславича. Прямым их родоначальником считался внук Святослава, сын Всеволода Черного — Михаил Черниговский: «Княжата Воротынские и Одоевские от роду мученика князя Михаила Черниговского, закланного от ... Батыя» в 1246 г.¹⁵ Во второй половине XIII в. трое младших сыновей Михаила Черниговского владели рядом городов между Десной, Сеймом и Окой. Князь Семен владел Глуховом, Но-

вотем, Орлом, Белевом и Воротынском; Мстислав — Карачевом, Козельском, Мосальском, Звенигородом и Ельцом; младший Юрий — Тарусой и Оболенском¹⁶.

Членам чернигово-северского княжеского дома принадлежали тогда Рыльск, Курск, Воргол, Липецк и Путивль¹⁷.

Воротынское княжество впервые упоминается как вассал Литвы в 1427 г. в послании Витовта магистру Ордена¹⁸. Первым известным нам Воротынским князем был Федор Юрьевич, правнук Михаила Черниговского и внук Семена Новосильского. Он являлся дедом И. М. Воротынского, современника Ивана III и Василия III, о котором уже говорилось выше¹⁹.

Как видим, само Воротынское княжество не могло похвастаться ни обширностью владений, ни древностью своего основания. Составитель той карты княжеств, которой пользовался Г. Сансон, был озабочен поднятием престижа Воротынского княжества (вероятно, более точно — князей Воротынских) и он достиг этого своеобразным путем, рассчитывая на недостаточную осведомленность читателя: к владениям Воротынских он присоединил земли множества их родичей в нескольких коленах за XIII—XV вв. Так и получилось, что в границах Воротынского княжества оказались Рыльск и Путивль, Курск, Орел и Карачев. С точки зрения реальной географии это бессмыслица, но бессмыслица, так сказать, генеалогически целенаправленная.

Составитель этой карты нигде не вышел за рамки владений дома Михаила Черниговского. Он просто постарался воскресить сумму родовых вотчин нескольких поколений старших родственников И. М. Воротынского, не доводя до сведения читателя, что сумма эта — пестрая мозаика чересполосных владений — никогда не составляла государственного целого.

Если в случае с Московским княжеством составитель обратился к отдаленному прошлому, для того чтобы показать мизерность исходной территории предков «московского тирана», то в случае с Воротынским княжеством он заглянул в глубь веков затем, чтобы создать иллюзию значительности земельных владений той ветви чернигово-северских князей, которая владела восточной окраиной древнего великого княжества. Так условная хронология еще раз сослужила службу составителю карты.

При такой значительной разноголосице карт Сансона и Делиля мы обязаны поставить вопрос о степени достоверности каждой из них. Этот вопрос неизбежно расчлняется на два особых: во-первых, какой вариант ближе к исторической истине, а во-вторых, который из этих вариантов можно возводить к самому первоначальному облику карты княжеств.

К исторической истине ближе, разумеется, карта Г. Делиля. Здесь очерчены владения младшего из Воротынских, князя Ивана Михайловича Перемышльского, перешедшего к Москве в 1487 г. Его дядя, Дмитрий и Семен Федорович Воротынские, владели кроме Воротынских земель также Серенском и землями западнее собственно Воротынского княжества²⁰.

В 1490—1493 гг. эти Воротынские тоже перешли к Москве.

На карте Делиля Серенск не включен в состав Воротынского княжества; следовательно, эта карта отражает владения только одного племянника Воротынских — князя Ивана Михайловича. В этом смысле карта Делиля значительно ближе к исторической действительности, так как, хотя и содержит ряд преувеличений, не расширяет территории Воротынского княжества за счет вотчин всех родичей настоящего и прошедшего, что мы видим на карте Сансона.

Ответ на второй вопрос уже подсказан всем предшествующим: с тем духом нарочитости, антимосковской тенденции, с тем стремлением противопоставить великих и удельных княжат Московскому великому князю, которое присуще «карте княжеств», более соотносится не делилевский, а сансоновский вариант. Только этим

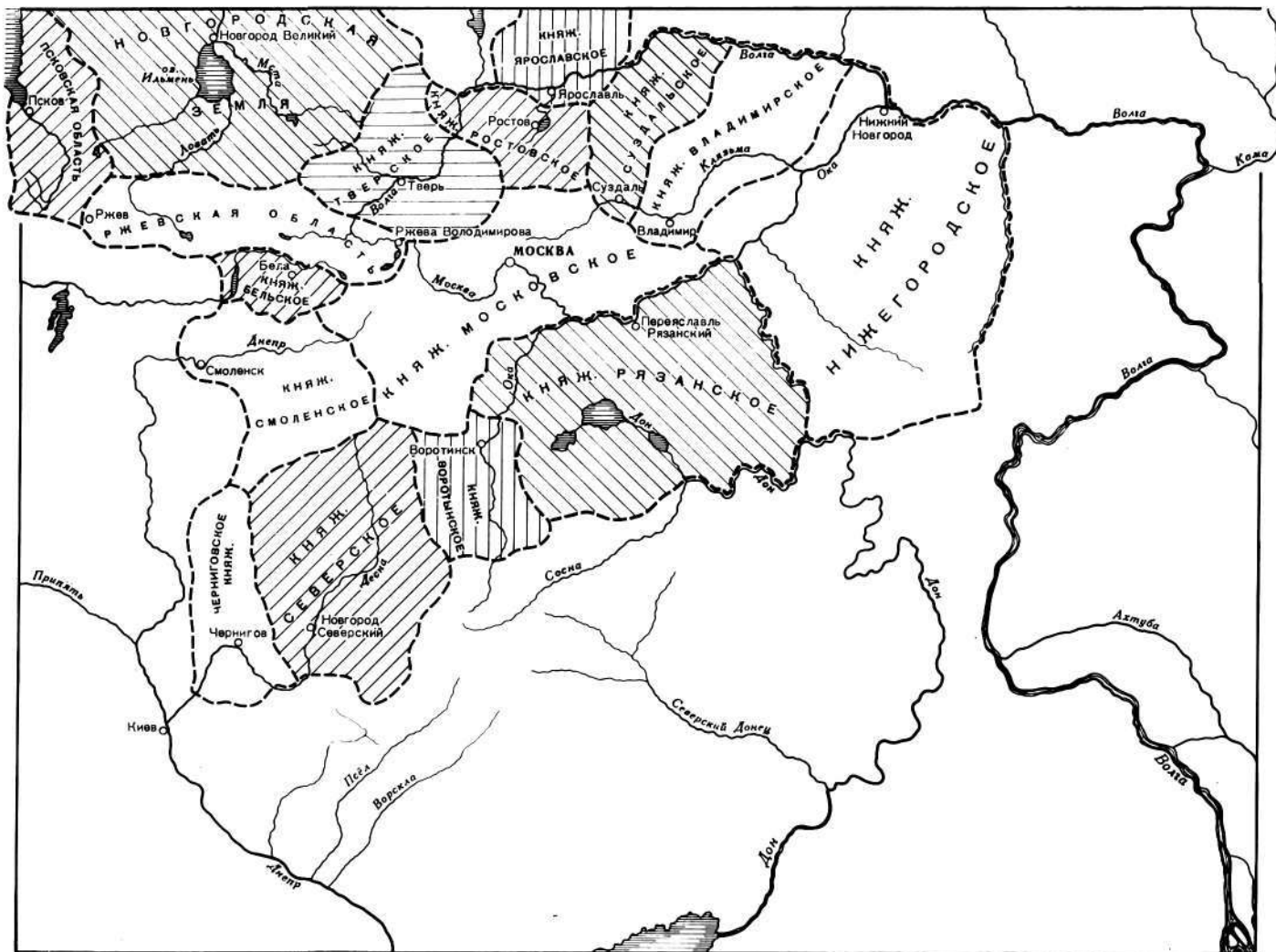
16 От этих чернигово-северских удельных князей пошло множество (преимущественно верхнеокских) князей, повоеванных Ольгердом и Витовтом, а в конце XV в. стремившихся перейти к Москве: Одоевские, Белевские, Воротынские, Мосальские, Козельские, Елецкие, Звенигородские, Мезецкие, Новосильские, Боятинские, Оболенские, Волконские, Хотеевские, Мышецкие и др.

17 В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. 2, кн. 1. Киев, 1908, стр. 483.

18 М. Грушевский. История Украины-Руси, т. IV. Киев — Львов, 1907, стр. 274.

19 Н. Головин. Родословная роспись потомков великого князя Рюрика. М., 1851, № 209, 267, 313, 355, 404, 467, 541.

20 М. К. Любавский. Указ. соч., стр. 123.

20

**СХЕМА
РУССКИХ КНЯЖЕСТВ
ПО КАРТАМ
САНСОНА—ДЕЛИЛЯ
(заштрихованы
княжества, упомянутые
С. Герберштейном
как «захваты
московского тирана»)**

21
В. В. Кордт. Материалы по истории..., вып. II.

22
Когда Алексей Михайлович задумал в 1657 г. создать Записной приказ, то хронографы и летописи искали у разных лиц, в том числе

путем, путем исторических реминисценций и могли незначительные удельные князьки Воротынские поставить себя в один ряд с московскими, рязанскими, тверскими и др. Если бы удалось доказать первичность сансоновского варианта, хорошо известного Делилю по изданиям карт Сансона 1674 и 1688 гг., то сокращение территории Воротынского княжества на карте Делиля 1706 г., может быть, следует рассматривать как исправление, сделанное А. А. Матвеевым или ранее кем-либо из работников Посольского приказа? Едва ли у Г. Делиля могли быть какие-либо собственные соображения по поводу вотчин русских князей на рубеже XV и XVI вв. Старшим современником графа Матвеева был князь Иван Алексеевич Воротынский, связанный с Посольским приказом. Он, во-первых, был причастен к картам Московии, так как именно через него член шведского посольства Класс Прютц получил в 1673 г. для просмотра русский чертеж Сибири ²¹, а во-вторых, он был обладателем большой исторической библиотеки, где находились летописи и хронографы, доставшиеся ему от деда ²².

Матвеевский чертеж Московии, переданный им Г. Делилю, мог быть в свое время отредактирован одним из последних князей Воротынских — Иваном Алексеевичем — именно в отношении вотчин его прямого предка, вельможи Василия III.

КАРТА
КНЯЖЕСТВ
1526 ГОДА

Последний вопрос, который встает перед нами,— это вопрос об авторе карты княжеств.

Круг реальных лиц, заинтересованных в эпоху Василия III в преуменьшении показа московских владений и в субъективном преувеличении своих собственных, определился, на мой взгляд, достаточно ясно: это князья Воротынские и князья Бельские. Недавние вассалы Москвы (Воротынские с 1487—1493 гг.; Бельские с 1500 г.), имеющие хорошие связи с Литвой (что заставляло великого князя относиться к ним с подозрением и требовать крестоцелований), нередко попадающие в опалу, но снова возвращающиеся в круг крупнейших московских вельмож, эти князья могли при каких-то условиях содействовать появлению такой своеобразной карты, которая в большей степени являлась политической программой, чем отражением реальности.

Интересы князей Бельских отразились как в известном преувеличении их княжества, так особенно в гиперболизации Рязанского княжества, наследниками которого они себя считали. М. К. Любавский очень образно оценивает реальное соотношение Москвы и Рязани к началу XVI в.: «По сравнению с разросшимся Московским гигантом великое княжество Рязанское давно уже было пигмеем»²³.

Интересы И. М. Воротынского представлены этой картой еще в большей степени, чем Бельских: Воротынское княжество полностью заслонило собой десятки подобных «верховских» княжеств, что привело к полному искажению действительности. Для Бельских составитель карты не прибегал ни к каким историческим воспоминаниям, а для Воротынского он привлек далекие по времени владения сыновей Михаила Святого в XIII в., с тем чтобы эта историко-генеалогическая перспектива позволила наиболее репрезентативно показать воротынских князей как прямых потомков великих князей черниговских и тем самым как бы уравнивать их с московскими.

Напрашивается вывод, что автора карты княжеств резоннее всего следует искать в непосредственной близости к князю И. М. Воротынскому. В этом смысле тенденциозную и смелую по замыслу карту княжеств можно условно назвать «картой Воротынского». Однако мы должны вспомнить еще одного члена той аристократической фрондирующей княжеско-боярской группировки, которая включала в свой состав всех Воротынских и Бельских, а именно Ивана Васильевича Ляцкого, нашего первого, известного нам по имени картографа. Ляцкий происходил из очень знатного московского боярского рода Андрея Кобылы (к которому принадлежали и Романовы); его прапрадедом был знаменитый боярин Федор Кошка²⁴.

В 1531 г. И. В. Ляцкий вместе с князем И. М. Воротынским подвергся опале со стороны Василия III. В 1534 г. Ляцкий совместно с князем С. Ф. Бельским бежит в Литву, а Воротынские, как мы помним, подверглись тогда опале. Единомыслие и общность судеб Ляцкого, Воротынских и Бельских достаточно подтверждены этими фактами. И. М. Ляцкий мог составить или помочь составить «карту Воротынского», но та карта 1542 г., которая составлена в Вильне самим Ляцким, не содержит никаких признаков близости к «карте княжеств». Там прежде всего нет и следов княжеств. Еще важнее то, что там нет Воротынска! Поэтому, несмотря на соблазнительность построения — в состав фрондирующей группировки входит образованный воевода, знакомый с картографией и создающий карту, выражающую взгляды оппозиции,— от этого следует воздержаться.

Прежде чем перейти к рассмотрению основной идеи «карты княжеств» с ее настойчивым принижением Московского княжества и неоправданным возвышением Рязанского, Воротынского и Бельского, что делает ее картой-памфлетом, мы должны рассмотреть интереснейшие взаимосвязи «карты княжеств» с записками С. Герберштейна.

и у князя И. А. Воротынского. Вспомнили, что дел его И. М. Воротынский жаловал дьяка Ивана Тимофеева за летописные дела, «и потому ивановых книг или списка с тех книг у стольника у князя Ивана Алексеевича Воротынского чаят» (Чтение в ОИИДР, 1900, ч. III, стр. 62—63).

23

М. К. Любавский. Указ. соч., стр. 127.

24

С. Б. Веселовский. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969, стр. 149—152.

Вращаясь в московских придворных кругах в свой второй приезд в 1526 г. в необычайно напряженной обстановке политических процессов, опал и казней, Сигизмунд Герберштейн неизбежно должен был сделать выбор между официальной точкой зрения на события и взглядами его многочисленных друзей и информаторов из лагеря оппозиционной аристократии. И он этот выбор сделал, внимательно выслушивая и фиксируя рассказы о злодеяниях московского «тирана». Не забыт в этих рассказах и князь Иван Михайлович Воротынский.

«Княжество Воротынское, — пишет Герберштейн, — носит одно и то же имя с городом и крепостью, расположенной в трех милях выше Калуги, недалеко от берега Оки».

Обратим внимание на необычайную точность определения местоположения Воротынска — он действительно отстоит от Калуги на 3 мили и расположен не на Оке, а чуть в стороне от реки. Этой областью владел князь Иоанн, по прозвищу Воротынский, муж воинственный и отличавшийся опытностью во многих делах; под его предводительством государь Василий часто одерживал над врагами славные победы.

Но в 1521 г., когда царь Тавриды переправился через Оку и, как сказано выше, с большим войском напал на Москву, для его обуздания и отражения послан был государем с войском молодой человек — князь Дмитрий Бельский. Он пренебрег мудрыми советами Иоанна Воротынского и других и, завидев врага, обратился в позорное бегство²⁵.

Когда после удаления татар государь стал старательно расследовать о виновниках бегства, то Андрей, брат государев (который на самом деле был виновником этого бегства) и другие были оправданы, а Иоанн Воротынский не только навлек на себя великое негодование государя, но был взят в плен и лишен своего княжества. Под конец он, правда, был отпущен из-под стражи, но под тем условием, чтобы никогда не выезжать из Москвы.

Мы также видели его при дворе государя среди первых лиц Москвы»²⁶.

Уже в одном этом отрывке плюсы и минусы расставлены Герберштейном в полном соответствии с «картой княжеств»: других владений на верхней Оке, кроме Воротынского, он не знает; князь Иван Воротынский — мудрый и прославленный полководец, а Василий III — несправедливый трусливый деспот, незаконно отнявший княжество у верного вассала ради того, чтобы выгородить своего родного брата.

Почти все другие разделы «Хорографий» Герберштейна также снабжены историческими примечаниями о недавних, совсем еще свежих событиях, о методах присоединения того или иного княжества к Москве. Рассмотрим их в том порядке, в каком они даны у Герберштейна.

1. Рязанское княжество. Рязанский князь Иван Иванович с помощью татар отвоевал в усобице с братьями княжество и договаривается с Василием III, своим двоюродным дядей, о признании его прав. Великий князь вызвал его в Москву, где он «по приказу государя был схвачен и отдан под почетный караул. Вслед затем государь выгнал его мать (тещу князей Бельских), заточил ее в монастырь и занял крепость с княжеством»; рязанцы были расселены по разным местам. «Этим было надломлено и обессилено могущество всего княжества»²⁷. В 1521 г. князь Иван, двоюродный брат Бельских, бежал в Литву.

2. Кашира и Серпухов. Здесь был ранее «независимый властелин»; Василий III поверил клевете и решил извести его, заключив в Серпухове в тюрьму. Там ему предложили выпить кубок отравленного вина «за благополучие своего государя».

3. Воротынское княжество (см. выше, стр. 97—102).

25

По поводу набега Махмет-Гирея на Москву в 1521 г. Герберштейн не упускает случая уязвить Василия III, передавая рассказ о том, как он будто бы бежал из Москвы: «Он был до такой степени поражен страхом, что, отчаявшись в своем положении, несколько времени прятался, как сообщают некоторые, под столом сена» (С. Герберштейн. Записки о московских делах. СПб., 1908, стр. 148).

26

С. Герберштейн. Указ. соч., стр. 108—109.

27

Там же, стр. 105.

4. Северское княжество. «Василий Иванович (Московский) подчинил себе это княжество, подобно большинству других, следующим образом»: Василий Шемячич (Северский) оклеветал Дмитрия Стародубского перед Василием III. «Государь дает поручение Василию (Шемячичу), чтобы тот каким бы то ни было способом захватил Дмитрия». «Дмитрий был коварно пойман на охоте... схвачен, отвезен в Москву и ввергнут в оковы». В 1519 г. князь Дмитрий скончался в темнице. «И все это совершилось по вине Василия Шемячича, по внушению которого и раньше государь захватил владыку Каширы и своего родного брата и умертвил их в темнице». Скоро и сам Шемячич был обвинен в измене, в попытке перейти к Сигизмунду Польскому. На вызов Василия III Шемячич потребовал охранную грамоту, «скрепленную клятвой государя и митрополита». Грамота была дана, Герберштейн даже сообщает точную дату ее — 18 апреля 1523 г. Шемячич явился в Москву, был торжественно принят, но вскоре «он был схвачен и брошен в тюрьму, где содержался и тогда, когда я был в Москве». Герберштейн пишет: «Другие же приводят более вероятное основание: именно во всей империи московского владыки оставался один только Шемячич, который владел крепостями и княжествами и вот, чтобы тем легче изгнать его и безопаснее властвовать, выдуманно было обвинение в вероломстве»²⁸.

28
С. Герберштейн. Указ.
соч., стр. 109—110.

5. Бельское княжество. Князья Бельские, хотя и пользовались доходами со своей земли, «однако они не дерзали отправиться туда, ибо государь Московии отнял у них Бельское княжество и присвоил себе этот титул». В отличие от Воротынского княжества, властитель которого И. М. Воротынский охарактеризован Герберштейном как примечательная личность, князья Бельские упомянуты им глухо, как трое сыновей князя, ошибочно названного Василием (на самом деле его звали Федором)²⁹.

29
Там же, стр. 113.

6. Тверское княжество. Здесь княжил Михаил Борисович, «которого впоследствии зять его по сестре, великий князь Московский, лишил княжества и Михаил умер изгнанником в Литве»³⁰.

30
Там же, стр. 115.

7. Новгород Великий. Иван III «семь лет подряд теснил их тяжкою войною»; «посредством хитрости он занял Новгород и обратил его в рабство — отнял все имущество у архиепископа, граждан, купцов и иноземцев и... отвез оттуда в Москву 300 повозок, нагруженных золотом, серебром и драгоценными камнями. Я тщательно расспрашивал в Москве об этом обстоятельстве и узнал, что оттуда было уведено гораздо больше повозок, нагруженных добычею»³¹.

31
Там же, стр. 118.

8. Псков. Иван III «обратил в рабство».

9. Ростовское княжество. Потомки ростовских князей «весьма недавно были прогнаны оттуда Иоанном, отцом Василия, и лишены области»³².

32
Там же, стр. 125.

10. Ярославское княжество. Герберштейн напоминает о том, что и ярославских князей «покорил силою тот же монарх». Дается подробная характеристика престарелого князя С. Ф. Курбского, покорителя Югры в 1499 г., от которого австрийский посол получил, очевидно, «Указатель пути к Печоре, Югре и к реке Оби»³³.

33
Там же, стр. 125—127.

11. Суздальское княжество. Потомки суздальских князей, «в том числе Василий Шуйский с племянником его, сыном брата (которые еще были живы в нашу бытность в Московии), были лишены княжества Иоанном Васильевичем»³⁴.

34
Там же, стр. 133.

Как видим, почти каждый отдельный географический объект снабжен примечаниями Герберштейна, в которых процесс образования Московского государства рассматривается прежде всего как узурпация прав старинных княжеских домов. Иван III «прогонял» князей, «лишал области», «покорял силою», «обращал в рабство». По отношению к Василию III эти глухие формулы расцветаются красочными рассказами о вероломстве, нарушении клятвы, ложных обвинениях, о кубках с ядом, внезапных захватах на охоте, подкупе военачальников противника... Колоритнее всего зло-

дейский облик Василия III обрисован Герберштейном при описании судьбы Михаила Глинского. Будучи арестован за попытку эмигрировать, он будто бы начал обличать Василия III за то, что великий князь не дал ему, Глинскому, обещанного Смоленска, назвал Василия «тираном» и говорил русским людям, что разъяснит им, каков на деле их государь»³⁵.

Общая характеристика Василия III дана Герберштейном в его вводной исторической части: «... Василий был очень несчастлив на войне... Властью, которую он применяет по отношению к своим подданным, он легко превосходит всех монархов мира. И он докончил также то, что начал его отец, а именно — отнял у всех князей и других властелинов все их города и укрепления... Всех одинаково гнетет он жестоким рабством...»³⁶

Ко времени второго приезда австрийского дипломата недовольство деятельностью «тирана» обозначилось очень резко; были очень свежи отголоски дел Берсения Беклемишева и Федора Жареного (1525 г.), связанных с теми же оппозиционными кругами, свежи были выступления князей С. Ф. Курбского и В. И. Патрикеева (Вассиана) против развода великого князя с Соломонией Сабуровой, дело Максима Грека и многие другие.

Герберштейн не только интересовался всеми московскими делами, но и был хорошо знаком с такими деятелями, как князь И. М. Воротынский, князь С. Ф. Курбский, князь Василий Шуйский, князя Бельские, Дмитрий Герасимов, И. В. Ляцкий. Все симпатии Герберштейна на их стороне, а Василия III он обрисовал в своих «Записках» достаточно мрачными красками, а иногда даже высмеивал его (монарх, прячущийся в стог сена).

Как видим, дух записей Герберштейна одинаков с духом «карты княжеств», карты-памфлета, представлявшей Московию эпохи Василия III не как единую империю, а как конгломерат старых и новых княжеств, в сумме своей несравненно более могущественных, чем незначительное княжество в среднем течении Москвы-реки.

Однако на этом сходство карты и «Хорографии» Герберштейна не обрывается: сама структура описания русских земель у Герберштейна сходна с «картой княжеств».

<i>Княжества по «Хорографии» С. Герберштейна</i>	<i>«Карта княжеств» по Г. Делилю</i>
Московское	Московское
Владимирское	Владимирское
Нижегородское	Нижегородское
Касимовское	Касимовское
Рязанское	Рязанское
Воротынское	Воротынское
Северское	Северское
—	Черниговское
Смоленское	Смоленское
Бельское	Бельское
Ржевская обл.	Ржевская обл.
Тверское	Тверское
Новгород	Новгород
Псков	Псков
Дмитровское	—

Белозерское
—
Ростовское
Ярославское
Суздальское

Белозерское
Ухтомское (без границ)
Ростовское
Ярославское
Суздальское
Галицкое

Такое сходство может быть объяснено двояко: или Герберштейн вел свое описание по подобной карте или же карта составлена Делилем по тексту «Записок» Герберштейна. Второе предположение может показаться более вероятным, так как Гийом Делиль, образованнейший человек своего времени, бесспорно, знал «Записки» Герберштейна. Более того, на делилевской карте есть несомненные следы переноса на карту текстовых данных Герберштейна. Таковы путь посольства С. Герберштейна в Москву через Опочку, Новгород и Тверь и другой — через Смоленск и Можайск. Эти пути со всеми городами, ямами и бродами точно перенесены на карту, сохранились даже ошибки Герберштейна (например: «Ореат Рехелвицы» вместо «Яжелбицы») ³⁷. Из текста «Записок» взяты аннотации к пограничным некогда рекам Угре и Суре, являющиеся на карте Делиля французским переводом латинских фраз Герберштейна.

Нам, однако, следует помнить, что карта Делиля — добросовестная компиляция самых разнородных материалов. Так, мы найдем там записи, относящиеся к эпохе Петра I: «В 1685 г. армия царя нашла древние памятники, обозначенные у Птолемея как жертвенники Александра» (надпись у р. Морской Чилик, куда доходили войска В. В. Голицына в 1685 г.); «Таганрог... город, построенный царем»; «Остров Соломбала (у Архангельска), где производится постройка кораблей»; «Нюхтенская пристань, где царь высаживался в 1702 г.» Многие почерпнуто Делилем у А. Олеария (течение Волги). В числе этих различных материалов были и «Записки» Герберштейна, но относить «карту княжеств» за счет картографического оформления герберштейновских записей у нас все же нет никаких оснований. Во-первых, текст не давал никаких опорных данных для проведения таких точных и извилистых границ, какие мы видим на карте. Во-вторых, карта не является отражением текста хотя бы потому, что в тексте не говорится о княжествах Черниговском (оно рассматривается как часть Северского), Галицком и Ухтомском, а на карте они есть. Кроме того, в тексте есть упоминания о самостоятельных владетелях в Кашире и Туле, а на карте оба эти города показаны в составе Рязанского княжества ³⁸. Дмитров в тексте назван владением князя Юрия Ивановича, а на карте его удел не показан. Мценск по месту его описания в тексте должен был бы быть отнесен к Рязанскому княжеству, а на карте Делиля он помещен в южной части Воротынского, для чего текст Герберштейна не дает никаких оснований. Третьим возражением против предположения об использовании Делилем текста Герберштейна для составления карты княжеств является то, что не Делиль первым дал границы русских княжеств XV—XVI вв. Если не считать Меркатора, который нанес на свою карту только надписи, обозначающие княжества, то первенство следует отдать Сансону, впервые обозначившему границы всех княжеств уже в 1674 г.

Карты Сансона разных лет производят впечатление небрежности; границы княжеств, очевидно, накладывались на имевшуюся географическую основу весьма приблизительно и в разных изданиях различно. Возможно, что тот чертеж, с которого он и его сыновья брали границы княжеств, имел иную речную сеть (сравни Сухону и Двину у Делиля) и иной подбор городов, что создавало неудобство при переносе границ на более подробную карту. Вероятно, этим и объясняются отличия карты

³⁷ С. Герберштейн.
Указ. соч., стр. 224—227.

³⁸ «Город Тула даже и во время Василия имел собственного государя» (С. Герберштейн. Указ. соч., стр. 195).

Сансона от карты Делиля. Невозможно считать, что Делиль копировал какую-либо карту Сансонов, так как границы княжеств слишком существенно расходятся. Но для нас важно отметить то, что у Сансона мы совершенно не видим никаких следов пользования текстом Герберштейна, а между тем почти полный набор герберштейнских княжеств на карте есть. Черниговское княжество здесь показано отдельно, независимо от Северского (как и у Делиля).

Таким образом, отпадает предположение о том, что кто-либо из французских географов в 1674—1706 гг. обратился к тексту Герберштейна для того, чтобы с его помощью воссоздать карту княжеств, последнее из которых перестало существовать в 1523 г. Отпадает, разумеется, и допущение, что границы княжеств являются просто фантазией картографов, так как для фантазирования на эту тему нет никаких оснований: княжества перестали существовать за 150—200 лет до составления карты, состав княжеств не совпадал даже с титулом московских царей — княжество Воротынское, например, никогда не входило в титул.

Остается объяснить сходство карты княжеств с текстом Герберштейна тем, что любопытный австриец видел подобную карту в Москве. К 1526 г. в Москве уже существовало много разных чертежей. Знакомство Герберштейна с чертежом 1523 г., особенно с локальным чертежом Северской земли (кстати, включавшим и Чернигов), нами уже выяснено. Ни один из них не содержал точных границ княжеств, так как эти чертежи были государственными, а не частными.

Решение загадки карты княжеств мне представляется в таком виде: Герберштейн, с первых дней приезда в Россию интересовавшийся «ландкартами», пытался получить любые картографические материалы. Он обращался за ними к И. В. Ляцкому, но в свою бытность в Московии их не получил. Вероятно, при содействии князя С. Ф. Курбского он получил подробный Печорско-югорский дорожник; от Григория Истома получил описание плавания по Белому морю и Ледовитому океану в 1496 г., правильность которого Герберштейну подтвердил Дмитрий Герасимов³⁹. Очень вероятно, что Герберштейна ознакомили с общим чертежом России, близким к тому, который отразился в карте Гесселя Герритса; отсюда, пользуясь масштабом или надписями с указанием верст, Герберштейн брал расстояния между городами. Возможно, что австрийскому послу был доступен подробный чертеж Северско-Черниговской земли с путем на Перекоп через Псел, Орел и Конские Воды. Это, пожалуй, единственный чертеж, отразившийся не только в тексте, но и в карте самого Герберштейна 1546 г. Это обилие справочного и картографического русского материала позволило добросовестному дипломату написать полезный и обстоятельный труд о Московии, который был по достоинству оценен в Европе. Но эти материалы, полученные, очевидно, в Посольской избе, не могли прояснить Герберштейну ту сложную обстановку внутренней жизни Московского государства, в какой он оказался в свой второй приезд в 1526 г.

В Московии у нашего ученого географа вполне определились его собственные политические симпатии — как императорский посол, представлявший в Москве интересы римско-католической стороны, Герберштейн защищал Польшу и Литву, а тем самым он становился политическим противником Василия III, а следовательно, и другом его внутренних врагов. Удельно-княжеская оппозиция великому князю была его естественной питательной средой, где он осторожно и осмотрительно искал союзников и информаторов. Споры о княжествах и вотчинах, рассказы об узурпации прав и конфискации княжеских земель московским «тираном», недавняя ликвидация вотчин князей Рязани (1521 г.), Новгорода-Северского (1523 г.), временное изъятие вотчины Воротынских (1522—1525 гг.) — все это весьма интересовало дипломата, но и необычайно запутывало географо-политические представления иноземца о необъят-

³⁹
С. Герберштейн. Указ.
соч., стр. 188.

ной Московии. Вот здесь-то и мог прийти к нему на помощь один из его московских друзей, «муж воинственный и отличавшийся опытностью во многих делах» — князь Иван Михайлович Воротынский, только недавно вышедший из-под стражи и получивший обратно свою опальную вотчину. Его схема взаимного расположения бывших княжеств дышала, с одной стороны, ненавистью к великому князю Московскому, владения которого представлены на карте в объеме на 1300 г., а с другой стороны, преувеличенным расположением к своим друзьям и единомышленникам: огромное Рязанское княжество переходило на левый берег Оки, Бельское растянулось на полторы сотни верст, а его собственное Воротынское княжество (хотя его вотчина и была богата) покрыло территорию в 15 000 кв. км. (по карте Делиля). Преувеличены и владения последней жертвы тирана — северского князя Василия Шемячича; Северское княжество никогда не простиралось до Угры и истоков Десны.

Для русских людей такая карта была совершенно не нужна, а все ее тенденциозные искажения были для всех русских слишком заметны. Подобную карту нельзя было показать даже в тех же оппозиционных московских кругах, к которым принадлежал сам Воротынский — князья Одоевские, Новосильские, Мосальские, Болховские, Мезецкие и другие были бы кровно оскорблены отсутствием их вотчин при наличии непомерно большого княжества Воротынского.

Карта не отвечала ни одному хронологическому моменту; обозначенные на ней княжества в таком виде не существовали одновременно. Это карта с условным временем.

На всей карте княжеств лежит отпечаток нарочитого архаизма, сознательного углубления в золотой век великих и удельных князей, предшествовавший той стремительной централизации, которая проходила почти на глазах у Герберштейна.

Может быть, здесь учитывался специальный интерес Герберштейна к русской истории, его занятия летописями, его тщательные расспросы о действиях двух монархов — Ивана III и Василия III.

Из всех высказанных соображений складывается убеждение, что схему княжеств с историческим уклоном изготовил для Герберштейна один из его информаторов, которого в своих «Записках» австрийский дипломат всячески стремился выгородить, — князь И. М. Воротынский.

Карта княжеств послужила основой для написания Герберштейном раздела «Хорографии», где обзор географических областей (поразительно совпадающих с картой княжеств) дополнялся по устным рассказам историческими справками о захватах Ивана III (на карте — Новгород, Тверь, Суздаль, Ярославль) и о недавних коварных действиях Василия III (Рязань, Северская земля, Воротынский, Бельск, Псков и Смоленск)⁴⁰.

В этом смысле карта Воротынского удовлетворяла трем элементам любознательности Герберштейна: географическому, историческому и политическому. Но такая карта (как и речи с послом императора) была криминальна и осмотрительный Герберштейн ни на нее, ни на ее автора не сослался. Вспомним его осторожность по поводу Михаила Глинского: Герберштейн еще в свой первый приезд собрал подробнейшие сведения о всей жизни этого князя, начиная с его юношеских дел в Саксонии, подробно изложил вероломство Василия III по отношению к Глинскому (в связи со взятием Смоленска), но когда в 1526 г. москвичи спрашивали его мнение о Глинском (находившемся под арестом), Герберштейн отмалчивался: «Я отвечал им то, что, по моему мнению, должно было служить к его выгоде, а именно — что я когда-то слышал только его имя»⁴¹. Это говорил человек, добивавшийся встречи с Михаилом Глинским еще в 1517 г. Такая же дипломатичность была, очевидно, проявлена и по отношению к только-что вышедшему из-под опалы князю Воротынскому — Гербер-

⁴⁰ К устным сообщениям самого И. М. Воротынского следует отнести не только биографические данные о делах 1521 г., но и точнейшее определение географического положения такого незначительного городка, каким являлся по существу Воротынский: недалеко от Оки, в трех милях от Калуги, выше ее по течению реки (!).

⁴¹ С. Герберштейн, Указ. соч., стр. 172.

штейн его похвалил, взял под защиту, но о крамольной карте, так помогшей ему в составлении «Записок», он умолчал, как умолчал он и о том, что обращался за помощью к другому подозрительному лицу — И. В. Ляцкому.

Карта Воротынского так, вероятно, и осталась потаенной в его роду и при последнем из Воротынских, Иване Алексеевиче, ведавшем картами, вышла из Посольского приказа спустя полтора столетия после ее составления и попала в руки королевских географов Людовика XIV, воскрешая не столько давно забытые границы русских княжеств, сколько жаркую полемическую борьбу удельных князей с московским самовластием в далеком 1526 г., когда на сторону оппозиционеров стал не слишком удачливый дипломат, но хороший ученый Сигизмунд Герберштейн.

Старинные русские чертежи Московского государства долгое время скрывались в западноевропейских картах Баттиста Аньезе, Антония Вида, Антония Дженкинсона, Герарда Меркатора, Гесселя Герритса, Николая и Гийома Сансонов, Гийома Делиля. Иноземцев, пользовавшихся русскими оригиналами, нельзя обвинить в том, что они умышленно умалчивали о своих источниках: Аньезе в 1525 г. честно писал, что его карта составлена с помощью Дмитрия Герасимова, Антоний Вид в 1542 г. подробно изложил содействие И. В. Ляцкого, к которому, оказывается, обращался за 16 лет до этого С. Герберштейн. Гессель Герритс в 1613 г. добросовестно признал, что, за исключением Русского Севера, его карта составлена по автографу царевича Федора Борисовича. Гийом Делиль в 1706 г. торжественно посвятил свою исключительно интересную общую карту России русскому послу при дворе Людовика XIV графу А. А. Матвееву и дал на карте ряд географических терминов по-русски (город, село, слобода, деревня, волость, ям, наволоок, держава, пристань, остров, кабак, волок, озеро, пятина), подчеркивая этим русское происхождение карты.

В этих ссылках на русские источники для иностранных картографов была гарантия достоверности их карт нового, почти неведомого мира, названного ими по новой столице Московией.

Важность европейских карт Московии XVI—XVIII вв. для истории русской картографии повышается в связи с тем, что, как показал анализ, в руки иноземцев обычно попадали старые, безнадежно устаревшие русские карты, время составления которых отдалено от получившего их счастливица-публикатора на несколько десятилетий. Так, карта А. Дженкинсона 1562 г. восходит к русскому чертежу 1497 г. (65 лет разницы); карта Гесселя Герритса 1613 г. — к чертежу 1523 г. (90 лет разницы); карта Делиля 1706 г. отделена от исходного русского чертежа на 180 лет.

Иностранные карты России XVI—XVII вв. благодаря своей архаичной сущности представляют мало интереса для изучения той эпохи, которая обозначена как год издания карты, но, будучи возвращены на свое истинное историческое место, они становятся для нас драгоценным историческим источником.

До недавнего времени считалось, что «истоками русской картографии» являются карты Антония Вида (1542—1555 гг.) и Сигизмунда Герберштейна (1546 г.), в которых сказалась помощь русских людей иностранцам, но что первой, действительно русской картой следует считать только Большой Чертеж, созданный в 1590-е г.⁴²

Теперь выяснилось, что дату первой русской карты всей Московии нужно передвинуть на целое столетие назад, а это уже существенно меняет взаимоотношение между западноевропейской и русской картографией в XV—XVI вв. и значительно увеличивает вклад русской науки в европейскую географию эпохи Ренессанса.

⁴²
L. Bagrow. At the source of the Cartography of Russia. «Imago Mundi», vol. XVI. Amsterdam, 1962, p. 41.

Эта книга посвящена не всему периоду, предшествующему оформлению такой огромной стратегической карты, как Большой Чертеж, а лишь только первой его половине, тому полустолетию, которое предшествовало изготовлению карты Ляцкого — Вида в 1542 г. на чужбине, в отрыве от московских государственных чертежей. Автору трудно судить, насколько убедительны все его соображения и построения; моей путеводной нитью были прежде всего анахронизмы европейских карт, резкое несоответствие в ряде случаев государственной границы России времени публикации карт. Устарелость границ вела к той эпохе, когда они, эти границы, были еще живыми и истинны; этот простой и ясный принцип позволил передвинуть ряд русских оригиналов карт XVI—XVII вв. в эпоху Ивана III и Василия III, к первым десятилетиям жизни только что объединенного Московского государства.

Этапы развития русской картографии можно представить себе так.

В конце XIV в. в московских правительственных и церковных кругах началась систематизация географических материалов как по всем русским землям, так и по соседним государствам Европы и Ближнего Востока.

Развитие писцового дела в XV в. увеличило фонд детальных географических данных почти по всем русским землям. Создание Московского государства с его тысячеверстными пространствами вызвало к жизни специальные «дорожники» с расчетом расстояний в верстах. Появление планов отдельных земельных участков, вычерченных «на лубе», в конце XV в. содействовало восприятию русскими людьми идеи графического изображения государств, идеи чертежа или карты.

Учителями картографии были, по всей вероятности, итальянцы, «фрязове», жившие в большом числе в Москве в последней четверти XV в.

Первой русской картой всей Московской державы следует считать «старый чертеж» 1497 г., датированный достаточно точно по данным русско-шведской войны (взятие шведами Ивангорода).

Составители этого чертежа постарались охватить всю основную территорию тогдашней Московии, подразделив ее на ряд крупных военно-фискальных областей. Главной своей задачей, как можно думать, картографы Ивана III считали общее представление о новой державе, ее обозримости, синтезирование сотен мелких удельно-феодальных владений в единое государственное целое. Чертеж единого государства Ивана III был ровесником единого законодательства — Судебника 1497 г.

Чертеж, по всей вероятности, был ориентирован, как и старые итальянские карты, по югу или юго-востоку; такая традиция прослеживается от 1542 по 1680-е годы. Общий чертеж составил из двух половин (Новгородско-Двинской и Московско-Казанской), выполненных в разных масштабах, Чертеж мог быть большим, значительно крупнее (а может быть, и подробнее?) той карты Дженкинсона, которая сохранила нам его схему.

Русско-литовские войны конца XV — первой четверти XVI в. и ожесточенные споры дипломатов о пограничных областях вызвали к жизни целую серию локальных чертежей служебного, демаркационного назначения, составлявшихся, очевидно, по мере воссоединения той или иной земли с Россией. Названия этих чертежей сохранились в описях царского архива Грозного и архива Посольского приказа 1614 г., но сами чертежи не уцелели, разделив, очевидно, судьбу Большого Чертежа, сгоревшего в пожар 1627 г.

В 1523 г. (или около этого времени), по всей вероятности, в Посольской Избе создается новый чертеж Московского государства, послуживший в 1600 г. царевичу Федору в качестве основы, на которую он наносил засечную черту и города, построенные его отцом. Составители нового чертежа были невнимательны к восточной окраине государства, где дела решались не за дипломатическим столом; на новом

чертеже отсутствовал русский Север, тоже не представлявший в эти годы ничего спорного, но зато все западное пограничье, широкая полоса Псковских, Смоленских и Северских земель показана с необычайной подробностью: нанесены реки и мелкие речки, озера, города, крепости и даже пограничные деревни. Можно думать, что новая карта Московии с особым, пристальным вниманием ко всему западному порубежью «государевой земли» с «Лифляндскими немцами и с Литовскою землею» возникла на основе серии пограничных чертежей 1503—1514 гг. и была создана специально для дипломатического закрепления новых приобретений Москвы в западнорусских землях. Одним из таких моментов, когда карта помогла обсуждению нового положения, был 1517 г., а другим — 1523 год — год подписания перемирия с королем Сигизмундом. Государственная граница на востоке (без Казани) склоняет к признанию второй даты.

Новый чертеж 1523 г. прежде всего демонстрировал Московское государство в его новом объеме, отражая условия мира 1523 г., по которому Смоленск и Северские города прочно закреплялись за Москвой. Эта была карта результатов огромных побед московского оружия за 35 лет, прошедших со времени «старого чертежа 1497 г.».

Когда Василий III отправил в 1525 г. посольство в Рим к папе Клименту VII, то с именем русского посла Дмитрия Герасимова неоднократно связывалась какая-то карта Московии, так и оставшаяся нам неизвестной. Надо полагать, что для такого торжественного случая, когда нужно было показать могущество Московской державы главе католического мира, был выбран новейший чертеж, включавший все старые и новые земли Москвы, т. е. чертеж типа 1523 г.

Слабым отражением загадочной карты Д. Герасимова является карта венецианца Б. Аньезе 1525 г. В пользу того, что ее оригинал был близок к чертежу 1523 г., может говорить то, что на нем (на оригинале Герасимова) тоже не был представлен Русский Север, и Дмитрию Герасимову, превосходному знатоку Севера, плававшему еще в 1496 г. по Ледовитому океану, пришлось сделать то, что спустя 88 лет сделал с картой Федора Годунова Гессель Герритс, — дополнить карту основных московских земель пространном чертежом Ледовитого океана от устья Северной Двины до Печоры и Оби («Югорской реки»).

Карта Севера Дмитрия Герасимова была иллюстрацией к его устному рассказу, чрезвычайно заинтересовавшему итальянцев эпохи Ренессанса, о морском пути в Китай и Индию вдоль побережья Ледовитого океана.

Почти в эти же годы появляется еще одно своеобразное дополнение к существовавшим чертежам Московии. Если «старый чертеж 1497 г.» давал державу Ивана III во всем ее объеме, а новый чертеж повествовал о значительно возросшей к 1523 г. державе Василия III, то новое дополнение, которое можно связывать хронологически с приездом С. Герберштейна в 1526 г., ставило своей задачей познакомить читателя с границами исчезнувших княжеств (карты Сансона и Делиля). Гипертрофия Воротынского княжества на этой карте, вытеснившего все остальные верховские княжества, позволяет связать составление этой оригинальной карты с именем опального князя И. М. Воротынского, одного из информаторов Герберштейна.

В противовес государственным чертежам 1497 и 1523 гг., проводившим государственные идеи и пренебрегавшим феодальным дроблением русских земель, карта Воротынского является как бы политическим памфлетом, вышедшим из недр удельно-княжеской оппозиции Василию III и его централизаторской политике. Карта с границами княжеств превращала Московское княжество в небольшую вотчину в границах времен Даниила Александровича. На карте воскрешены как самостоятельные государства давно влившиеся в Московское государство земли вроде Нижегородского, Владимирского или Тверского княжеств; здесь непомерно раздуты такие княжества, как Воротынское, Бельское, Рязанское.

Одним из средств искажения являлось смещение хронологии, применение «произвольного времени», когда для каждого княжества избиралась та эпоха, которая позволяла автору карты выразить свои симпатии и антипатии к тем или иным князьям: симпатизирует он князьям Рязанским (и их наследникам Бельским), и Рязанское княжество показано в пору своего максимального могущества. Враждует автор с «московским тираном» Василием III, и Московское княжество показано на карте без приобретений не только Ивана III, но и без присоединений Дмитрия Донского, даже без примыслов Ивана Калиты в полузабытых границах 1300 г.

Тенденциозная удельно-аристократическая карта княжеств появилась в пору ожесточенной политической борьбы, в самый разгар судебных процессов и опал 1525—1526 гг.

Возможно, что она была составлена Воротынским по просьбе враждебно настроенного к Василию III Герберштейна, которому во всем богатстве русских географических материалов не хватало путеводителя по недавно исчезнувшим вотчинам князей, побежденных «тираном». В своем полном виде, с границами княжеств эта криминальная карта проникла на Запад очень поздно, спустя почти полтора столетия после своего составления.

Карты Дженкинсона, Гесселя Герритса и Г. Делиля содержат не только отголоски древних русских чертежей Московии эпохи Ивана III и Василия III, но и ряд других материалов середины и второй половины XVI в. Это — локальные чертежи (вероятно, связанные с писцовым делом) вроде чертежей Двинской земли с волостями и деревнями (Делиль), карты волжских пристаней, волжская лоция, какие-то подготовительные материалы к составлению Большого Чертежа, создававшиеся еще в середине XVI в., и многое другое.

Главная задача этой книги состояла в выявлении самых ранних русских материалов, которые можно извлечь из всей огромной массы западноевропейских карт XVI—XVIII вв.

Оказалось, что истоки русской картографии следует передвинуть значительно вглубь: первые русские чертежи, охватывающие всю Московию, возникли на столет раньше Большого Чертежа в пору наибольшего интереса во всем мире к проблемам географии — в конце XV — начале XVI в., закрепив на бумаге новостроенное Московское государство Ивана III и Василия III.

БОРИС АЛЕКСАНДРОВИЧ РЫБАКОВ

**РУССКИЕ
КАРТЫ
МОСКОВИИ
XV — начала XVI века**

Утверждено к печати
Ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии

Редакторы издательства
Н. П. Бобрик, Г. В. Моисеенко

Оформление художника
Н. А. Седельникова

Художественный редактор
В. Н. Тикун

Технические редакторы
Т. А. Прусакова, А. П. Гусева

Сдано в набор 6/III 1974 г.
Подписано в печать 25/IX 1974 г.
Формат 60 × 90¹/₈. Бумага мелованная.
Усл. печ. л. 15. Уч. изд. 13,3 Тираж 7000
Т-16723. Тип. зак. 598. Цена 1 р. 92 к.

Издательство «Наука»
103717 ГСП. Москва К-62. Подсосенский пер. д. 21
2-я типография издательства «Наука»
121099 Москва Г-99. Шубинский пер., д. 10

